

Содержание

УДК 37
ББК 74

ОБРАЗОВАНИЕ

КОРОЛЬКОВ А.А. К вопросу о религиозно-философских основаниях русской школы To the question about religious and philosophical basis of the Russian school.....	4
СОЛОВЬЕВ Д.Н. КАЗАКОВ А.В. Военное и гражданское обучение казачьих формирований как составляющая повышения военной мощи Российской империи Military and civil training Cossack units as a component of the increasing military power of the Russian Empire (1850-1912).....	10
ЕЛИСЕЕНКО О.И. Детские игры и современность Children's games and modernity	17
КРЫЛОВА Е.В. ГЕВОРГЯН А.С. Социализация и воспитание личности Socialization and upbringing of personality.....	24
ИСАЧЕНКО Ю.С. Особенности организации образовательного процесса в условиях социальной напряжённости в кризисном социуме Peculiarities of organization of the educational process in terms of social tension in crisis society.....	27
ЗАХАРЧЕНКО М.В. Категория духовности в современном дискурсе об образовании Category of spirituality in modern discourse on education.....	32
ХЛЕБОВИЧ Н.И. Духовно-нравственное развитие учеников на уроках литературы (задачи педагогической герменевтики) Moral and spiritual development of pupils at literature lessons (tasks pedagogical hermeneutics)	38

УДК 330
ББК 65

ЭКОНОМИКА

КУЛИКОВ А.Д. СТЕПАНОВА М.В. Инновационные стратегии развития региональной выставочной деятельности Innovation development strategy regional exhibition activities	44
КУКЛИНА Е.А. Методы и модели корпоративного планирования Methods and models of corporate planning.....	51
СМИРНОВ Т.А. МИХАЙЛОВ Ю.В. Бизнес – это люди (Опыт профессиональной подготовки персонала в компании «Мацусита Электрик Индастриал») Business – people (Experience of professional training of personnel the company «Matsushita Electric Industrial»)	58

НИКОНОРОВ В.М. Экономико-математические методы в транспортной науке Economic-mathematical methods in transport science.	63
ИВАНОВ А.С. Региональное экономическое пространство в системе мирохозяйственных связей Regional economic space in the world economic system	67
ДОМАШЕНКО А.А. Управление развитием малых социальных систем Management of development of small social systems	73

УДК 30
ББК 60

ОБЩЕСТВО

МАСЛЕННИКОВ Д.В. «Злая тьма махинеи...» (Гностицизм как источник культа зла в истории европейского общества) «Evil darkness Manichaeism...» (Gnosticism as a source of evil cult in history of the European community).....	75
БОГДАНОВ В.В. Категория диалектического противоречия и социальное прогнозирование Category dialectical contradiction and social forecasting	94
ДАНИЛЕНКО М.В. Либеральные и нелиберальные концепции права в Западной Европе (XX век) Liberal and neo-liberal concept of law in Western Europe (XX century)	90
ГРЫЗЛОВ Д.Б. СКИДАН Р.В. ДЕМЕНТЬЕВ А.В. Россия начала XX века: у истоков парламентаризма Russia in the beginning of XX century: at the origins of parliamentarism.....	82
ГАСАНОВ М.А. Проблема отношения обычного и позитивного права в системе местного самоуправления дореволюционной России The problems of normal and positive rights in the system local government pre-revolutionary Russia.....	101
ФАИЗОВ А.В. Историографический обзор высших властных структур российской монархии второй четверти XVIII века Historiographical overview of the history of Russian monarchy higher authorities in the second quarter of XVIII century	105
НЕДАЙВОДИНА Е.Г. Политико-правовые взгляды Екатерины II как один из источников идей русского конституционализма Political and legal views of the worldview of Catherine II as one of the sources of the ideas of Russian constitutionalism	111
РУСАКОВА А.Ю. Социальная стратегия в государственно-правовой политике Российской империи последней трети XVIII века Social strategy of the state legal policy of the Russian Empire the last third of XVIII century.....	118
ХАРЬКОВСКИЙ Г.В. О критериях эффективности законодательства Problem of the effectiveness of the legislation	123
МАКОВ Б.В. К вопросу о криминометрике Simulation in criminology (to the question about criminometric)	126

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
ОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКА ОБЩЕСТВО**

Председатель редакционного совета, главный редактор
Грызлова Ада Викторовна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Волокобинский Михаил Юрьевич, доктор технических наук, профессор

Дворецкая Екатерина Викторовна, доктор философских наук, профессор

Дорофеев Даниил Юрьевич, доктор философских наук, профессор

Засенко Вилена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор

Мокин Валентин Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор

Старовойтов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Тарелкин Евгений Петрович, доктор технических наук, профессор

Хрусталева Нелли Сергеевна, доктор психологических наук, профессор

Янкевич Константин Артурович, доктор экономических наук, профессор

Янсон Эдуард Жанович, доктор экономических наук, профессор

Миляев Олег Николаевич, кандидат технических наук, профессор

Потеев Михаил Иванович, кандидат технических наук, профессор

Виноградова Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент

Дудник Валерия Михайловна, кандидат технических наук, доцент

Пузанов Олег Петрович, кандидат философских наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

научные редакторы:

Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор

Переверзева Татьяна Алексеевна, доктор экономических наук, профессор

Фаизов Артём Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент

ответственный секретарь:

Федорова Татьяна Леонидовна

t.fedorova@noironline.ru, +7-921-995-68-09

Дизайн, вёрстка Сазонов Д.И.

Корректор Урбан Т.С.

Адрес редакции и издателя: 197183, г. Санкт-Петербург,
ул. Сестрорецкая, д. 6, тел.: 8-812-430-07-16 (доб. 224)

www.noironline.ru

ISSN 1992-6103

Подписной индекс «Почта России» 78774

Журнал «Образование, экономика, общество» издается НЧОУ ВПО Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург, при поддержке вузов-партнеров Национального открытого университета России

Учредитель: Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-21674 от 15.08.2005.

Издание распространяется в действующих в Российской Федерации и зарубежных странах высших и средних профессиональных учебных заведениях, в представительствах федеральных и местных органов законодательной и исполнительной власти.

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Образование, экономика, общество». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка на «Образование, экономика, общество» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации и сведений, содержащихся в рекламных объявлениях.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Цена свободная.

Подписано в печать 14.03.2014

Отпечатано в типографии

ООО «ИКЦ», 197183,

г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6.

Заказ № О.Э.О. – 2/1403.

Тираж 1000 экз.

А.А. КОРОЛЬКОВ, доктор философских наук, профессор,
действительный член Российской академии образования
A. Korolkov, doctor of philosophical Sciences, Professor,
full member of the Russian Academy of education

К вопросу о религиозно-философских основаниях русской школы

To the question about religious and philosophical basis of the Russian school

Аннотация: Национальное чувство начинается с любви и благоговения перед родными лицами, домом, природой, сказками, звуками речи и пения. Гордость появляется потом, она может превратиться в гордыню, как и национальное чувство способно обернуться зоологическим национализмом, где доминантой становится ненависть ко всему чуждому. Беспочвенники и недруги любви к Отечеству легко используют эту противоречивость проявления национального в человеке, в стране, всячески обыгрывают отрицательное в национальных чувствах, качествах, тенденциях.

Великие народы, и это многократно происходило в истории, теряют чувство опасности для своей нации, и беспечность эта рано или поздно оборачивается бедой.

Советская школа вольно или невольно сохраняла многое из бесценной сокровищницы формирования русского характера, психологии, культуры, особенно в пору столкновения с внешними врагами, хотя чаще при этом использовалась наскоро сочинённая интернационалистская риторика. Требуется непростая работа выслушивания, просеивания здоровых зёрен национального образования, как в дореволюционной, так и в советской школе.

Abstract: National feeling starts with love and reverence for family parties, house, nature, stories, sounds, speech and singing. Pride then appears, it can turn into pride, and sense of nationality, can result Zoological nationalism, where the dominant feature is the hatred of everything unknown. «Bespochvennyye» and foes of love for the Fatherland easily use this contradictory manifestations national in man, in the country, beat strongly negative in the national feelings, characteristics, trends.

Great Nations, and it has often happened in history, losing the sense of danger for his nation, and carelessness this sooner or later leads to trouble.

Soviet school voluntarily or involuntarily kept much of invaluable treasures of formation of the Russian character, psychology, culture, especially in the time of collision with external enemies, but more often we used hastily composed internationalist rhetoric. You want a challenging work vyshluchivayu, screening healthy grains of national education, as in pre-revolutionary and Soviet school.

Ключевые слова: духовность, интернационализм, воспитание, нравственность, государственность, школа, общечеловеческие ценности. преемственность, национальность, традиции, педагогика, образование.

Keywords: spirituality, internationalism, education, morality, politics, school, universal values. continuity, nationality, traditions, education, education.

С трудом входят в речевой оборот словосочетания «русская школа», «русская педагогика», «русское образование». Одни отвыкли от таких слов за годы интернационалистской идеологии советской школы, другим грезятся великодержавность и национализм устрашающего вида во всяком стремлении прояснить

особенности русского национального воспитания и обучения. К счастью, подобный испуг меньше проявляется при упоминании русской литературы, русской философии, русской души, но школа страшится назваться русской.

Нам не нужно ехать, например, в Японию и Китай, чтобы удостовериться, что есть специфические

черты образования и в той и в другой стране, что есть то, что называют без всяких кавычек и извиняющихся реверансов японской и китайской школами. «Как у вас строится образование, воспитание?» – это естественный вопрос при посещении любой страны, при изучении любой национальной школы. Советского учителя не возмущали и

не удивляли слова о национальной школе якутов, казахов, эстонцев, бурятов, то есть любых национальностей, кроме русских. Это исключение насаждалось и насаждается всей системой мировоззрения, идеологии, сочетающей фразеологию о великом русском народе и русской культуре с выкорчёвыванием самого сокровенного в русской культуре, с превращением русских людей в абстрактных советских людей с интернациональными ценностями, а после разрушения Советского Союза – в россиян с общечеловеческими ценностями.

Нивелировка личности, обезличивание – это процесс как индивидуального уровня, так и национального: отсутствие национального самосознания, укоренённости в своеобразной культуре – путь к необретённой или утраченной личности.

Национальное чувство начинается с любви и благоговения перед родными лицами, домом, природой, сказками, звуками речи и пения. Гордость появляется потом, она может превратиться в гордыню, как и национальное чувство способно обернуться зоологическим национализмом, где доминантой становится ненависть ко всему чужому. Беспочвенники и недруги любви к Отечеству легко используют эту противоречивость проявления национального в человеке, в стране, всячески обыгрывают отрицательное в национальных чувствах, качествах, тенденциях.

Великие народы, и это многократно происходило в истории, теряют чувство опасности для своей нации, и беспечность эта рано или поздно оборачивается бедой. Современная Россия – у края падения в бездну безнационального бытия. Растерзанная на части нация, с перешибленной религией, с атрофированным чувством национального здоровья сохраняет стереотипы поведения цветущей нации, каковой она была сотни лет. Надо приблизиться к осознанию диагноза нашей болезни, при которой нет гимна, флага Отечества не

как принятой законом символики, а как чувствования национальных святынь. Образование – это просветление человека культурой, его самопознание, в том числе и в отношении к своему Отечеству и традициям своего народа. Современное самопознание человека протекает в весьма неблагоприятной среде, где все светлые, исторически выверенные ценности и ориентиры подвергаются отрицанию, осмеянию и имитации. Что будет с ребёнком в стране, в которой нет культа предков, отеческих преданий, поклонения перед родной историей, культурой?! Ныне всё образование, включая нередко и родительское, а тем более школьное и телевизионное (телевидение, радио, печать – это мощнейшее средство образования – или возвышающее человека к свету культуры, или замутняющее душу и разум), даже не ставит осознанной цели формирования русского человека со своеобразным типом культуры, нравственных качеств, выработанных за тысячелетие нашего Отечества.

Многим мнится, что они ведут наднациональную жизнь, что они современнее устаревших форм национальной принадлежности. Если за такой позицией не скрывается лицемерие зоологического национализма, то растворение в безнациональном бытии превращает народ в кисель безликости.

Русскость – как начало культурно-духовное – определяется степенью укоренённости, глубиной личностной слиянности с историческим образом народа. Степень такого личностного тождества со своим народом и определяет почвенность или беспочвенность человека (замечу, что само по себе презрительное отношение к почвенничеству стало принятой нормой псевдодемократических оценок, не улавливающих того, что таким отношением они зачисляются в беспочвенники). Можно жить далеко от своей земли, но оставаться глубоко укоренённым в родной культуре и, таким образом, быть почвенником, а можно

пребывать на определённой территории, не отождествляя себя ни с судьбой народа, ни с культурой, то есть оставаться беспочвенником.

Долгий отрыв от своей земли, от полнокровной жизни народа с трудом компенсируется землячествами, семейным и даже школьным воспитанием. Судьбы русской эмиграции показывают, что можно сохранить в относительной мере язык, привязанность к Родине, память о ней, унаследовать любовь к её культурным явлениям, но трудно, почти невозможно, удержать в себе русскость как способ жизни, поведения, всей психологии и душевно-духовных качеств своего народа. Первое поколение русских изгнанников стремилось к полноте русского бытия в условиях чужбины, пражская наша эмиграция, например, сумела организовать все формы образования – от детского и гимназического до университетского и далее – до академических и религиозно-культурных сообществ, но к исходу XX столетия уже трудно было отыскать следы всей этой системы образования. Современное насильственное отделение русских от Родины (это именно насильственное отделение, ибо власти не пытались даже использовать возможности референдумов, а, якобы отказавшись от большевизма, прибегли к самому примитивному воплощению интернационалистического принципа о праве наций на самоопределение, отрезав от России многие территории с преимущественным и исторически закреплённым русским народом) – это беда для русской культуры XXI века, хотя и ныне эта беда очевидна в Прибалтике, Казахстане.

Большие реки в годы половодья оставляют старицы и озёра, одни из которых высыхают за жаркое лето, другие, поддерживаясь родниками и объёмом вод, живут годами, десятилетиями, но и они со временем усыхают, заболачиваются, заиливаются, если не случится год нового половодья, когда освежатся старицы и озёра ожив-

ляющими потоками реки. Есть в русской культуре зарубежья, как и в старицах, такое, что не уносится течением времени, а сохраняется чище, лучше, чем в отеческих пределах. Рассказывают, что в русских семьях Австралии поют такие русские песни и с таким мастерским многоголосием, о коем мы давно забыли, да и никакие профессионалы сцены не повторят красок народного пения, ибо сцена всегда остаётся подражанием естеству, подражание же неспособно превратиться в оригинал.

Всё чаще русский вопрос обсуждается в биофизикалистских терминах выживания, сохранения, адаптации. Без сохранения нет основы для развития, но не о консервировании должна идти речь. Нет будущего ни у одной системы, если заботы сводятся лишь к выживанию. Даже в отношении живых систем выдающийся эволюционист А.Н. Северцов выделял биологический прогресс, то есть просто выживание, способность к самовоспроизведению, и ароморфозы, то есть возможность перспективного развития на основе коренного усовершенствования самих адаптации.

В XX столетие Россия входила самой духовно богатой страной, не растеряла она духовных островков и к концу столетия, несмотря на злое социальные эксперименты. Что возьмёт верх: здоровье нации во всех его проявлениях, или раковая опухоль бездуховности, беспочвенности поглотит здоровые клетки? В немалой степени жизненный ответ на этот вопрос даст, помимо прочего, система образования, охватывающая весь спектр активного воздействия на формирование личности – от родителей до телевидения, о чём уже было упомянуто.

Есть расхожий аргумент о свободном, демократическом телевидении, исключая заведомо определённую направленность.

Русский канал телевидения должен стать не орудием одной из политических сил или группировок, а центром притяжения национальных сил в культуре, не произвола, а свободы, завоёванной эволюцией русского народа к вершинам духовности, к Богу, к душевности, сердечности.

Советская школа вольно или невольно сохраняла многое из бесценной сокровищницы формирования русского характера, психологии, культуры, особенно в пору столкновения с внешними врагами, хотя чаще при этом использовалась наскоро сочинённая интернационалистская риторика. Требуется непростая работа вышеступления, просеивания здоровых зёрен национального образования, как в дореволюционной, так и в советской школе.

Есть и другой способ восстановления национальной русской традиции в образовании – изучение очагов культуры русских изгнанников, среди которых были поистине выдающиеся педагоги, философы, психологи. Среди самых значительных теоретиков русской педагогики послереволюционного периода был Василий Васильевич Зеньковский, признанный, наконец, нашими соотечественниками как историк русской философии, но меньше известный в качестве педагога, организатора русских учебных заведений в Чехословакии 20–30-х годов, Русского педагогического общества в зарубежье, автора уникального периодического журнала «Русская школа за рубежом». В.В. Зеньковскому принадлежит ёмкая статья о русской педагогике, которая даёт повод для размышлений о современной русской школе, о судьбе русской духовности.¹

Зеньковский – мыслитель православный, и в практику педагогики он нёс свет культуры, остоном которой была святоотеческая традиция Византии и России, соединённая с

современными потребностями становления детей, подростков, молодёжи. То, что Зеньковский остро чувствовал надвигающийся бум сексуальных революций и оправдывающих их сексологии, давая им диагноз, видно хотя бы по переизданной в последние годы брошюре «На пороге зрелости».²

Православные мерки воспитания и обучения использует он и при оценке педагогических школ XX столетия, сохраняя прочную надежду на русское возрождение.

Зеньковский подчёркнуто разделял русскую педагогическую мысль и русскую школу, ибо первая предполагает многообразие теоретических поисков, часто совсем не осуществившихся в практике, а вторая выражает процесс организации школы, её противоречий, методики, общения и всего того, чем живут педагоги и ученики. Мыслитель подметил, кроме трёх названных им направлений русской педагогической мысли (педагогический натурализм, педагогический идеализм и религиозно-педагогическое направление), самое опасное для XX столетия направление – педагогический позитивизм с его верой в силу строгой науки, в возможность всё и вся объяснить принципами, законами, понятиями, сделать педагогический процесс управляемым и направляемым.

Педагогический позитивизм имеет более раннюю природу, чем позитивизм философский, последний начинается с Д. Юма и О. Конта, а стремление подчинить воспитание и обучение научным основаниям развёрнуто в программе Великого восстановления наук Ф. Бэкона, то есть не позднее первой половины XVII века. Пусть не называл Бэкон своё обоснование позитивизмом в педагогике, но сам по себе тип позитивистско-утилитарной ориентации педагогической мысли был задан в его размышлениях. Заметим, что одна из стержневых идей бэконовской

¹ Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке // Записки Русского научного института в Белграде. – 1933. Вып. 9.

² Зеньковский В.В. На пороге зрелости. – СПб., 1991.

философии – критика идолов (призраков) вращается вокруг школьной практики, школьного догматизма, и задачи её – преодолеть стереотипы аристотелевской схоластики, поклонение авторитетам – относятся прежде всего к способам школьного обучения. Призрак рынка, например, отражает такую ситуацию, когда на рынке за хороший товар дают фальшивые деньги и, напротив, за фальшивый, некачественный товар просят хорошие деньги, – это ведь для Бэкона только образ, чтобы показать смысл фальшивой ситуации в образовании, когда учитель, сам порой того не подозревая, передаёт ученикам ложные знания.

Позитивистское течение в педагогике, может быть, самое устойчивое и самое популярное с тех пор, как наука вскружила головы поколениям людей, не связанным даже профессионально с наукой. Подчас чем дальше от науки стоит человек, тем безраздельнее его вера в её всеисилие, и ему достаточно ссылки на какой-либо научный авторитет учёного, совсем не связанного с педагогикой, чтобы воспринимать нечто как истину

Оборотной стороной педагогического позитивизма всегда оказывалась мистика в её восточно-окультом или доморощено-знахарском обличье. Как только научные методы обнаруживали свои пределы, как только речь заходила о свободе воли, об иррациональном, об интуиции, о воображении, о сверхчувственном – сразу позитивистская мысль цеплялась за соломинку мистики, не верования в божественное, а именно мистификации всего, что современная мысль затрудняется объяснить научно.

По-видимому, требует продумывания та классификация, которую даёт В.В. Зеньковский, расшифровав направление педагогического натурализма как включающего научное, романтическое и советское течения, в свою очередь раскрываемые через полупозитивистское

и религиозное. Скажем, научное течение может быть и не позитивистским, ибо позитивизм – это эмпиризм и убеждение, что все истины должны проверяться опытом. Наука же, как известно, тяготеет и к эмпиризму, и к рационализму. Романтическое течение в равной степени следовало обсуждать в пределах педагогического идеализма, а так называемое советское течение и вовсе охватывает собой едва ли не весь спектр направлений педагогики, ибо советская педагогика включала в себя все перечисленные направления в своеобразии идеологического обрамления.

Утопизм – один из ведущих мотивов русской жизни и соответственно многих теорий, рождённых русской почвой. Увлечение руссоизмом, марксизмом с их заманчивыми, но нереализуемыми идеями сродни огромному количеству замыслов в теоретической и практической педагогике об идеальных школах будущего. Опытные учителя, прекрасно знавшие всё разнообразие своих учеников, сочетали это знание реальности с паразитическими фантазиями. Это очень напоминает солдат-фронтовиков, познавших заземлённость, грязь и пот войны, но с восторгом смотрящих экранные выдумки о войне и воспринимающих их как правду или хотя бы правдоподобие.

Чувствуя и зная особенности русской души, В.В. Зеньковский достаточно подробно писал об утопизме толстовства, о школах свободного воспитания, где утопизм расцвёл пышно. Свобода – соблазн всех революций и один из главных идолов западной цивилизации. Соблазн этот помог многим найти себя в творчестве, отторгнуть внешние принуждения, но породил и анархию, и эгоцентрическое себялюбие. Оживление педагогических страстей вокруг идей свободного обучения и воспитания не случайно совпадало с историческими фазами социальных брожений, революций, нигилизма, декаданса.

Никому не дано выносить приговоры нравственным и педагогическим исканиям Л.Н. Толстого, но оценить попытки и следствия педагогических экспериментов на почве идей Толстого возможно, тем более это позволяет сделать историческая ретроспектива. Собственно, Толстой эволюцией своих социально-педагогических взглядов и сам свидетельствует о зыбкости постулатов руссоизма, коими он увлекался в юности, заменив на время нательный крестик медальоном с изображением Руссо. Толстой был по-русски искренен и дорогие идеи делал направлением собственной жизни, в отличие от временного своего кумира Руссо, который много рассуждал о воспитании, совершенно не интересуясь своими собственными детьми, и не в состоянии был усидеть в лесной усадьбе, специально сооруженной для него поклонниками, полагавшими, что проповедник близости к природе и естественного воспитания будет счастлив жить в уединении.

Русские приверженцы «свободного воспитания» в XX веке почти буквально повторяли фразы Руссо и Толстого, прибавляя к ним аромат нового революционного возбуждения, хотя вскоре жёстко разочаровались в своём отвержении социальной устойчивости и той степени принуждения, насилия, которую использовало самодержавное государство. Замена представлений о сложной личности и государстве фантазиями немедленного превращения идеала в жизнь – мотив переворотов в России XX столетия. «Идеалом школы, – как формулировал уже вполне практическую задачу адепт школы «свободного воспитания», – является полное устранение всякого принудительского начала, и школа тем совершеннее, чем в ней меньше принуждения».³ Затмение идеальных построений было столь подавляющим разум, что теоретики забывали о способах воспитания собственных детей со всеми

³ Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке. – С. 301.

ограничениями, дисциплиной, без которых не возникает то, что можно назвать свободной творческой личностью. Поиски абсолютов свободы, личностного самовыражения – верный признак догматического мышления, знающего в противоположностях лишь их полярность, несовместимость, а не их диалектическое единство.

Так называемый «свободный человек», не знающий никаких тормозов и ограничений, не умеющий хотя бы считаться с чужими запросами свободы, фактически оказывается лишён человечности, ибо не способен жить в семье, заботясь о родных, а в свою пору – и о собственном ребёнке: какая уж тут «свобода» при бессонных ночах около младенца или в заботах о больной матери или бабушке?! Не способен такой псевдосвободный человек быть защитником Отечества, ответственным работником, верным другом, то есть свободой, превращённая в произвол, в отвержение социальности, – это деградация в сторону похотей и алчных притязаний.

Ещё Платон хорошо знал о разочарованиях, связанных с умеренными запросами на индивидуальную свободу и демократию, показав неизбежность перехода в государственном устройстве от демократии к тирании, так как демократический анархизм создаёт предпосылки для жажды сильной водительской руки, наводящей порядок в стране. Похоже, что подобные этапы проходит наше общество, возжелавшее поначалу всех мыслимых и немыслимых свобод, а, натолкнувшись на произвол и преступность, на своеобразие проявлений индивидуальных свобод, – повернуло симпатии к генералам или иным претендентам на волю к порядку; или – или, крайности понятнее, доступнее, особенно на уровне эмоций.

В.В. Зеньковский выделил в качестве первой черты советской педагогики не её идеологизирован-

ность, что было бы объяснимо и естественно для изгнанника, отрицающего коммунистическую идеологию, а её «чрезвычайную жадность ко всем «последним словам», какие только слышатся в науках, связанных с педагогикой».⁴ Замечу, что и поныне страсть к наукообразию и ловле последних веяний остаётся едва ли не ведущей тенденцией в теоретической педагогике, причём, чем ничтожнее педагогическая мысль, тем больше она обращена к инновациям, тем дальше она от живой души школьника.

Стремление к научности всего и вся остаётся и по сей день для учебного процесса всепоглощающим и всепожирающим. Образованный человек может знать о религиозности величайших учёных – Д.И. Менделеева, И.П. Павлова, В.И. Вернадского, но глубокая подкорка, сформированная атеистическим воспитанием, настойчиво подавляет сферу разума и побуждает любого мало-мальски прикоснувшегося к науке современного человека считать старомодными, архаичными взгляды величайших учёных, хотя касаются эти взгляды самого глубинного в мировоззрении. Поскольку же потребность верования неустранима, ибо неустраним своеобразный орган верования – душевная чувственность, то или орган сей в разной степени атрофируется, или действие его направляется в болезненную форму, и одной из таких форм становится «верование» в науку.

Не стану ворошить старый и бесконечный спор об изначально злом и изначально добром в человеческой душе, о природной предрасположенности к злым или добрым поступкам, о роли среды, воспитания и генетики в нравственных качествах личности. Когда мы встречаем агрессивного, безжалостного антропоида, в коем не заметно отсвета человечности, то можно равно предполагать и его наследственную, и приобретённую сволочность. По крайней мере,

даже генетики по специальности, порой безапелляционно высказывающиеся по данному вопросу, обладают не большей достоверностью знаний в области наследуемости качеств личности, чем любой обыватель. В конце концов, эта проблема – совсем иная, чем как будто бы однозначно решаемая генетиками проблема ненаследуемости благоприобретённых признаков.

Пожалуй, при всех баталиях специалистов, почти аксиомой звучит нынче в философии, психологии, социологии, медицине: личностью не рождаются, личностью становятся. Личностные качества перестали путать со всякими вообще человеческими проявлениями, и общим местом в философии и психологии человека стало обоснование нетождественности понятий «индивидуальность», «человек» и «личность». Об индивидуальности толкуют вообще весьма расширительно, вплоть до «биохимической индивидуальности» (переводилась книжка с таким названием американского биохимика Уильямса). О человеке, в зависимости от профессиональных пристрастий, говорят и как о биосоциальной целостности, и как о нравственно, эстетически, хозяйственно возвышающемся над биологическим миром существе, и как о комплексной проблеме науки. Личность же связывали с социальными ролями – это театральное видение личности не очень, правда, согласовывалось с достаточно очевидным отличием актёрского поведения в жизни от ответственного; фиглярство и стремление всюду поучаствовать, везде предстать в новой маске – не делают человека личностью, это интуитивно чувствуется даже неспециалист в сфере социологии личности. Тем не менее ролевая концепция личности, рождённая в западной социологии, была подхвачена русскоязычными социологами и до сих пор кочует по философским учебникам, хотя убогость её чувствуют порой сту-

⁴ Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке. – С. 301.

денты. Богатство личности определяется её самостоятельностью и укоренённостью в культуре: самому стоять на земле можно на прочной основе, иначе понесёт тебя, как перекасти-поле. Цельность и целостность личности должны иметь органические скрепы исторического преемства.

Целостное мировоззрение и идея целостной школы складываются там, где преодолеваются схематизм, формально-логический подход, где есть диалектическая и религиозная доминанта. Потому-то советская педагогика, ориентированная на диалектику и марксистскую религиозность, стремилась к совершенному типу личности, и В.В. Зеньковский обнаруживает родство исканий советской педагогики и подлинно религиозного, православного направления в традиционной и зарубежной русской школе. Помехой в реализации идей целостности для советской школы была псевдорелигиозность, лишаящая её органики искренности и высоты идеалов, а для русской зарубежной школы – отсутствие органики самой русской жизни, ибо никакой локальный очаг культуры не способен заменить Россию, в каком бы тяжёлом положении она ни находилась. «Мотив целостности имеет огромное значение в русском педагогическом сознании, так как он примыкает к однородному мотиву в русской философии, горячо стоявшей за идею целостности личности», – писал В.В. Зеньковский.⁵

Поразительно, что монополизация марксизмом философской мысли не утратила русского мотива целостности личности под псевдонимами всесторонне развитой личности, гармонического человека. Талантливые советские философы и педагоги сумели так прочесть Гегеля, Маркса и Ленина, что в сознании всякого, изучавшего их

труды, сложилось стойкое неприятие частичности, односторонности развития.

Столь популярная критика абстрактного, частичного индивида, прозвучавшая в 60–70-е годы в статьях и книгах Э.В. Ильенкова, имела неведомую современникам предоснову в ярком и точном истолковании гегелевского смысла абстрактного и конкретного И.А. Ильиным.⁶ Ильенковское переоткрытие органической целостности (тотальности) как конкретно-всеобщего и её антипода – абстрактно-всеобщего преломилось в практически ориентированных психолого-педагогических трудах, прежде всего в книге В.В. Давыдова «Виды обобщения в обучении».⁷

По-видимому, В.В. Зеньковского не занимали истоки и наиболее влиятельные силы, определившие лицо русской педагогики, в том числе и в XX веке. Первейшей такой силой были традиции народно-бытовой культуры. Удивительно, как до поры до времени теоретики просматривают в своём предмете самое существенное, не придавая никакого внимания предоснове.

Крестьянское воспитание в России, а Россия тысячелетие жила земледелием, строилось на раннем приобщении детей к тайнам крестьянской деятельности. До сих пор подвергается осмеянию сверстников подросток, не умеющий орудовать лопатой, топором или молотком. Что уж говорить о собственно крестьянских семьях, в которых из поколения в поколение передавался ритм научения и воспитания, где были свои трудовые, нравственно-эстетические уроки развития для мальчиков и девочек.

Урбанизация сместила заботы о многих навыках из семьи в школу, где подчас запоздало приходится включать школьника в мир народных песен, преданий, танцев, ис-

пытывая к тому же мощнейшую конкуренцию телешоу. Школа не может заменить семейное воспитание, естественным образом выковывавшее прежде характер и мастерство русских крестьян, что сказывалось в дальнейшем в любых жизненных ситуациях, будь то война, где русский крестьянин быстро приноравливался к тяготам окопного существования, будь то многолетнее бытие женщины. К слову, почти повсеместные жалобы нынешних молодых женщин на трудности воспитания более одного ребёнка объясняются, конечно, многими оправдательными мотивами, но всё же положение сегодняшней женщины вряд ли труднее не только положения женщин голодной и тифозной военной поры, но и почти всех веков нашей истории.

Основу основ личности ребёнка В.В. Зеньковский усматривал в росте духовности, и ритмика этого роста – ключевая задача педагогики, «однако не моральный, а религиозный духовный процесс возрастания образует истинную и последнюю тему воспитательного воздействия на детей».⁸ У атеистических по духу учителей столь определённое утверждение может вызвать едва ли не протест.

Можно сколько угодно толковать об отделении Церкви от государства, о независимости светского образования... Но независимость эта от чего? От максим совести, добра и милосердия? От своей духовной истории, где православие создало тех русских, которые умели нести ношу труда, войны, умели созидать и любить? Отринута и проклята коммунистическая духовность, взамен гуляют аморфные общечеловеческие ценности без намёка на исторически преемственную духовность. Культура – это прежде всего, повторю ещё раз, культ духовных ценностей. Какой выбор сделаем мы?

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – М., 1918.

⁷ Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. – М., 1972.

⁸ Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке. – С. 323.

Д.Н. СОЛОВЬЕВ, кандидат военных наук

А.В. КАЗАКОВ, кандидат исторических наук, НОИР

D. Soloviev, candidate of military Sciences

A. Kazakov, candidate of historical Sciences, NOIR

Военное и гражданское обучение казачьих формирований как составляющая повышения военной мощи Российской империи (1850-1912)

Military and civil training Cossack units as a component of the increasing military power of the Russian Empire (1850-1912)

Аннотация: Казачьи военно-учебные заведения составляли лишь 10,2% от общего количества военно-учебных заведений в России, а общее число юнкеров-казаков – 21,3%. Большая часть казаков обучалась в войсковых учебных командах, что и позволило иметь в армии к окончанию военных реформ численный состав казачьих войск равным почти половине всех сухопутных войск России.

Abstract: The Cossack military educational institution was only 10.2% of the total number of military schools in Russia, and the total number of cadets-Cossacks – 21.3%. A large part of the Cossacks was trained in military training teams, which allowed us to be in the army to end military reforms the number of members of the Cossack troops equal to almost half of all land forces of Russia.

Ключевые слова: казачество, казачьи формирования, казачье сословие, обучение, станичные школы, гражданское население, войсковое население, военные реформы, образование.

Keywords: Cossacks, Cossack formation, the Cossack estate, training, stanitsa school, civilians, military population, military reforms, education.

Во всех частях и подразделениях российских сухопутных войск, вне зависимости от порядка их комплектования и прохождения службы, существовали казачьи формирования. Казачество как сословие жило своей самобытной жизнью, воспитывало и обучало подрастающее поколение определённым навыкам военной службы. Изначально молодых казаков обучали казачьей жизни и казачьей службе на родных хуторах и станицах. Выходцы из казачества всегда были достойными продолжателями славных традиций русского воинства.

После поражения в Крымской войне Россия вынуждена была пересмотреть свою политику на техническое оснащение, комплектацию вооружением и людскими

ресурсами армии. Причин, вызвавших к жизни проведение военных реформ, было много. Чтобы иметь сильную армию, необходимо было снабдить её оружием, которое по своим тактико-техническим характеристикам не должно уступать оружию потенциального противника. Также требовалось обучить личный состав тактике современного боя, научить командиров искусству управлять подчинёнными в бою, а для этого было необходимо создать соответствующую времени систему обучения и воспитания. Военная реформа требовала отмены крепостного права, пусть даже частичного, введения капиталистических принципов в промышленности, изменений сословного принципа комплектования армии и военных учебных заведений.

В середине века политика в Азии становится приоритетом России. В 1858 и 1860 годах Россия получила от Китая внушительные территории в излучине Амура. В 1860 году был основан Владивосток. В 1864 году России подчинился Чимкент, в 1865-м – Ташкент, в 1868-м – Бухара и Самарканд. В 1869 году Россия получила важный опорный пункт – Красноводск. В этом же году было начато строительство железной дороги вдоль всей северной границы Персии. В 1873 году в зависимость от России попало Хивинское ханство.

Таким образом, перед Россией, кроме проблем, связанных с подготовкой и комплектацией своих вооружённых сил, обострилась задача увеличения численности своих войск и рассредоточения их вдоль

своих необъятных границ, которые надо было защищать.

С середины XIX века число казачьих полков и дивизий в российской армии увеличилось почти вдвое. Одновременно улучшалось техническое оснащение казачьих формирований, как регулярных, так и иррегулярных. Изменение стратегии и тактики современного боя потребовало не только пересмотреть организационно-штатную структуру воинских формирований, но и искать новые подходы к подготовке военнослужащих, от рядового до командного состава.

В рассматриваемый период существовала стройная система обучения, как военного казачьего сословия, так и гражданского населения, приписанного к казачьему сословию. Население казачьих станиц получало домашнее воспитание и начальное образование. В дальнейшем кадровые казаки обучались военному делу и при воинских частях, так и в военных училищах. Гражданское население, приписанное к казачьему сословию (тыл казачества), также имело возможность обучения, но в гражданских учебных заведениях, которые финансировались за счёт средств, выделяемых на казачество¹.

Это обучение – как начальное, так и среднее специальное – проходило при монастырях, церквях и в военно-учебных заведениях². Но казаки могли обучаться не только в военном учебном заведении, что отражено в правительственных указах³.

Система подготовки военных кадров в казачьих формированиях

за период с 1850-х годов до начала XX века проходила в несколько этапов⁴. Но так как казачье сословие было очень консервативным, то начальное общее образование, да и знакомство с военным образованием, проходило в станичных школах. Это хорошо видно по устройству системы образования Оренбургского казачьего войска⁵.

Первые учебные заведения в Оренбургском казачьем войске явились результатом реализации циркулярного распоряжения начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майора Веселитского Г.П.: «Об учреждении во всех пяти казачьих кантонах и при «непременном» полку школ взаимного обучения», в которых предполагалось «обучать воспитанников не только грамоте и прочим наукам, но и начальным познаниям фронтовой службы, содержащих правила полезного и способного образования и обучения воинских чинов»⁶. Под руководством кантональных (административно-территориальных) начальников школьное строительство развернулось в большинстве станиц, все материальные расходы брали на себя казачьи общины. Уже в 1835 году военный губернатор генерал-адъютант В.А. Перовский сообщал министру народного просвещения о том, что в Оренбургском казачьем войске благополучно действует 30 станичных школ⁷.

В феврале 1838 года командующий Оренбургским казачьим войском (так с 1822 по 1841 годы именовалась должность атамана. – Авт.) одобрил «Правила о поряд-

ке управления школами, в войске Оренбургском учреждёнными»⁸. Согласно этим правилам определялось назначение станичных школ – обучать детей не только грамоте (закону Божьему, русскому языку и счетоводству), но и быть «рассадником» военного образования подрастающего поколения, воспитания его в духе казачьих традиций и воинской дисциплины. «Учителя назначаются по представлению войсковой канцелярии и утверждаются войсковым атаманом. Учителя из казачьего звания жалованья не получают, срока службы им не определено, но время нахождения их при школах засчитывается за действительную службу», – подчёркивалось в этом документе. Учитель обязан был получить под свою ответственность школьный инвентарь, принять учеников по списку и обучать их «на общих правилах всех военно-учебных заведений, терпеливо, вежливо и настойчиво». В школу принимались только мальчики от 6 до 12 лет, они подразделялись на «десятки» и «отделения по наукам». Дети состоятельных казаков и офицерского состава посещали школу «в приказном порядке», а из бедных семей только с согласия родителей.

Учителя станичных школ ежедневно докладывали начальникам о не явившихся в школу учениках, периодически представляли полную «отчётность по школе». «За леность и неважные поступки учеников наказывать соразмерно с виною: выговором перед учениками, оставлением в школе без обеда, постановкою на колени не более как

¹ ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 599. Л. 1.-11.

² Штаг церковных приютов в станицах восьми бригад и новых полков казачьего войска и в станицах Терского казачьего войска. – СПб., 1869. – С. 38.

³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1. – СПб., 1869. – С. 18.; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1. (С 1 января 1865 г. по 1 января 1866 г.). Издание Главного Управления Иррегулярных войск. – СПб., 1870. – С. 295. (№ 55 от 5 июня. О производстве жалования офицерам Кубанского и Терского казачьих войск, находящихся в Кавказской стрелковой школе, наравне с офицерами, командиремыми на военную службу.)

⁴ Отчет о НИР. Гост 7.32 -2001. – Минск, 2001. – С. 12

⁵ Абрамовский А.А., Кобзев В.И. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX в. – Псков, 1999. – С. 122.

⁶ Воробьев А.И. Руководство для строевой и служебной подготовки казаков приговорительного разряда Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1888. – С. 35.

⁷ ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 5/3. Д. 68. Л. 11-12.

⁸ Абрамовский А.А., Кобзев В.И. Управление и воинская повинность... – С. 122.

на четверть часа, а при выпуске из школы домой – накалыванием на левом рукаве бумажного знака, на котором объясняется неуспеваемость ученика, а за грубые шалости и упорную леность наказывать розгами»⁹.

Строились перед зданием школы и с ними проводились краткие строевые занятия – маршировка строем и поодиночке, повороты. Летом через каждый час занятий казаков выводили на школьный двор для активных занятий на воздухе. Обычно во время перемен они играли, отрабатывали «военные упражнения». В воскресные и праздничные дни учащиеся строем ходили в станичную церковь на литургию, а после обеда с ними проводились занятия по фехтованию деревянными саблями и метанию дротиков. Станичные школы подчинялись исключительно войсковому начальству, которое преследовало две цели: распространение грамотности и подготовку к военной службе, исправное несение которой составляло главную задачу войска.

Курс обязательного обучения в станичных школах был рассчитан на четыре года, и до его окончания учащиеся не могли прекращать учёбу без уважительных причин. Основное внимание уделялось чтению церковных и гражданских текстов, чистописанию и «нумерации». Только через четверть века (после 1846 года) казаков стали учить «скорому чтению, письму без линеек» и прочим премудростям «писарского стиля». По настоянию родителей, особенно из числа офицеров, продолжительность учёбы могла быть увеличена до шести лет. При этом предусматривалось более глубокое преподавание грамматики и отечественной истории, но только в тех школах, где для этого имелись способные учителя. Наказной атаман

Оренбургского казачьего войска генерал-майор Г.В. Жуковский в 1850 году утвердил новое, более полное положение о станичных школах, которое определяло их главную задачу – «образовывать казачье юношество в познании закона Божьего, русского языка, счетоводства, дабы все казачьи управления могли быть укомплектованы способными писарями, урядниками и чиновниками»¹⁰.

Общее руководство и «ближайший надзор» за школами осуществлялись полковыми командирами и станичными начальниками «по непрерывному их нахождению при станицах». На учителей станичных школ возлагалась обязанность «вразумлять учеников к скорейшему и прочному навыку всего им преподаваемого, основательному истолкованию каждого предмета», при этом особенно подчёркивалось, что делать это необходимо «с терпением и кротостью, снисходя в особенности к малолеткам, потому что неуместною строгостью можно изгнать в ученике готовность к наукам, а скромность и вежливость при благоразумии и твёрдой воле поселят соревнования в учениках»¹¹.

Учителя станичных школ воспитывали в детях любовь к знаниям, стремление к их углублению, приучали соблюдать правила поведения в общественных местах и дома. Они удерживали казаков от совершения различных проступков, всемерно поддерживали стремление к общественно-полезной деятельности, учили справедливости. Особое внимание в казачьих школах уделялось воспитанию учащихся в духе уважения к старшим по возрасту и званию, особенно к офицерам и кавалерам знака военного ордена.

Наказные атаманы глубоко внимания не только в процесс обучения, но и в систему военной подготовки будущих защитников Отечества.

Они обращали внимание на качество военной подготовки школьников, лично проверяли строевую выучку учащихся, их умение пользоваться табельным оружием.

Войсковое население стало сознавать важность лежащих на нём воинских обязанностей и необходимость улучшения системы военной подготовки непосредственно в станицах. В связи с этим станичные общества начали проявлять больше заинтересованности в вопросах развития школьной сети. В 1871 году атаманам военных отделов в обязанности вменялся контроль за обязательным обучением всех казаков, достигших девятилетнего возраста. В том же циркуляре указывалось, чтобы все мальчики, кроме получения элементарных понятий по изучаемым дисциплинам, готовились и к предстоящей воинской службе в составе конных полков и артиллерийских частей. Военные инструкторы должны были обучать казаков: стойке, поворотам, маршировке, кавалерийским сигналам и «сотенному учению» – действиям в составе целых подразделений (отделения, взвода, полусотни). «Учить мальчиков не только владению присвоенным им оружием (деревянной шашкой и пикой), но и знанию, когда и как употреблять его в дело, т.е. чтобы удары шашкой и уколы пикой наносили целесообразно и осмысленно. Умели, наконец, разбирать и собирать ружья. Вместе с тем необходимо, чтобы будущие воины от рождения были приучены к воинской дисциплине, ибо без дисциплины немыслима никакая часть благоустроенной армии»¹².

Для физического развития и выработки ловкости в школе широко использовались занятия гимнастикой, для чего в каждой станице предписывалось возводить специальные учебные городки. Учащиеся отрабатывали технику

⁹ Абрамовский А.А., Кобзев В.И. Управление и воинская повинность... – С. 120.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Аусский С. Казачество – особое сословие. – М., 2001. – С. 45.

¹² Абрамовский А.А., Кобзев В.И. Управление и воинская повинность... – С.99.

Таблица 1
Количественная характеристика казаков различных формирований,
обучавшихся в низших учебных заведениях в 1875 году¹³

Казачьи войска	Обучающихся в низших учебных заведениях			На 1000 человек войскового населения		
	Муж.	Жен.	Обоих полов	Муж.	Жен.	Обоих полов
Донское	31669	13395	45064	56.0	23.9	40.0
Кубанское	33071	11448	44519	76.0	26.0	53.0
Терское	5204	817	6021	56.5	8.9	32.9
Астраханское	1093	645	1738	73.0	43.0	57.8
Уральское	4565	2050	6615	73.6	33.0	52.5
Оренбургское	22923	12589	35512	115.0	62.0	88.0
Семиреченское	1047	331	1378	69.8	23.6	47.5
Сибирское	4791	1658	6449	74.0	26.3	50.1
Забайкальское	6410	2292	8702	31.0	11.0	21.0
Уссурийское	633	169	802	90.4	28.1	61.7
Амурское	1162	348	1510	105.6	31.6	68.6
Итого:	112568	45742	158310	71.6	29.0	50.3

прыжков, подтягивались на канате, учились преодолевать различные препятствия. Учителя станичных школ были обязаны выставлять своих воспитанников на ежегодные строевые смотры, формируя из них отдельные взводы и сотни. Вместе со своими отцами и старшими братьями учащиеся демонстрировали умение владеть оружием.

В дальнейшем система подготовки казачьей молодёжи к военной службе совершенствовалась, она постоянно находилась под пристальным, а порой и жёстким контролем наказных атаманов. Ежегодно проводились специальные проверки состояния школ, уровня военной выучки учащихся. Усилия наказных атаманов, атаманов военных отделов и станиц предопределили значительный прогресс в становлении системы начального образования в войске. Если в период с 1823 по 1870 годы было открыто 152 учебных заведения, то за пять лет – с 1871 по 1875 годы – 318 школ, в том чис-

ле 174 мужских, 102 женских и 42 смешанных. Одновременно с увеличением количества школ в станицах и посёлках росло и число учащихся. С 1870 по 1875годы их число увеличилось с 4415 до 17919 человек, а средняя наполняемость школ выросла с 29 до 38 человек. Количество школ вполне удовлетворяло потребности населения в них, материально они считались вполне обеспеченными. Как показывают результаты, приведённые в таблице 1, во всех казачьих войсках обучались в низших учебных заведениях 112568 душ мужского пола, 45742 душ женского пола, а всего 158310 человек. По войскам наибольшее распространение низшего образования отмечалось в Оренбургском, Амурском, Уссурийском и Астраханском.

Однако за внешней благоприятной стороной в ряде станичных школ вскрывалось много проблем, которые объективно вели к снижению качества обучения. Одним из слабых звеньев в системе началь-

ного образования был низкий качественный состав преподавательского состава. Правда, постоянно шёл поиск методов и форм подготовки учителей, которые назначались из лиц казачьего сословия, окончивших, как правило, те же станичные и поселковые школы.

С 1871 года стали проводиться съезды казачьих учителей, как общевойсковые, так и по военным отделам, оживившие интерес к преподавательскому труду¹⁴. Кроме того, для наблюдения за ходом школьного строительства в распоряжение атаманов отделов было выделено 18 офицеров из числившихся на службе в первоочередных полках.

Войсковое правление и атаманы военных отделов перед каждым учебным годом ставили перед учительским коллективом станичных школ задачи дальнейшего совершенствования педагогического мастерства, пополнения знаний и освоения передовых методик обучения. Главная цель обучения в шко-

¹³ Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903. – С. 67; Лушников А.М. Военно-учебные заведения России в 1861-1941 гг. (социально-политические аспекты развития). – Ярославль, 1998. – С. 42.

¹⁴ Краткий исторический очерк. Военно-учебные заведения 1700-1910 / Составитель Греков Ф.В. – М., 1910. – С. 23

ле формулировалась не как прохождение положенной программы, а виделась в основательном изучении учебного курса, сознательном развитии учащихся, пробуждении их творческих дарований, самодеятельности, в переработке полученных знаний в убеждения. «Поэтому забота об усовершенствовании и улучшении методов обучения, способов передачи знаний важнейшее дело учителя, и в этом отношении каждый учитель должен быть не только хорошим ремесленником, применяющим настойчиво и систематично приёмы и способы, но и должен суметь возвыситься до искусства преподавания, до художника-преподавателя»¹⁵. Подобные системы обучения и воспитания существовали во всех казачьих округах.

К 70-м годам XIX века сложилась острая необходимость государственной поддержки казачьего сословия в плане более основательного и современного военного обучения¹⁶. На основании действовавших в то время постановлений¹⁷ все вольноопределяющиеся, по окончании курса в средних учебных заведениях, подвергались при поступлении на службу экзамену по особой программе. В её состав входили начальные сведения из русской грамматики, арифметики, краткой всеобщей и русской истории и географии, с требованием уметь читать и писать по-французски или по-немецки. Все принятые на службу приобретали право по выслуге установленных сроков на производство в унтер-офицеры уже без всякого

нового экзамена. Строевые же унтер-офицеры, из поступивших по наборам, производились в офицеры за выслугу лет при условии выдерживания испытаний.

Сама система одиночного обучения унтер-офицеров и солдат стала предъявлять к офицерам такие требования, какие в прежние времена не входили в круг обязанностей даже ротных, эскадронных и сотенных командиров. Введение всеобщей воинской повинности для регулярных войск являлось только новым шагом на пути развития юнкерских училищ, но для казачьих войск эти училища были именно тем самым началом их совершенствования, которому принадлежит значение первостепенного в жизни этих войск исторического факта, послужившего исходной точкой для перехода их от бывшего иррегулярного к настоящему регулярному казачеству. Помимо специального военного образования казачество выходило в офицеры после окончания гражданского высшего учебного заведения¹⁸.

Кроме этого, существовал целый ряд войсковых учебных команд, начиная с училища урядников и заканчивая широкой сетью войсковых, полковых и окружных учебных команд при воинских частях¹⁹. Военное образование там давалось достаточно серьёзное.

Во второй половине XIX века характер боевой подготовки резко изменился. На смену феодально-крепостнической рекрутской системе пришла буржуазная всеобщая воинская повинность,

сохранившая, однако, многие феодальные пережитки. Перевооруженные армии нарезным дальнобойным оружием, введение телеграфа и строительство железных дорог создали предпосылки для применения новых способов боевых действий²⁰. На этой основе стала складываться тактика стрелковых цепей, потребовавшая кардинальной перестройки системы боевой подготовки²¹.

Процесс перехода к новой тактике занял довольно длительный период. Над руководителями Военного ведомства довели прежние представления о сущности боя, отрешиться от которых они не могли вплоть до войны 1877-1878 гг. В то же время зачатки новой тактики ведения боя проявились уже в Крымской войне. Неудачи в ходе Крымской кампании заставили высшее командование задуматься о необходимости введения тактической подготовки во все звенья войскового организма и отказаться от взгляда на строевую подготовку как на всеобъемлющее начало. Данная точка зрения нашла своё отражение в военно-теоретических работах и уставах 1860–1870-х гг.²², где появились статьи по вопросам тактики и боевой подготовки, тактики стрелковых цепей и соответствующую ей систему боевой подготовки. В этих статьях раскрывалась сущность новой тактики, давались основы обучения и воспитания войск.

Огромное влияние на подъём уровня обучения и воспитания имел «Педагогический сборник», на страницах которого выступали

¹⁵ Абрамовский А.А., Кобзев В.И. Управление и воинская повинность... – С. 112

¹⁶ Казаки в войнах России / Под общ. ред. Б. Игнатъева. – СПб., 1913. – С. 191; Статистический обзор современного положения казачьих войск. С.65

¹⁷ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1. – СПб., 1869. – С. 15; Стрижижовский К.П. Руководство для полковых учебных команд кавалерии (и казаков). Сост. по программе, прилож. к приказу по Воен. ведомству 1875. №52., изд. 2, дополн. – Кишинев, 1889. – С. 66.

¹⁸ Харламов В.И. Развитие военного образования офицеров регулярных армий и пограничной охраны России (1700-1917 гг.). – СПб., 1994. – С. 46

¹⁹ Стрижижовский К.П. Руководство для полковых учебных команд кавалерии. – С. 228

²⁰ Бескровный А.Г. Русская армия и флот в XIX веке. – М., 1973. – С. 77

²¹ Крестовский А.В. Полный учебник для казачьих полковых учебных команд. – СПб., 1882. – С. 424; Россия. Военные уставы и наставления. Наставление и устав для действий казачьих частей лавою. – СПб., 1889. – С. 31; Кавалерия. К учебнику для казаков. По уставу 1881. Сост. Особая комиссия. – СПб.: Эконом. типогр. Войсковые учебники, 1901. – С. 225.; К.П. Стрижижовский. Руководство для полковых учебных команд кавалерии... – С. 228; Положение о порядке обучения молодых казаков, выбранных на укомплектование первоочередных донских конно-артиллерийских батарей. Приказ по военному ведомству № 195, сентябрь 17 дня 1888. С. 40; Кавалерия. Учебник для казаков. – СПб., 1902. – С.197; Пыльнев А.А. Практические занятия кадет и юнкеров. – СПб., 1903. – С. 46

²² Военный Сборник. № 1. – СПб., 1858. – С. 82

лучшие деятели народного просвещения: методисты К. Ушинский, А. Острогорский и другие. На страницах журнала помещались статьи, обсуждавшие важнейшие вопросы теории, обучения и воспитания в военных школах.

Таким образом, военная публицистика формировала новые идеи в области тактики и боевой подготовки войск²³. Но более обстоятельно эти вопросы решались в фундаментальных трудах А.И. Астафьева, Г.А. Леера, М.И. Драгомирова и других крупных теоретиков военного дела²⁴.

Для научной и строевой подготовки вольноопределяющихся к офицерскому званию были устроены юнкерские училища – пехотные: Московское и Виленское (1864), Варшавское, Гельсингфорское (упразднено в 1879-м), Чугуевское, Одесское, Киевское и Рижское (1865), Казанское и Тифлиское (1866), Петербургское (1869) и Иркутское (1874); кавалерийские: Елисаветградское и Тверское (1866); казацкие: Оренбургское (1867), Новочеркасское (1869) и Ставропольское (1870)²⁵.

Со второй половины и до конца XIX века роль казачьих учебных заведений заметно усилилась. Это было связано не только с ростом числа казаков, но и с возрастающей ролью казачьих формирований в армии. Стали возрождаться и кадетские корпуса, но уже чисто казачьи. В 1883 году в Новочеркаске был открыт Донской кадетский корпус, один из первых казачьих кадетских корпусов.

По определению тех времён, кадетский корпус (КК) – это учебное

заведение с программой среднего образования для подготовки молодежи к военной карьере. Ученики КК с первого класса носили военную форму и проходили строевое обучение. Обучение в казачьем КК было доступно для детей всех казаков, но первенство принадлежало сыновьям офицеров, чиновников и дворян²⁶.

Самый старый из казачьих КК – Оренбургский Неплюевский, основанный в 1825 году, за ним Омский КК, преобразованный из Войскового казачьего училища в 1848 году, затем шли Донской Императора Александра III КК с 1883-м годом основания, Второй Оренбургский, основанный в 1887 году, и учреждённый в 1901 году Владикавказский КК.

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус²⁷ был образован из военного училища. Заведение это предназначалось для детей чинов иррегулярных войск отдельного Оренбургского корпуса, а также для детей туземных азиатов и других лиц. Кроме общих требований, присутствующих всем кадетским корпусам, воспитанники должны были обучаться в корпусе восточным языкам: арабскому, татарскому и персидскому. По окончании курса воспитанники из дворян определялись на службу военную или гражданскую, причём более успевающие в восточных языках назначались в переводчики, конфиденты (доверенное лицо) и толмачи (переводчики) по пограничному управлению.

Сибирский (Омский) кадетский корпус преобразован в 1845 году из училища Сибирского линейного казачьего войска, основанного в 1826 году для «образования сы-

новой офицеров сего войска и служащих в крае гражданских чинов». Данное заведение имело целью готовить воспитанников для службы в местных линейных батальонах и казачьих полках, в соответствии с этим разделялось на роту и эскадрон. Продолжительность учебного курса составляла 6 лет, а с 1853 года уже 7 лет. В 1900 году Сибирский кадетский корпус был переименован в Омский кадетский корпус²⁸.

Новочеркасский Донской Императора Александра III кадетский корпус²⁹ был образован в 1883 году на 400 казённоштатных (обучавшихся за казенный счет. – Авт.) вакансий, предназначенных преимущественно для сыновей офицеров и чиновников, как Донского, так и других казачьих войск. Штатный состав корпуса: 3 казённых сотни, 19 офицеров-воспитателей и 420 кадет-интернов.

Как уже ранее отмечалось, острая нехватка подготовленных офицерских кадров потребовала создания как специфичных казачьих юнкерских училищ, так и выделения в других училищах некоторого количества мест для подготовки офицеров из числа казаков. При этом выпускники казачьих кадетских корпусов, как правило, направлялись в нижепоименованные юнкерские училища.

Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище³⁰ открылось в сентябре 1865 года. Новочеркасское казачье юнкерское училище³¹ было открыто в августе 1869 года и первоначально называлось Новочеркасским урядничьим училищем. Училище было создано для донских и астраханских казаков на основа-

²³ Нелепин Р.А. История казачества. В 2-х т. Т. 2. – СПб., 1995. – С. 26

²⁴ Леер Г.А. Прикладная тактика, вып. I. – СПб., 1877. – С. 17; Драгомиров М.И. Избранные труды. – М.: Воениздат, 1956. – С. 17

²⁵ Далаев М.С. Царские заботы императора Николая Павловича о развитии военно-учебных заведений. – СПб., 1896. – С. 28; Лушников А.М. Военно-учебные заведения России... – С. 397; Лушников А.М. Армия, государство, общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701-1917). – Ярославль, 1996. – С. 427; Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – С. 231; Вопросы военной истории России XVIII-XIX веков / Отв. ред. В.И. Шунков. – М.: Наука, 1969. – С. 227

²⁶ Попов А.А. От кадетских корпусов в России к СВУ войск НКВД (МВД) СССР 1731-1960 гг. – М., 1998. – С. 239; Душников А.М. Армия, государство, общество: система военного образования России (1701-1917). – М., 1996. – С. 217

²⁷ Далаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений. – СПб., 1909. – С. 125

²⁸ Там же. С. 129

²⁹ Там же. С. 131

³⁰ Там же. С. 160

³¹ Там же. С. 175

нии общего положения о юнкерских училищах. В 1871 году училище переименовано в Новочеркасское казачье юнкерское училище.

Оренбургское казачье юнкерское училище³² было учреждено в 1867 году для юнкеров, регулярных вольноопределяющихся и урядников из дворян и оберофицерских детей иррегулярных войск Оренбургского, Туркестанского и Западно-Сибирского военных округов³³.

Казачьи военно-учебные заведения составляли лишь 10,2% от общего количества военно-учебных заведений в России, а общее число юнкеров-казаков – 21,3%. Большая часть казаков обучалась в войсковых учебных командах, что и позволило иметь в армии к окончанию военных реформ численный состав казачьих войск равным почти половине всех сухопутных войск России.

В 1868-1869 годы были открыты казачьи отделы при Варшавском и Виленском пехотных юнкерских училищах. Эта мера была направлена не только на улучшение подготовки казачьих офицеров, но имела и политический аспект.

В лице юнкеров-казаков местная администрация получала дополнительную поддержку и военную силу на случай каких-либо выступлений. Кстати, в общих классах этих училищ было немало поляков, которым власти не доверяли³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что расходы на подготовку выпускников казачьих учебных заведений были значительно меньше, чем на все остальные военно-учебные заведения³⁵. Выпускники кадетских корпусов и юнкерских училищ из числа казаков охотнее продолжали учёбу в следующих по рангу учебных заведениях, чем их сверстники из других слоёв населения. Появилась необходимость в казачьих кадетских корпусах, а с развитием форм и методов вооружённой борьбы выявилась и острая необходимость в подготовке офицерских кадров из числа казаков.

Казачьи формирования, во главе которых, как правило, стояли выходцы из казаков, по мере дальнейшего совершенствования форм и методов вооружённой борьбы обучали «науке побеждать» подрастающее поколение, чтобы во время сражений и войн быть уверенными в победе. Сначала это было начальное военное обучение в станичных военных школах, затем появилась необходимость в создании казачьих кадетских корпусов, а когда возникла необходимость в офицерских кадрах – и в юнкерских училищах, как чисто казачьего кавалерийского профиля, так и с выделением определённого количества мест в училищах других родов войск.

Такая система военного образования положительно сказалась на образовательном уровне: по ито-

гам деятельности станичных военных школ и гимназий в 1912 году грамотность среди казаков выросла в 3 раза и составила 42% от общего числа населения³⁶. Число выпускников казачьих кадетских корпусов составило около тысячи человек в год, около половины из которых поступало в юнкерские училища. Таким образом, к началу Первой мировой войны в России сложилась стройная система подготовки офицерских кадров из числа казаков, при этом количество выпускников юнкерских училищ из числа казаков из года в год увеличивалось.

К 1912 году число казачьих формирований превышало число регулярной кавалерии. Количество казаков, получающих высшее военное образование, росло из года в год, что улучшало боеспособность армии. Казачьи округа совпадали с военными округами, а сами казачьи войска проводили мобилизацию гораздо быстрее регулярных войск.

В современных условиях, когда возрождается система начальной военной подготовки казаков, а система подготовки офицерских кадров в высших военно-учебных заведениях уже отлажена, вопрос возрождения казачьих кадетских корпусов становится очень важным. Однако вопросы оценки их деятельности в современных условиях в полной мере не изучены и требуют глубокой научной проработки.

³² Там же. С. 177

³³ Там же. С. 178

³⁴ Михайлов А.А.. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX – начале XX века. – Псков, 1999. – С. 254; Попов А.А. От кадетских корпусов в России... – С. 239

³⁵ Смета Главного управления военными учебными заведениями. – СПб., 1864.

³⁶ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений. – С. 178

О.И. ЕЛИСЕЕНКО,

кандидат педагогических наук, НОИР

I. ELISEENKO, candidate of pedagogical Sciences, NOIR

Детские игры и современность Children's games and modernity

Аннотация: Образная игрушка несёт в себе образ живого существа – сказочного или реального, человека или животного. Через неё осуществляется взаимодействие внутреннего и внешнего мира ребёнка. Играя с образной игрушкой, малыш, с одной стороны, выражает себя и свой опыт, а с другой – достраивает и присваивает окружающую его реальность. И здесь роль образной игрушки как посредника и того конкретного образа, который она несёт, трудно переоценить.

Abstract: Shaped toy bears the image of a living being – fabulous or real, human or animal. Through her by the interaction of external and internal world of a child. Playing with imaginative toy, baby, on the one hand, expresses themselves and their experiences, and on the other, completes and assigns surrounding reality. And here the role shaped toys as mediator and in particular the way that she carries, it is difficult to overestimate.

Ключевые слова: дети, игрушки, ранний возраст, педагогика, ролевые игры, воображение, сказки, культура, семья, развитие, добро, зло, благородство.

Key words: children, toys, early age, education, role play, imagination, tales, culture, family, development, good, evil, nobility.

Игру наряду с трудом и учёбой психологи относят к основным видам человеческой деятельности. Они сопровождают нашу жизнь от рождения до смерти, но роль их в разные периоды жизни неодинакова: в детстве на первом месте – игра, в юности – учёба, а потом – труд.

Нидерландский культуролог Йохан Хейзинга (1872–1945) – автор монографий «В тени завтрашнего дня», «Осень средневековья» и других, предложил игровую концепцию культуры. Он исследовал игру как феномен культуры, установил наиболее важные признаки, свойственные разнообразным видам игр. По аналогии с названием человека как биологического вида: Homo Sapiens (Человек Разумный) Хейзинга назвал первобытного человека – изобретателя игры – Homo Ludens (Человек Играющий).

Всякая игра есть свободная деятельность. Ничто не принуждает человека играть, кроме его собственного желания. Игра по своей природе неутилитарна. Она укра-

шает жизнь, доставляет радость и в этом смысле обладает ценностью для человека. Она есть праздник, увлечение и развлечение, а не будни, забота и тягость. Непосредственная цель игры – в ней самой, её процессе и результате.

Игра связана с выходом за рамки действительного, реального в область воображаемого, «ненастоящего». Даже малое дитя понимает, что в игре всё делается «не правду», «понарошку». Мир игры – мир придуманный, мир «как будто». Это, однако, не мешает участникам игры относиться к ней с серьёзностью, играть увлечённо, самозабвенно.

Игра может рассматриваться в качестве важного фактора развития культуры. Мир человеческих игр, исторически развёртываясь и становясь всё богаче с развитием культуры, оказывает на неё в свою очередь обратное воздействие и становится источником, обогащающим мир её смыслов.

Игра предоставляет людям свободу действий, стимулирует их

воображение и вносит в человеческую жизнь смыслы, не связанные с материально-практическими нуждами. Это важно, потому что только таким путём может возникнуть духовный мир культуры. Правила игры не диктуются объективной необходимостью, а являются «договорными обязательствами». Так в социальную практику вместе со свободой деятельности входит идея добровольного ограничения свободы. В игре получает развитие и распространение тенденция соблюдать ограничивающие свободы правила не ради выгоды, а ради порядка. Эта тенденция содействует формированию и закреплению в обществе эстетических и моральных норм культуры. Состязательный мотив игры ориентирует человека на борьбу за достижение лучшего результата, обеспечивающего выигрыш, победу. Такая ориентация на лучший результат, на высшее совершенство – важная черта человеческой деятельности.

Таким образом, в игре формируется и реализуется стремление

к духовным ценностям – стремление, которое является важнейшим стимулом творчества во всех областях культуры.

С древнейших времён человечество изготавливало игрушки для подрастающего поколения. Через игру маленький человек вступает в социум, идентифицирует себя с другими людьми. Игрушки должны подготовить ребёнка к трудовой и общественной жизни, познакомить его с животным и растительным миром. Через игрушки, так или иначе, ребёнок узнаёт, что есть на свете «добрые» и «злые» люди, «красивые» и «безобразные» существа, «яркие» и «непривлекательные» сущности.

Материалы, используемые для производства первых игрушек, придуманных человечеством (глина, дерево, ткани), «сохраняли» тепло рук мастера, их изготавливавшего, его душевную доброту и творческий порыв. Часто такими мастерами (особенно в сельской местности) были сами папы и мамы. Игрушка могла передаваться из поколения в поколение и быть любимой в семье долгие десятилетия. Тряпичная кукла, глиняная свистулька, деревянная лошадка и сегодня, даже самому избалованному обилием игрушек ребёнку, могут показаться трогательными и желанными.

Игрушки часто ассоциировались со сказками, былинами, народными песнями. В таких произведениях встречаются как положительные (Иван-царевич, Царевна-лягушка, Алёнушка), так и отрицательные герои (Змей-Горыныч, Кощей Бессмертный, Баба-яга). Игрушки порой изображали пугающих сказочных персонажей и мифических существ. Они были неотъемлемой частью детской игры во всех культурах, в том числе и славянской. В русской народной традиции они широко представлены в резной деревянной игрушке (палехской, хохломской), игрушках из глины (дымковской). Эти фигурки изображают «страшных» животных: медведя, волка,

гусей-лебедей и сказочных, фантастических «чудовищ» – морского царя, Змея-Горыныча и пр.

Эти хорошо знакомые детям персонажи, их внешний вид (часто нарочито потешный), рукотворность таких игрушек и их зависимость от действий ребёнка – всё это способствует преодолению страхов малыша. Простота внешнего вида и содержательность образа, который несёт в себе «страшная» игрушка, дают простор воображению.

Во все времена дети надевали устрашающие маски, принимали на себя роли злых волшебников, чудовищ, диких животных, играли со страшными игрушками. Как и другие, образные игрушки маски исполняли роль посредников между внутренним миром ребёнка и внешней, окружающей его реальностью. Однако если «обычные», нестрашные игрушки служат для присвоения и выражения позитивного опыта малыша, то пугающие, отталкивающие игрушки нужны для обыгрывания негативных эмоций и событий из жизни ребёнка. Отражая в таких игрушках собственную агрессию и страх, дети учатся их распознавать и контролировать. Ещё одна важная функция «страшных» игрушек – нравственное воспитание малыша. Ребёнку легче различать добро и зло, имея перед собой соответствующие яркие примеры из сказок.

Любые мифические, сказочные персонажи представляют собой архетипические, то есть универсальные, общечеловеческие образы добра и зла. Сказка, несмотря на кажущуюся фантастичность, на самом деле моделирует ситуации, с которыми ребёнку предстоит столкнуться в реальной жизни, учит его смелости, благородству, настойчивости. Традиционные «страшные» игрушки, уходящие корнями в мир сказки, служат той же цели, они являются прообразами душевной жизни ребёнка, позволяют малышу «отыграть» и тем самым преодолеть свои негативные эмоции, осознать и оценить собственные дурные и добрые поступки.

Современная индустрия игрушек развивается совсем в ином русле. Массовое производство и потребление привело к детализации и натурализации игрушки, традиции и преемственность уступили место техническому прогрессу. Яркие, порой кричащие цвета, непропорциональные формы, звуковые сигналы, издаваемые игрушками, делают их привлекательными и популярными. Вместе с тем «страшные» игрушки перестали занимать свою особую нишу и заполнили прилавки. Устрашающий внешний вид игрушки потерял свою знаковую силу и стал просто одним из способов привлечения внимания.

Обилие «страшных», пугающих порой даже взрослых игрушек на прилавках отечественных магазинов сегодня стало для нас уже привычным. В моде всевозможные монстры, роботы-трансформеры, шумные и «высокотехнологичные» электронные игрушки. Покупая одну из них, родители часто не задумываются о том, какое влияние она может оказать на их малыша. И может ли игрушка, которая выглядит устрашающе, быть полезна для ребёнка?

В последние годы наблюдается тенденция замены живого общения манипуляциями с электронными игрушками. Производители всё большее предпочтение отдают выпуску так называемых игрушек hi-tech. Появились, например, говорящие куклы, в словарный запас которых входит уже более 300 слов. Но в действительности робот никак не может заменить собой человеческое общение.

Засилье «агрессивных» импортных игрушек на отечественном рынке негативно влияет на развитие детей. Но альтернативы им почти нет. За прошедшие десять лет доля отечественных товаров на российском игрушечном рынке резко сократилась и не превышает сегодня 6–10%. В отсутствие отечественных игрушечных новинок современные дети выбирают кукол Барби, конструкторы, а также

различных монстров и мутантов – персонажей мультфильмов. Кроме того, всё большей популярностью пользуются компьютерные игры. На взгляд некоторых специалистов, «стрелялки» и «бродилки» совсем не способствуют гармоничному развитию ребёнка. Напротив, они скорее негативно воздействуют на детскую психику: ребёнок быстрее переутомляется и становится агрессивным.

По словам участников рынка игрушек, большую долю его – порядка 70% – сейчас занимают игрушки китайского производства. Существенно меньше – 20% – приходится на европейские – из Польши, Германии и Испании. 10% пока остаются за Россией. Причина довольно банальна: в стране до сих пор производят простенькие невзрачные игрушки и куклы, которые ни по своему качеству, ни по внешнему виду не могут привлечь детей и родителей. Отечественные игрушки отличаются от зарубежных, прежде всего, по качеству. Кроме того, по мнению директора по развитию ООО «МЖК – Мир детства» Александра Родина: «У нас не производят технически сложных игрушек, а если всё же и выпускают, то безобразного качества и существенно дороже иностранных аналогов, в России хороши только настольные игры и, в меньшей степени, развивающие». По словам г-на Родина, пока желающих вложить средства в производство качественных и технически сложных игрушек нет. Более того, даже приблизиться к уровню китайского производства российские заводы пока не могут. «Производства, работавшие по лицензии, себя не оправдали: был случай, когда у нас пытались наладить производство пластиковых машинок по немецкой лицензии, – рассказывает он. – Но уже через полгода их качество заметно ухудшилось».

В России сейчас попросту нет игрушечных новинок, в то же время само производство остановилось на уровне 1990 года. Поэтому

ждать, что на этом рынке произойдут перемены, по мнению специалистов в сфере продажи игрушек, нет смысла.

Игра для детей – это, прежде всего, проявление восприятия мира. Поэтому важно, чтобы ребёнок в детстве, что называется, наигрался, выразил себя различными способами. Однако тот факт, что дети чаще всего выбирают иностранных кукол, воспринимается неоднозначно. В современной России старые нравственные ценности рухнули, а новые ещё не сформированы, поэтому население тяготеет к зарубежным героям, и, как следствие, к зарубежным товарам, которые подаются ярко и привлекательно. С одной стороны, это хорошо, но с другой – в ребёнке не воспитывается национальная самоидентификация, он оторван от своих корней. Часто для современных детей Баба-яга и Змей-Горыныч – неизвестные персонажи, им понятнее и ближе «Корпорация Монстров» и Человек-паук.

И всё же традиционные «страшные» игрушки существуют и сегодня. К ним относятся, прежде всего, куклы, изображающие грозных и злых персонажей сказок: Бабу-ягу, волка, Змея-Горыныча и т.д. Такие игрушки, как и сказки, из которых они пришли, существуют очень давно, и их образы отличает гармоничность внешнего облика и внутренней сущности. Устрашающая внешность этих персонажей соответствует их внутренней сути: они страшные, потому что злые. В то же время, каждый из этих героев имеет свой уникальный, порой неоднозначный характер, прекрасно известный из сказок любому малышу. Именно поэтому страх, который они вызывают у ребёнка, в некоторой степени условен. Каждый из этих персонажей, его внешность и возможные дурные поступки хорошо известны любому ребёнку заранее, так же как и способы преодоления всех этих «ужасных» качеств. Любого дракона можно обвести вокруг пальца, крокодила посадить в клетку

и отправить в Африку, а с Бабой-ягой, при желании, можно даже договориться. Предсказуемость этих «страшных» героев позволяет ребёнку свободно манипулировать с ними в игре, а значит, преодолеть свой страх.

К традиционным «страшным» игрушкам можно также отнести всевозможные устрашающие маски, карнавальные костюмы отрицательных героев, игрушечное оружие. Эти атрибуты сюжетно-ролевой игры служат той же цели, что и образные игрушки, – помогают ребёнку «опредметить» воображаемую реальность, «вжиться» в желаемый образ. Так же как и кукол, традиционные страшные маски и костюмы отличает простота и обобщённость в сочетании с узнаваемостью персонажа. Чаще всего акцент делается на одну или две основные детали: крючковатый нос и острые зубы – Баба-яга, повязка на одном глазу – пират.

Совсем иначе обстоит дело с многочисленной и разнообразной категорией современных «страшных» игрушек. К ней относятся всевозможные монстры, роботы-трансформеры, киборги, устрашающего вида животные и насекомые. Сюда же можно отнести и так называемых «expression dolls», кукол с утрированными и странными выражениями лица: одни из них плачут, другие сердятся, третьи показывают язык. Объединяет всевозможных «монстров» и таких «выразительных» кукол их сравнительная новизна на нашем рынке. Для этой группы «страшных» игрушек характерны совершенно иные черты, нежели для традиционных. Обилие деталей, всевозможные технические усовершенствования делают образ игрушки привлекательным, но слишком сложным для понимания ребёнком. Часто совершенно не ясно, что это за существо – человек, животное или вообще машина. Если для взрослого человека слова «мутант» и «биоробот» несут какую-то смысловую нагрузку, то ребёнку, у которого только складывается

представление о мире, они ничего объяснить не могут. В результате подобные герои со «сверхчеловеческими» способностями, иногда в «железной броне» и с закрытыми маской лицами, становятся для ребёнка образцом для подражания, образом того, каким на самом деле должен быть человек.

С точки зрения многих детских психологов электронные игрушки не дают ребёнку развивать собственную фантазию. Складывается бихевиористская цепочка: «стимул – реакция». Вместо того чтобы придумывать, что кукла спит, смеётся, хочет есть, ребёнок видит её действия. Остаётся только среагировать на потребности своей игрушки. А воображение витает где-то за пределами данной игры.

Что касается внутреннего, содержательного аспекта таких игрушек, то он полон противоречий. Большая часть подобных персонажей (Человек-паук, Шрек, Бэтмен, черепашки-ниндзя и пр.), несмотря на свою устрашающую внешность, позиционируются как «добрые» и «хорошие». При этом основным их занятием (и это наглядно отражено в их внешнем облике) являются драки и борьба с очень похожими на них, но якобы «злыми» героями. Такая неочевидная связь внешнего и внутреннего облика игрушки доступна пониманию взрослого, уже сложившегося человека, но не ребёнка. Главная опасность таких «страшных» игрушек заключается в том, что они стирают грань между хорошим и плохим, добрым и злым. Малыш, представления которого о добре и зле только складываются, нуждается в их чётком разделении и простой символизации в игрушке.

Кроме того, внутренний образ всевозможных монстров и мутантов отличает особая поверхность и упрощённость. Мультфильмы, персонажами которых они являются, представляют собой бесконечные вариации одних и тех же сюжетов о погонях и драках, внутренняя жизнь героев в них чаще всего вообще не отображе-

на. Внимание маленького зрителя удерживается за счёт скорости действия, различных «спецэффектов», а характер героев, их привычки и особенности остаются «за кадром». В результате игрушки, изображающие этих персонажей, остаются совершенно неодушевлёнными, и игра с ними часто превращается в простые манипуляции.

Что касается большинства современных «страшных» масок, то для них характерна та же тенденция к дегуманизации, что и для современных «страшных» игрушек. Страшные черты в них преувеличены, утрированы, а фантастичность образов, благодаря современным материалам (мягкому пластику и резине), становится настолько правдоподобной, что пугает даже взрослых. Современные маски и костюмы, которые мы видим в магазинах, сложно использовать для игры. Их отличает обилие деталей и конкретность образа. Внешнее соответствие персонажу настолько полное, что не требует внутренних усилий ребёнка, достаточно просто надеть костюм Шрека, чтобы стать им.

Таким образом, мы можем резюмировать, что «страшные» игрушки могут быть очень разными. На свете существует неотъемлемое разделение всего сущего на доброе и злое, чёрное и белое, хорошее и плохое. Постепенно с возрастом ребёнок неизбежно столкнётся с этой реальностью. Лучше будет для его мировоззрения узнать об этом от родителей, в семейных бытовых коллизиях, в игре, при чтении детской литературы. В этой ситуации «страшные» игрушки могут быть полезными, нужными для ребёнка. Однако во многом этот вопрос зависит от возраста ребёнка.

Если малышу нет еще трёх лет, то «страшные» игрушки не только не будут полезны, но могут иметь негативное влияние на его развитие. В младенческом возрасте (до 6 месяцев) весь мир ребёнка сосредоточен вокруг мамы (или другого взрослого, который ухаживает за ним). Голос мамы, её добрый

взгляд, заботливые руки – это лучшие связующие элементы между крохой и огромным незнакомым ему миром. Хорошо, когда над ребёнком в кроватке висят яркие, разноцветные погремушки. Есть на чём фиксировать взгляд, что рассмотреть, поупражнять глазомер (далеко, близко), есть к чему потянуться – поразмять мышцы, научиться координировать направление; и вообще – есть к чему применить любопытство.

В раннем возрасте дети только начинают познавать мир, учатся разделять по-настоящему опасное и опасное «понарошку», различать хорошее и плохое, доброе и злое. В период с 6 месяцев до трёх лет различные предметы (их цвет, форма, вкус, материалы, из которых они изготовлены) позволяют ребёнку выстраивать свою уникальную картину мира. Малышей в этом возрасте легко напугать, но они ещё не могут «обыграть» свой страх и таким образом справиться с ним. Слишком сильные впечатления, такие, как появление страшной игрушки в детской комнате или просмотр пугающего мультфильма, могут серьёзно повредить ребёнку. Следует оградить малыша и от «страшных» игрушек. Если стало очевидным, что какая-то, даже самая безобидная на вид игрушка пугает ребёнка, лучше сразу убрать её. Напугать малыша могут любые предметы, вплоть до погремушек, однако, чаще всего, такое случается с заводными и электронными игрушками, слишком большими или слишком яркими и издающими резкие и громкие звуки. В виде игры в возрасте 9–10 месяцев ребёнка приучают пользоваться ложкой и чашкой.

Ребёнок играет только в те игры и теми игрушками, до которых созрел внутренне. Поэтому в возрасте полутора-двух лет набор фломастеров из двадцати четырёх цветов и роскошный альбом для рисования ему не подойдут.

В дошкольном возрасте, от трёх до шести лет, дети «отыгрывают» полученные впечатления,

в том числе содержание сказок и мультфильмов, примеривают на себя положительные и отрицательные роли. В данный период для ребёнка важны ролевые игры. Некоторые психологи считают, что в этом жизненном цикле человек как бы «проигрывает» свою будущую жизнь. Именно в этом возрасте дети наиболее восприимчивы к всевозможным сказочным и волшебным мотивам. Воображение позволяет малышу «оживлять» любимых героев, как положительных, так и отрицательных. Дошкольник переживает бурный рост фантазии, но ещё плохо умеет ею управлять, и с этим связана опасность бесконтрольного взаимодействия со «страшной» игрушкой в данном возрасте.

Ребёнок познаёт мир во всём его многообразии. И мир полон для него искушений. Ребёнок живо интересуется им и всякое новое знание примеряет к себе: если ему рассказать о космонавтах, он пожелает поскорее стать космонавтом, если рассказать о водолазах, малыш тут же начинает мечтать о подводных глубинах. Даже самые неромантичные профессии прельщают его. Задача взрослых как можно больше расширить кругозор ребёнка в этом возрасте. Ещё Лев Толстой говорил, что подавляющее число впечатлений, которые он описывал в зрелом возрасте, получены им были в раннем детстве. И это не удивительно: ведь никогда больше восприятие человека не обострено так, как в пять-семь лет.

Чтобы оттачивать разные грани интеллекта ребёнка, нужны разные игрушки. Игрушки на сообразительность (простейшие головоломки), игрушки, развивающие пространственное мышление (всякого рода конструкторы, наборы кубиков), развивающие творческое мышление (мозаики, калейдоскоп) и др. Очень важны в этом возрасте настольные игры. Детский бильярд, игры с кубиками и фишками полезны в том, что они приучают ребёнка следовать правилам, учат считать, прививают

стремление к цели, владение собой в случае проигрыша.

Необходимо помнить, что образная игрушка несёт в себе образ живого существа – сказочного или реального, человека или животного. Через неё осуществляется взаимодействие внутреннего и внешнего мира ребёнка. Играя с образной игрушкой, малыш, с одной стороны, выражает себя и свой опыт, а с другой – достраивает и присваивает окружающую его реальность. И здесь роль образной игрушки как посредника и того конкретного образа, который она несёт, трудно переоценить. Именно поэтому рекомендуется покупать традиционные «страшные» игрушки. В сказочных образах отрицательных героев есть всё необходимое ребёнку: простота и целостность, глубина и психологизм, внешняя выразительность.

Произвольность памяти, внимания и воображения формируется к шести годам. Шестилетний ребёнок уже умеет управлять своим поведением и эмоциями, в том числе негативными, контролировать свой страх. Игра начинает носить всё более формальный характер, её содержанием в большей степени становятся правила и взаимодействие с партнёром, а не сам сюжет. Меняется и отношение к игрушкам, в том числе и «страшным». Если в раннем и дошкольном возрасте игрушка как бы обладает «собственной» активностью, побуждающей малыша к порой пугающим его самого действиям, то в старшем дошкольном возрасте ребёнок уже в состоянии сам выбирать и удерживать сюжет.

Кроме того, в этом возрасте перед детьми впервые во всей остроте встают нравственные вопросы. К шести годам социальный мир ребёнка перестает ограничиваться семьёй и ближайшим окружением. Полученный опыт взаимодействия с другими людьми даёт ребёнку реальное представление о существующих в обществе морально-нравственных нормах. Их присвоение, естественно, осуществляется в игре. И здесь игры в добрых и злых

героев вместе с чтением «нравоучительных» сказок становятся одним из важнейших развивающих занятий для ребёнка.

Все это позволяет рекомендовать активное использование «страшных» игрушек именно в этом возрасте. Хотя для детей этой возрастной группы современные монстры и чудовища уже не представляют такой опасности, предпочтение стоит всё же отдавать традиционным «страшным» игрушкам. Именно такие игрушки, уходящие корнями в волшебную сказку, обладают достаточной глубиной и, одновременно, чёткостью характера, позволяющими ребёнку вкладывать в них собственные переживания и разрешать с их помощью собственные нравственные конфликты.

Увы, современных детей, особенно мальчиков, как магнитом притягивает именно к «страшным» игрушкам. Но родителям не нужно «идти на поводу» у ребёнка, скорее им следует самим найти нужную игрушку для ребёнка и сделать её привлекательной.

Конечно, полностью избежать присутствия игрушечных монстров в жизни малыша невозможно, но важно, чтобы эти «страшные» игрушки не преобладали в детской комнате, чтобы наряду с ними и по количеству и по качеству достойное место занимали добрые и безобидные персонажи. Страшные и уродливые игрушки могут выступать в положении больных или несчастных героев, которые требуют ухода, заботы, лечения.

Важно, чтобы игра ребёнка не превратилась в сплошную борьбу, сражение, убийство и чтобы злым и страшным героям противостояли хорошие и добрые.

В магазинах всё больше можно встретить так называемых развивающих игрушек, которые умеют говорить, прыгать и бегать, спать и смеяться. И родители, купив своему ребёнку подобного «друга», успокаиваются, думая, что вместе с ним их малыш будет прекрасно

проводить время, а заодно и учиться чему-то. И оказываются не правы. Дети, не имеющие живого общения, чаще страдают дефектами речи, хуже социально адаптированы, словарный запас у них значительно меньше, чем у малышей, с которыми часто разговаривают мамы и папы.

В обществе прогрессирует заблуждение, что многие современные электронные игрушки призваны научить малыша говорить. Потребности в общении возникают в «живой» обстановке. И ребёнок вовсе не воспринимает говорящую игрушку как существо, с которым можно общаться. Это просто диковинка, забава, которая не может заменить общения с мамой, папой, сверстниками.

Детским психологам давно известен эксперимент и его результаты, на котором детям предлагали слушать сказки, записанные на пластинках. Малыши послушно слушали, но не воспринимали их. Это происходило потому, что речь у малыша появляется как раздражение взрослому, который с ним разговаривает. Никакой робот, никакая пластинка полноценно этого общения не заменят. Даже если поставить запись с маминым голосом (а мамы при этом не будет), малыш реагировать на него не будет. Ребёнок развивается, подражая стилю поведения и речи близких людей. Ещё, будучи совсем крохой, он может сидеть и делать вид, что разговаривает по телефону, как это обычно делает папа, или подражать интонациям мамы.

Производители электронных игрушек утверждают, что многие их «детища» созданы для того, чтобы развивать у малыша навыки, которые пригодятся в будущем. Но известен печальный опыт детей, игравших с некогда популярной игрушкой Тамагочи. Ребёнку в данной игре было предложено жать на кнопки, проявляя какую-то далёкую виртуальную заботу о непонятно ком.

Всё больше современные электронные игрушки становятся

симулякрами, которые, являясь особенностью информационной культуры, заставляют воспринимать виртуальную реальность в качестве подлинной.

Очевидно, что мягкий медвежонок будет намного уместнее холодной пластмассы, так как его можно прижать к себе, он может согреть и тем самым вызвать эмоции, желание позаботиться о нём, такую игрушку приятно уложить спать рядышком с собой.

Многие игрушки стали не детски сложными. Они дегуманизируют образ человека – не поймешь сразу, то ли это чудовище, то ли просто робот, образ которого страшен. Можно предположить, что подобная игрушка вряд ли будет способствовать проявлению у ребёнка каких-то гуманных чувств. Также минусом многих современных электронных игрушек является то, что они сами совершают определённые действия, принимают разные позы и самостоятельно издают звуки. Это значит, что ребёнку ничего не надо в этого монстра вкладывать, ничего не надо придумывать, а только потреблять его возможности. Самое плохое, что малыш при этом остаётся совершенно пассивным. Получается не игра, а блокирование собственных способностей ребёнка и простое созерцание технических возможностей игрушки.

Не секрет, что многих детей, а в особенности подростков, тянут и манят столь развившиеся в последнее время компьютерные игры. На каждый вкус найдётся своя игрушка – это и машинки, и многочисленные «стрелялки», и модные игры. Последние стали особо опасны для взрослых, пытающихся в сети прожить вторую жизнь, построить вторую карьеру, завести виртуальных друзей, а иногда и семью, развлекаться так, как это нельзя сделать в мире, в котором посчастливилось родиться. Детской игромании очень сложно препятствовать, поскольку на каждое «нельзя» у ребёнка возникает целый ряд контраргументов. Са-

мые затягивающие игры – это те, в которых присутствует большая степень идентификации себя с героем. Ещё притягательно и то, что в таких игрушках, по сравнению со сложной реальной жизнью, довольно простые правила. Ребёнок точно знает цель и средства, которыми можно её добиться. Игра приносит яркие эмоции, порой выплескивающиеся через край, когда удалось «убить» анимационного противника или захватить какой-то артефакт. Часто дети чувствуют себя в компьютерной игре намного успешнее, чем в реальной жизни. Ведь пройти очередной уровень зачастую гораздо проще, чем выучить большое стихотворение или получить «пятёрку» за контрольную работу.

Главный недостаток такого времяпрепровождения – это то, что ребёнку не надо фантазировать, при игре на компьютере он пассивен. Кроме того, детям противопоказаны всевозможные «стрелялки»: от них они становятся нервными, агрессивными, быстрее переутомляются.

Ребёнок чаще подключается к той же игре, в которую играет кто-то из родителей. Выражение негативных эмоций в игре, особенно в самостоятельно выдуманной игре, – является нормальным. Но в случае с готовыми игрушками выпуска агрессивных эмоций не происходит, наоборот, они накапливаются. А в том случае, если у ребёнка есть какие-то проблемы, то в компьютерной игре он расправляется не с виртуальными героями, а со своими обидчиками. Однако в реальной жизни ничего ведь не меняется. Таким образом, происходит замена подлинной реальности виртуальной.

Тенденции рынка говорят сами за себя. Все новинки, как правило, электронные. Каждый производитель пытается удивить больше, чем конкуренты. Но многие из них даже толком не знают потребностей того маленького человечка, ради которого игрушки создаются. Есть ориентация на спрос и на

прибыль, а спрос создают родители. Вот и получается, что игрушки нацелены на то, чтобы понравиться мамам и папам.

Одной из лучших игрушек, по мнению психологов, считается традиционная неговорящая кукла. Производители каждый раз удивляются, когда педагоги и психологи советуют удалить из куклы батарейки. Но только когда кончается электроника, начинается настоящая игра, с фантазией, эмоциями и радостью.

В последнее десятилетие в России всё большее число педагогов, психологов, родителей обращают внимание на то, во что играют дети. Общество обеспокоено наплывом «страшных» игрушек на прилавках магазинов. Автор статьи в преддверии отправки сына в первый класс ознакомилась с ассортиментом. Стоило труда найти портфель без изображения Человека-паука, пенал без физиономии кота Гарффилда, обложки для тетрадей без зелёноголового Шрека. После посещения магазинов хотелось воскликнуть: «Монстры атакуют!».

Вспоминаются советские времена, когда дети по-хорошему зашивали одноклассникам, у ко-

торых были канцелярские товары из республик Прибалтики, игрушечные коляски из Польши, медвежонок Тедди из капиталистических стран и знаменитый на весь мир кубик Рубика. Сегодня мы (а точнее наши дети) оказались в противоположной ситуации. Нам нужны отечественные герои сказок и мультфильмов. И ключевым словом здесь является именно «отечественные», потому что наш мультяшный Карлсон отличается от героя Астрид Линдгрен, Вини Пух, озвученный незабвенным актёром Леоновым, не такой как его изображают в американских мультфильмах, а о популярности кота Матроскина и волка из «Ну, погоди!» говорят непрерывные повторения мультфильмов с их участием по телевидению. Беда в том, что молочные продукты и парфюмерию для детей, которые рекламируют эти герои, производят в России, а игрушки и канцелярские товары (о чём упомянуто выше) изготавливают, в основном, в Китае. А в Поднебесной – свои герои.

В заключение следует отметить, что если дети через мир игр и игрушек входят во взрослую жизнь,

социализируются, знакомятся с планетой Земля, то, наигравшись в детстве с «монстрами», они будут искать их и во взрослой жизни. И непременно найдут. Но «монстры», в отличие от даже самых непривлекательных, злых, жестоких людей, однозначно плохие, в них нет ни капли добра, того что называется «человеческое». По теории игры в монстров последних нужно однозначно уничтожить. Но сама жизнь не так проста, в ней не делится всё на чёрное и белое, в ней всегда есть компромиссы. В злом человеке почти всегда можно и нужно найти что-то хорошее, позитивное. Этому качеству милосердия, толерантности детей необходимо учить, в том числе и посредством «добрых» игрушек.

Благородство и бескорыстие игрового поведения всегда вступало в противоречие с безнравственностью, жестокостью творимых людьми дел. Но и в XXI веке игра остаётся фактором развития культуры, в ней формируется и реализуется стремление к духовным ценностям – стремление, которое является важнейшим стимулом творчества во всех областях культуры.

Е.В. Крылова, кандидат педагогических наук, доцент НОИР

А.С. Геворгян, ст. преподаватель НОИР

E. Krylova, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor NOIR

A. Gevorgian, senior lecturer NOIR

Социализация и воспитание личности Socialization and upbringing of personality

Аннотация: Понятия «социализация» и широко используемое в отечественной психологической и педагогической литературе понятие «развитие личности» трудно разделить. Процесс развития ребёнка не мыслим вне его социального развития, а значит, и вне усвоения им системы социальных связей, отношений, вне включения в них. Когда развитие личности рассматривается во взаимодействии с социальной средой, личность понимается как становящийся активный социальный субъект.

Более сложным является вопрос о соотношении понятий «социализация» и «воспитание». В широком смысле слова под воспитанием, которое представляет собой управляемый и целенаправленный процесс социализации, понимается воздействие на человека всей системы общественных связей с целью усвоения им социального опыта.

Abstract: The concept of «socialization» and is widely used in domestic psychological and pedagogical literature, the term «personal development» difficult divisible. The process of development of the child can not think outside of its social development, and hence outside of mastering his system of social connections and relationships outside their inclusion. When the development of personality is seen in the interaction with the social environment, personality is understood as becoming active social subject.

More complex is the question of the correlation of the notions of «socialization» and «education». In the broad sense of the word under the education, which is a controlled and purposeful process of socialization refers to the impact on human health of the entire system of public relations in order to master them social experience.

Ключевые слова: воспитание, социализация, психология, семья, общество, социальные институты, религия, педагогика, социальный опыт, самосознание, развитие.

Keywords: education, socialization, psychology, family, society, social institutions, religion, pedagogy, social experience, self-awareness, development.

В соответствии с принятыми в современной философии психологии представлениями социализацию можно определить как процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом общественного опыта, в результате чего он становится личностью и приобретает необходимые для жизни в обществе знания и навыки.

Социализация – это многогранный процесс усвоения человеком опыта общественной жизни, превращения его из природного существа в общественное, из индивида в личность. Социализация включает освоение культуры человеческих отношений, социальных норм поведения, видов деятельности, форм общения, другими словами

– это процесс вхождения ребёнка в общество, приобретение определённого социального опыта в виде знаний, ценностей, установок, правил поведения.

Общество представляет собой многообразие различных взаимосвязанных и взаимодействующих социальных институтов – исторически сложившихся форм организации и регулирования общественной жизни людей. К ним относятся семья, образование, культура и религия. Роль их неодинакова, одни воздействуют стихийно, другие целенаправленно. Исторически значение различных социальных институтов в социализации ребёнка изменяется. Например, в досоветский период сильным было влияние семьи и религии, в

советское время – образования и культуры, в постсоветский период по-прежнему остаётся образование, но и возрастает роль религии и семьи.

Однако в процессе социализации могут быть «сбои», причиной которых может быть либо сам ребёнок, его индивидуальные особенности, либо социальный институт, который по каким-либо причинам не выполняет задачи целенаправленного влияния на формирование личности. Трудно развести понятие «социализация» с широко используемым в отечественной психологической и педагогической литературе понятием «развитие личности». Процесс развития ребёнка не мыслим вне его социального развития, а значит, и вне

усвоения им системы социальных связей, отношений, вне включения в них. Таким образом, понятие «социализация» и понятие «развитие личности» как бы совпадают, когда развитие личности рассматривается во взаимодействии с социальной средой, личность понимается как становящийся активный социальный субъект.

Более сложным является вопрос о соотношении понятий «социализация» и «воспитание». В широком смысле слова под воспитанием, которое представляет собой управляемый и целенаправленный процесс социализации, понимается воздействие на человека всей системы общественных связей с целью усвоения им социального опыта. Понятие «социализация» (в традициях американской социологии) раскрывается через понятие «адаптация». Оно означает приспособление живого организма к условиям окружающей среды, но применительно к социологии – это процесс приспособления человека к условиям социальной среды. Выделяют четыре уровня адаптации: 1) целенаправленный конформизм (человек, соглашаясь с требованиями социальной среды, продолжает придерживаться своей системы ценностей); 2) взаимная терпимость (взаимная снисходительность к ценностям и формам поведения друг друга); 3) аккомодация (взаимные уступки и признания ценностей друг друга) 4) ассимиляция или полное приспособление (отказ от прежних ценностей).

На этом основании мы можем сделать вывод о том, что социализация не односторонний процесс воздействия социальной среды на личность. Это двусторонний процесс: с одной стороны – это присвоение социального опыта, системы социальных ролей путём вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой, это процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счёт его активной деятельности, активного

включения в социальную среду.

Сущностный смысл социализации раскрывается на пересечении таких её процессов, как адаптация, интеграция, саморазвитие и самореализация. С содержательной стороны, для растущей личности социализация есть продукт пересечения действия трёх факторов: врождённых механизмов, социальных условий и социального, направленного образования, обучения и воспитания. Единство этих факторов и будет обеспечивать оптимальное развитие личности.

Начинаясь в раннем детском возрасте, процессы социализации протекают на протяжении всей жизни индивида. Это значит, что хотя на ранних этапах развития социализация идёт более интенсивно и именно в этот период закладываются основные нормы поведения, ценности, способы реагирования, представления о своём месте в мире, жизненные цели, однако они на всём протяжении жизни подвергаются изменениям и реконструированию.

Это связано с тем, что человек, находясь в социуме, подвергается постоянно как влиянию макропроцессов, связанных с государственной политикой и социальными переменами, так и микропроцессов – изменениям в семье, на работе, в ближайшем окружении. Воздействие таких микро-, мезо- и макрофакторов определяет направление социализации, что, в свою очередь, ведёт к непрерывной коррекции сформированных к определённому возрасту стереотипов. Кроме того, социальные нормы и ценности могут быть как элементом общей культуры современного ему общества (т.н. «общечеловеческие ценности»), так и элементом субкультуры, в которой оказывается данный индивид. При этом нормы субкультуры могут не только полностью не совпадать с нормами данного общества, но порой идти вразрез с ними.

Социализация подразделяется на первичную и вторичную. Первичная социализация пред-

ставляет собой нечто большее, чем просто когнитивное обучение, и связана с формированием обобщённого образа действительности. В зависимости от условий жизни ребёнка действительность может им восприниматься позитивно или негативно. Одной из важнейших характеристик действительности является уровень безопасности, которую обеспечивает индивиду окружение. Безопасность, особенно на ранних этапах, является условием гармоничного развития личности. Понятие безопасности в данном случае имеет психологический смысл, то есть независимо от коллизий ребёнок чувствует себя в гармонии с миром через гармонию с наиболее близкими ему людьми, которые дают ему заботу и любовь, создают чувство уверенности, защищённости и сопричастности к происходящим вокруг него событиям.

Первичную и главную социализацию человек проходит в семье. В рамках же иных общественных структур совершается последующая социализация. Необходимость всячески укреплять семью, развивать её воспитательный потенциал, влияя на установление нормальных нравственных отношений, обстановки взаимопонимания в семье и ближайшем её окружении. Развитие кризисных явлений в семьях российского общества происходит на фоне коренных изменений в сфере экономики, а значит, и в сфере эмоционально-психологических проявлений людей – отсюда увеличивается число неполных семей. Все эти негативные тенденции являются одной из причин девиантного поведения детей и подростков. Таким образом, полноценная социализация должна начинаться с семьи, с организации возможностей ребёнка сформировать соответствующие навыки коммуникации и взаимодействия с людьми, адекватно усваивать общественные требования, законы.

Вторичная социализация определяется разделением труда и со-

ответствующего ему социального распределения знания. Это приобретение специфико-ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда. Социализация – это двунаправленный процесс, означающий становление человека как личности и как субъекта деятельности. Конечной целью такой социализации является формирование индивидуальности. Социальный опыт, лежащий в основе процесса социализации, не только субъективно, но и активно усваивается, становясь источником индивидуализации личности. В подростковом возрасте вторичная социализация только начинается в виде планирования будущего или поиска работы параллельно с учёбой или вместо учёбы.

В отечественной социологии и социальной психологии выделяют два основных «плана» социализации: филогенетический и онтогенетический. Исследовать филогенетический аспект означает выяснить пути и механизмы формирования родовых свойств человечества. Онтогенетическая социализация – это процесс формирования конкретных социально-психологических типов личностей в процессе их онтогенетического развития.

Согласно философскому словарю, онтогенетическая социализация определяется как такой процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в ходе которого, оказываясь в различных проблем-

ных ситуациях, возникающих в среде межличностных отношений, индивид приобретает механизмы и нормы социального поведения, установки, черты характера и их компоненты, и другие особенности и подструктуры, которые в целом имеют адаптивное значение. Социализация по своему содержанию есть процесс становления личности, который начинается с первых минут жизни человека. Выделяются три сферы, в которых осуществляется, прежде всего, это становление личности: деятельность, общение, самосознание.

На протяжении всего процесса социализации индивид имеет дело с освоением всё новых и новых видов деятельности. При этом происходят ещё три чрезвычайно важных процесса. Это ориентировка в системе связей, центрирование вокруг главного, выбранного, сосредоточение на нём и, наконец, освоение личностью в ходе реализации деятельности новых ролей и осмысление их значимости.

Общение рассматривается в контексте социализации также со стороны его расширения и углубления. Расширение общения можно понимать как умножение контактов человека с другими людьми, специфику этих контактов на каждом возрастном рубеже. Что же касается углубления общения, то это прежде всего переход от монологического общения к диалогическому, децентрация. То есть умение ориентироваться на

партнёра, более точное его восприятие.

Третья сфера социализации – развитие самосознания личности. В самом общем виде можно сказать, что процесс социализации означает становление в человеке образа его «Я».

Л.С. Выготский полагал, что практическая деятельность человека и общение являются источниками самосознания. Самосознание – это динамическая система представлений человека о самом себе, осознание им своих физических, интеллектуальных и других качеств, самооценка этих качеств, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов. Самосознание формируется в процессе социализации, но имеет и определённые соматические и индивидуально-природные детерминанты.

Таким образом, проводя анализ литературы, мы подошли к выводу, что социализация относится к достаточно общим социальным понятиям и занимает особое место в структуре общества как социальной системы. Термин «социализация», несмотря на его широкую распространённость, не имеет однозначного толкования среди различных представителей науки. Анализ зарубежной и отечественной литературы убеждает в том, что социализация рассматривается различными авторами как необходимое свойство личности, которая проявляется по мере своего развития и формирования.

Литература:

1. Каптерев П.Ф. Педагогика и политика // Свободная мысль. – 1992. № 8.
2. Концепция воспитания учащейся молодежи / А.А. Бодаев, З.А. Малькова, Л.И. Новикова и др. // Педагогика. – 1992. № 3–4.
3. Караковский В.А. Статья человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса. – М.: НМО «Творческая педагогика», 1993.
4. Народное образование // Российский общественно-педагогический журнал. – 2003. №2.
5. Крупина И.В. Образовательная среда семьи и школы как средство воспитания и обучения. – М., 2000.
6. Крупина И.В. Основы семейной педагогики. – М., 1996.
7. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. – М., 1996.
8. Буянова М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. – М., 1988.
9. Васильева Э.К. Семья и ее функции. – М., 1975.
10. Рычкова Н.А. Деадаптивное поведение детей: Диагностика, коррекция, психопрофилактика: Учеб.-практ. пособие. – М., 2000.
11. Галагузова М.А. Социальная педагогика. – М.: ВЛАДОС, 2000.
13. Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
14. Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания. – М.: Педагогическое общество России, 2001.
15. Воронков С.Г., Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Социализация молодежи: проблемы и перспективы. – Оренбург, 1993.
16. Волков Ю.Г. Социология молодежи. – Ростов на Дону: Изд-во Ростовского университета, 2001.
17. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2000.

Ю.С. ИСАЧЕНКО, кандидат педагогических наук,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
Yu. Isachenko, candidate of pedagogical Sciences,
Bryansk state University name in academician I.G. Petrovsky

Особенности организации образовательного процесса в условиях социальной напряжённости в кризисном социуме Peculiarities of organization of the educational process in terms of social tension in crisis society

Аннотация: Автор размышляет о первопричинности кризисности в обществе и в образовании. Что является причиной, а что следствием? Как исправить создавшееся положение: средствами системы образования, или же социальными преобразованиями в обществе? Предлагает свои варианты из разрешения.

Abstract: the Author reflects on pervorechensky of the crisis in society and in education. What is cause and what is the result? How to correct the situation: by means of the system of education, or social transformations in society? Offer their own versions of the resolution.

Ключевые слова: образование, общество, развитие, свобода, кризис, молодёжь, педагогика, толерантность, эгоизм, принуждение, запрет.

Keywords: education, society, development, freedom, crisis, youth, education, tolerance, selfishness, coercion, the ban.

В настоящее время современное общество обладает своими особыми характеристиками, которые его выгодно выделяют на фоне других исторически сложившихся социумов. Прежде всего, это всевозможные «революции», которые привнесли значительные качественные изменения в общественное развитие, и человечество практически не обращает внимания (или это носит в большей мере весьма формальный характер) на те негативные последствия, которые повлекли за собой случившиеся преобразования. Причём изначальные изменения окружающей действительности, сделанные только с самыми благими побуждениями, обернулись трансформациями не только экологического, но и социального характера. Изменяющийся под

воздействием человеческой деятельности земной мир требует, как неизбежность, изменения в укладе жизни людей и сложившемся взаимодействии их с природной окружающей средой человека. Но насколько готов эволюционно сложившийся тип современного человека принять сегодня в полной мере произошедшие революционные изменения?

Рассматривая особенности современного общественного развития, Э.С. Демиденко выделяет следующие его особенности: систематически нарастающее разрушение биосферы; непомерное и неконтролируемое разрастание техносферы; существенное изменение образа жизни людей и потеря их природных качеств, нарастание патологий и болезней, физическое, психическое и генетическое вы-

рождение; высокая степень антропогенных загрязнений; нарастание серьёзных и опасных социально-экономических и культурных различий между народами и людьми; потеря традиционных социально-нравственных ориентиров, эгоизация населения, нравственное обеднение человеческой души¹.

Таким образом, налицо назревающий кризис в социальном развитии общества, разрешение которого поможет более оптимальной адаптации индивида к происходящему.

Очевидно, что главенствующая роль в разрешении обозначенного кризиса должна отводиться образованию. В то же время, как считает Б.М. Бим-Бад, «...у нашего народа никогда не было школы, в которой учили бы науке и искусству свободы, т.е. искусству и науке побе-

¹ См.: Экологическое просвещение в условиях кризисного социума: Материалы по экологическому просвещению / Под ред. А.Е. Чижевского. – М.: Изд-во «БАРРА», 2000. – С. 9–11.

ждать в жизни, не нанося при этом урона себе, другим, природе, человечеству. Когда свобода становится возможностью, но умения пользоваться свободой нет, это очень опасно, в истории имеется немало примеров того, как освобождённые рабы начинали убивать друг друга осколками своих оков»².

Попытаемся проанализировать значение взаимодействия образовательного процесса с теми социальными явлениями, которые происходят в современном обществе. Что является доминирующим в этом процессе: образование или социально-экономические преобразования? Вернёмся к ранее цитируемой работе Э.С. Демиденко³ о характерных чертах кризисного (современного) общества и попытаемся понять роль образовательного процесса в происходящем. Вспомнив школьный курс истории, можно проследить историю зарождения земледельческой цивилизации: человечество перешло от собирательства к подсечному земледелию, что значительно повысило возможность выживания, изобретение отвального плуга значительно повысило урожайность, выведение новых сортов сельскохозяйственных культур позволило повысить их урожайность, экстенсивное земледелие; интенсивное природопользование. Такого рода достижения можно перечислять достаточно долго, но следует упомянуть и другую сторону этого процесса. По данным Н.Ф. Реймерса, за всю свою историю развития человечество уничтожило около 40% активных частей биосферы. По данным Э.С. Демиденко, за последнее столетие техногенного развития – примерно треть.

Причём следует выделить, что проблема сохранения биосферной природы существовала практически одновременно с поступательным её разрушением, но её актуальность, к сожалению, до конца

XX века не осознавалась широкими слоями научной и политической элиты, а тем более населения.

Рассматривая несколько глубоже обозначенную проблему, следует выделить отдельные противоречия в её разрешении.

У нас созданы разного рода природосберегающие организации, введён курс экологии в образовательный процесс, но насколько они эффективны? Как оцениваются последствия тех или иных общественных процессов на жизнь конкретного человека или конкретного общества? Задумывается ли конкретный человек о том, как отразятся его действия на его собственной жизни?

Вспомним экологически-хулиганскую акцию по забрызгиванию краской шуб из натурального меха в Германии. Масса испорченных вещей, масса обращений в суды, которые практически никак не отразились на повышении поголовья пушных зверей в мире.

Следующая характерная черта современного общества (см. выше) – «...существенное изменение образа жизни людей и потеря их природных качеств, нарастание патологий и болезней, физическое, психическое и генетическое вырождение...»

Хочется затронуть проблему, напрямую влияющую на здоровье человека: так называемые вредные привычки. Ни один образованный курильщик не скажет, что курение не вредит его здоровью. Даже люди, имеющие специальное медицинское образование, которые знакомы в большей степени со зловредным влиянием курения на организм, являются одними из наиболее злостных курильщиков. Табакокурение процветает, несмотря на всевозможные пропагандистские мероприятия. Хотя изначально, чтобы приучить себя к курению, необходимо достаточно долгое время бороться с естествен-

ной реакцией организма на такое вмешательство.

Но если вспомнить популярность нюхательного табака и его практически полное исчезновение, можно предположить, что дело, наверное, не только в привычке. Так, в результате опроса верующих христиан, придерживающихся одной из радикальных религиозных ветвей, которым не запрещается курение, мы заметили странный факт: во время религиозного воздержания (поста) курильщики с многолетним стажем абсолютно спокойно отказываются от табака на весь период его продолжения, и только в последний день испытывают огромный дискомфорт. Следовательно, можно предположить, что последствия такого рода зависимости от табака легко искоренимы при соответствующем подходе.

Хочется обратиться ещё к одной проблеме – наркомании. На Руси конопля была одной из самых распространённых культур возделывания. Из волокон её стебля получали канаты, плотные ткани, из семян делали масло, которое употребляли в пищу, но наркотическую составляющую конопли в центральных районах России стали пропагандировать в совсем недавнее время, во время, когда конопля практически полностью вышла из традиционного обихода. Следует также отметить, что этот период совпал со временем значительного социального напряжения в обществе, обусловленным изменением сложившихся стереотипов поведения, сформировавшейся системы ценностей, пропагандой «продвинутого западного стиля жизни». Причём полный запрет на выращивание этой, как, впрочем, и других наркосодержащих культур, не привёл к исчезновению наркомании как социального явления.

Анализируя обозначенные выше проблемы, следует заметить, что ни страх за своё здоровье,

² Бим-Бад Б.М. Образование для свободы в России // Педагогика. – 1993. № 6. – С. 4.

³ См.: Экологическое просвещение в условиях кризисного социума... – С. 9–11.

свободу, которые могут ожидать в будущем, ни явный дискомфорт в настоящее время не могут повлиять на положительное разрешение ситуации.

Обратимся к следующей характерной черте современного общества: (см. выше) – «...потеря традиционных социально-нравственных ориентиров, эгоизация населения, нравственное обеднение человеческого души...» Человек существо социальное, и малейшие попытки его изоляции от сложившегося стереотипа поведения приводят к внутреннему отторжению происходящего. «Всякая деятельность, которую мы считаем не нашей, – писал К.Д. Ушинский в статье «Стремление к деятельности как основе душевной силы человека», – не есть свободная деятельность, не есть труд, а работа, принуждение, и потому это приводит человека в отчаяние или заставляет обманывать, то есть выполнять своё желание в форме выполнения чуждого, или деградирует человека».

Простой анализ пропагандистского воспитательного влияния СМИ на общее восприятие происходящего даёт следующую картину в современном обществе: престижно быть бандитом (что широко пропагандируется на телевидении), наркоманом (рок и наркотики неотделимы), алкоголиком (кто идет за «Клинским?»), и совсем не престижно быть образованным, хорошо воспитанным человеком (вшивый интеллигент). Попытки последних лет изменить эту ситуацию граничат с запретом мультфильма «Ну, погоди!» для показа детям только потому, что там Волк курит.

Достаточно вспомнить события, совсем недавно происходившие в странах ближнего зарубежья: Грузии, Украине, Киргизии. Те события, которые начинали стихийно возникать, которые невозможно было погасить, начинались с агитации молодых людей принять участие в жизни своего общества, с убеждения в правильности такого метода самовыражения (наиболь-

шее проявление демократии!), якобы с приобщения молодёжи к мировым ценностям социальной самореализации. И правительства, которым было оказано всенародное признание на проводимых демократических выборах, оказываются низложенными в течение очень короткого периода. Не понимая даже до конца, что натворили, молодые люди переходят к общему ликованию от результатов своей победы. Победы не над злом, царившем в обществе, победой над самими собой, сумевшими показать свою состоятельность что-то конкретное совершить «на благо» человечества.

Следует отметить, что подобного сценария не отмечалось нигде в мире, кроме стран постсоветского периода своего существования, со специфической системой общественного воспитания и сформированного соответствующего сознания. В демократических странах довольствуются демократическими выборами без «цветных» революций.

В.П. Эфроимсон, проследив историю развития человеческой цивилизации, выделяет потрясающий воображение факт: гении и замечательные люди очень часто, с какой-то удивительной закономерностью появлялись то тут, то там – вспышками, группами.

Одна такая вспышка произошла в золотой век Древних Афин в век Перикла. У этого государственного деятеля буквально за столом одновременно собирались такие признанные во всём цивилизованном мире гении, как скульптор Фидий, создатель бессмертных трагедий Софокл, философы Анаксагор, Зенон и Протагор. Многие из них были коренными гражданами Афин – города, который едва насчитывал 60 тысяч свободных граждан. И почти все вышеназванные гении сформировались на месте, т.е. были афинянами. Но никакие данные генетики не позволяют думать, что афиняне наследственно превосходили окружающие их народы. Следовательно, откуда же

такой «выброс» гениев? Весь секрет заключается в среде, стимулирующей тот или иной вид дарования, творчества, деятельности. Все эти люди принадлежали к одной социальной прослойке со стойкими традициями, подкреплёнными социальной преемственностью. В общении друг с другом, во взаимном влиянии друг на друга, а также благодаря тому, что их творчество было нужно не только узкому кругу ценителей, но и широким массам свободного городского люда, – все они просто смогли реализовать присущие им задатки.

Похожая ситуация сложилась в Италии XIII века. В плодороднейшей долине реки По, на перекрёстке дорог с востока на запад и с севера на юг, происходят важные и уже неизгладимые перемены. Пополаны (торговцы и ремесленники) Флоренции, добившись в XIII веке отмены крепостного права, создали тем самым мощную прослойку городского люда, который уже был способен понимать живопись, архитектуру, музыку – ведь не следует забывать, что люди еженедельно проводили помногу часов в храмах (католическая церковь, помимо 52 воскресений, имеет ежегодно ещё полсотни праздников). В церкви этот городской люд сначала глазел, потом глядел, а затем и разглядывал скульптурные и художественные произведения; сначала «хлопал ушами», не слушая музыку, а потом начал её слушать и даже понимать. В XIV веке во Флоренции от восьми до десяти тысяч людей ходили в начальную школу, не менее тысячи в среднюю и от пятисот до шестисот юношей ежегодно посещали высшие учебные заведения. Как при этом не наступить Возрождению? Эпоха Возрождения – это эпоха массового устремления к культуре, знаниям и искусству, массового спроса на живопись и живописцев не только со стороны меценатов. Это эпоха массового спроса на грамотных людей (потребность возросшей технологической среды). Во множестве мастерских ода-

рённые ученики, соревнуясь, обсуждая, критикуя и заочно участь, создавали ту своеобразную атмосферу, ту «критическую массу», при которой начинается ценная реакция творчества, при которой неизбежно должны вспыхивать особо одарённые и целеустремлённые гении типа Микеланджело и Леонардо да Винчи.

В итоге В.П. Эфроимсон приходит к выводу: везде, где бы не появлялись идеальные или даже оптимальные условия, общественный спрос, социальный заказ на тот или иной талант, – обязательно этот спрос выносил на свет большое число особо одарённых или даже гениальных людей. При всём этом частота зарождения потенциальных гениев во все эпохи и у всех народов одинакова, но реализовавших себя намного меньше.

Не стоят ли внимания указанные факты? Насколько эффективна современная воспитательная стратегия? Ведь даже специально вводимые образовательные курсы, изначально предполагающие повышение общекультурного уровня, приводят зачастую к противоположному эффекту из-за недостаточно высокого уровня проработки общей теоретической идеи. Достаточно вспомнить курс толерантности, который не имеет чёткого определения направленности объекта и предмета исследования. Курс основ православного воспитания, который изначально получил свою негативную оценку в обществе ещё даже не будучи введённым в образовательный процесс, т.к. не имел соответствующей воспитательной подготовки в выделении своего предмета и объекта. Ведь только после введения в образовательный процесс началась специальная подготовка преподавателей и аудитории потенциальных потребителей по выяснению необходимости введения

такого рода инновации и её эффективности. Хотя, следует отметить, курс основ ислама в школах на территории Российской Федерации существует уже достаточно давно, но большого резонанса в обществе его введение не вызвало.

И. Кант в своих лекциях «О педагогике» писал:

«Во-первых, ребёнку, начиная с самых ранних пор, всегда и во всём надо предоставлять свободу, если только он не хватается за острый нож и его свобода не вступает в противоречие со свободой других...»

Во-вторых, необходимо дать ему возможность убедиться в том, что он может достичь своих целей, только позволяя и другим достигать своих, например, не оказывать ему желательных для него услуг, пока он не выполнит своих обязанностей...

В-третьих, он должен понять, что только ограничение его свободы и позволяет пользоваться ею, что, развивая в себе эту способность к самоограничению, он сможет стать свободным, т.е. не зависеть от посторонней опеки...⁴ В какой мере современный уровень образования соответствует сказанному? Как составить у человека элементарное представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо»? Что такое действительная свобода, а что её извращённое толкование? Как определиться человеку в том, каким быть и куда идти и что вообще представляет собой современное общество?

Как отмечает О.С. Газман, самоопределение является основным механизмом обретения и проявления человеком внутренней свободы⁵. Не случайно в Законе «Об образовании» указывается на самоопределение как ведущую цель обучения и воспитания школьников и студентов. Своё индивидуальное место в жизни человек на-

ходит благодаря своей беззаветной работе в пределах профессии, в общем деле, объединяющем людей в устремлении к сверхличным задачам.

Человек становится личностью в обществе, в деятельности, причём не в любой деятельности, а пронизанной некоторым единством направления, «сверхзадачей» (К.С. Станиславский), «стержневым интересом» (Г.И. Щукина). Когда говорят, что человек сегодня «сам не свой», означает, что он действует не так, как для него типично. Это единство направления, эта своеобразная доминанта жизни придаёт человеку устремлённость к сверхличным целям, свою линию поведения.

Для личности, в специфическом значении этого слова, характерна верность самому себе, но это не означает верность какому-то одному делу, это верность жизненному направлению, призванию, «индивидуальному закону» (С.И. Гессен), быть тем, «кто ты есть» (Ницше), «у личности есть свое лицо» (С.Л. Рубинштейн). «Личность, – пишет А. Маслоу, – которой не пришлось «побеждать», «преодолевать» и «отражать натиск», продолжает сомневаться в том, что она «может» всё это совершить». У человечества есть, по Маслоу, одна-единственная абсолютная ценность – реализация потенциальных возможностей человека, т.е. превращение в полноценного человека (самоактуализация). Для большинства человечества, по А. Маслоу, обретение высшей природы немислимо без удовлетворения природы низшей. Лучший способ развить высшую природу – это сначала реализовать и удовлетворить низшую природу, превратив её в опорное основание⁶. Б.С. Гершунский считает, что, в конечном счёте, человеческими поступками в большом и малом движет мен-

⁴ Цит. По: Бим-Бад Б.М. Образование для свободы... – С. 5–6.

⁵ Газман О.С. От авторитарного образования к педагогике свободы // Новые ценности образования: содержание гуманистического образования. Вып. 2. – М., 1995. – С. 16–45.

⁶ Маслоу А. Психология бытия / Пер с англ. – М.: Рефл.-бук. – К.: Ваклер, 1997. – С. 208.

талитет – глубинные, «корневые» духовно-нравственные ценности и мировоззренческие основания поведения человека. Поэтому высшая ценность образования и его высшая цель – формирование менталитета личности и социума⁷.

«Современная образовательная ситуация в России, – пишет С.В. Кульневич, – представляет собой одну общую проблему, выраженную противоречием между потребностью в воспитании гуманистически ориентированной творческой личности и направленностью массовой школы на «формирование» функционально ограниченного индивида»⁸.

Модель личности – перечень положительных качеств; заказ на специалиста определяется потребностями экономического района, в первую очередь в дефицитных для района профессиях. Однако, как справедливо отмечает В.В. Сериков, «...отечественный и зарубежный опыт уже неоднократно убеждал, что попытка формировать личность по установленной модели, пропуская учеников «стройными рядами» через систему образования, может дать лишь образовательные и социальные суррогаты»⁹. В то же время, на сегодняшний день мы не сможем отказаться от массовости образования, которое так необходимо любому обществу на любых стадиях и ступенях развития, в особенности отягощённом кризисностью.

Массовая образовательная

практика в современной школе, как известно, тяготеет к когнитивной практике. В педагогической литературе когнитивную практику обычно связывают с личностно отчуждённой парадигмой, противопоставляют когнитивную модель образования личностной. М.М. Поташник и А.М. Моисеев считают, что внеличный характер имманентно не присущ когнитивной образовательной практике, что когнитивная образовательная практика может быть как личностно отчуждённой, так и личностно ориентированной. Аргументируя эту позицию, авторы пишут: «Ну разве объём и глубина знаний, умений, навыков, которые отбирает учитель вместе с ребёнком, не может исходить из всесторонней диагностики личности этого ребёнка, его возможностей, способностей, интересов, личных потребностей?»¹⁰.

В то же время уже сейчас налицо смещение в сторону самостоятельного обучения, в сторону индивидуального образования на основе творческих интересов (30 миллионов из самых высокооплачиваемых людей в США, в том числе основатель гиганта Microsoft Билл Гейтс, не окончили колледж).

Справедливой представляется мысль Б.С. Гершунского, что «нельзя воспитать человека, а в более широком смысле – невозможно создать условия для самосозидания личности, оставаясь в рамках господствующего ныне информационного подхода к образо-

ванию. Личность создаётся личностью, социумом, жизнью»¹¹.

Таким образом, назревает вопрос о первопричинности кризисности в обществе и в образовании. Что является причиной, а что следствием? Как исправить создавшееся положение: средствами системы образования, или же социальными преобразованиями в обществе? В то же время следует вспомнить кризисное состояние в США времён великих экономических потрясений, общественный кризис в Германии, последовавший после Первой мировой войны, и потом – колоссальный темп развития после выхода из кризисной ситуации. В странах появлялась основная идея патриотизма, которая воспитывалась самыми разными способами и методами (в том числе и репрессивными). Гордость за свою страну, за её будущее приводила буквально к чудесным преобразованиям. И давайте подумаем, что на сегодняшний день можем предложить в своей стране мы? (Какова у нас основная идея – уже было сказано выше.)

Сознание человека, отмечал С.Л. Рубинштейн, «фактически включено в контекст реального материального бытия, в контекст жизни и деятельности человека»¹². И без его формирования невозможны положительные преобразования ни в социально-экономической, ни в каких-либо других сферах современного, ставшего кризисным, общества.

7 Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 608 с.

8 Кульневич С.В. Личностная ориентация методологической культуры учителя // Педагогика. – 1997. № 5. – С. 108–115.

9 Сериков В. Без привычных канонов: (Концепция личностно ориентир. пед. деятельности, разраб. в НИИ пробл. личностно ориентир. образования (Волгогр. пед. ун-т)) // Нар. образование. – 1997. № 9. – С. 60–61.

10 Поташник М., Моисеев А. Качество образования в разных образовательных практиках // Народное образование. – 1999, № 9. – С. 142–143.

11 Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века... – С. 288.

12 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 272 с.

М.В. ЗАХАРЧЕНКО, доктор философских наук, профессор,

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

M. Zakharchenko, doctor of philosophical Sciences, Professor, the Saint Petersburg Academy of post-diploma pedagogical education

Категория духовности в современном дискурсе об образовании

Category of spirituality in modern discourse on education

Аннотация: Духовно-нравственная культура общества – базовый компонент общественной жизни. Соответственно, образовательная область, духовно-нравственная культура должна выступать как базовая область учебного плана. Однако в отечественной школе в учебном плане присутствует только часть этой образовательной области – отдельные темы или модули в других образовательных областях.

В целом в стране нет единой методологии и идеологии создания таких модулей, и зачастую эти опыты неудачны, поскольку осуществляются под влиянием явно деструктивных идей (примеры – некоторые подходы в валеологии, в которых просматривается влияние оккультных идей, опыт «полового просвещения»). Распространён тезис – не нужно специального «духовно-нравственного» предмета, все предметы должны быть духовны и нравственны. Трудно спорить. Но если элементы духовно-нравственной культуры должны присутствовать (и в хорошей школе присутствуют) во всех предметах, то по правилу бинарности должен быть также особый предмет (предметы), составляющий стержень образовательной области духовно-нравственная культура. Именно его-то и нет.

Abstract: Spiritual-moral culture of the society is a basic component of social life. Accordingly educational area of spiritual and moral culture should serve as the base area of the curriculum. However, in the national school curriculum, there is only a part of this educational area – specific topics or modules in other educational areas. In General there is no single methodology and ideology of creation of such modules, and often these experiments failed, since they are carried out under the influence clearly destructive ideas (examples – some approaches in valeology which examine the influence of occult ideas, experiences, «sexuality education»). Widespread thesis – don't need a special «moral» of the subject, all items must be spiritual and moral. It is difficult to argue. But if the elements of the spiritual-moral culture must be present (and in a good school are present in all subjects, according to the rule binary must also be a special subject (subjects) of the core educational field of spiritual and moral culture. It was his and no.

Ключевые слова: национальная доктрина образования, этнопедагогика, нравственные каноны, культура, философия, феноменология духа, цивилизация, бездуховность, личность, общество.

Key words: national doctrine of education, ethnopedagogics, moral canons, culture, philosophy, phenomenology of the spirit, civilization, spirituality, personality, society.

Разработка понятия «духовность» как педагогической категории сегодня актуальна. Национальная Доктрина образования РФ связывает стратегические цели развития образования с идеей преодоления духовного кризиса, достижения устойчивого духовного развития России.

За последние 15 лет защищено множество докторских и кандидатских диссертаций по педаго-

гике, в которых обнаруживается, что в педагогическом ключе понятие духовности тесно связано с понятием нравственности. В исследованиях раскрывается понятие различных аспектов духовно-нравственного воспитания, духовного становления, воспитания духовности, нравственного поведения, нравственного развития. Вопросы духовно-нравственного воспитания особенно часто об-

суждаются в русле проблем этнопедагогике. Можно сказать, что тезис о стержневом характере духовно-нравственного воспитания в этнопедагогике сегодня твёрдо обоснован на материале многих этнических традиций России.

Следует отметить, что внимание к категории «духовности» в педагогических исследованиях начинает заметно возрастать с середины 90-х годов прошлого века.

Если в конце 80-х проблематика нравственного воспитания широко обсуждалась в логике исследования характера и способов освоения личностью общезначимых норм и ценностей, то к настоящему времени можно говорить, что предмет исследования больше связан с проблематикой свободного и творческого освоения нравственных канонов, по которым живут общества и культуры.

Определённый рубеж в переосмыслении понятия духовности в общественно-философском ключе был обозначен в памятной дискуссии, организованной журналом «Вопросы философии» в 1996 году [1]. В дискуссии чётко обозначился вектор, в направлении которого было переосмыслено понятие духовности, бытовавшее в советский период. Было замечено, что достаточно широко распространено представление о духовном человеке как о человеке, приученном посещать музеи, выставки, концерты, хорошо разбирающемся в искусстве – или, по крайней мере, знакомом с широким кругом классических образцов прекрасного. Было справедливо замечено, что такого рода понимание духовности ограничивает сферу духовной жизни. Прозвучало парадоксальное на первый взгляд определение духовности как своеобразного «духовного потребительства», связанного почти исключительно с воспитанием вкуса к произведениям художественного творчества, с развитием утончённой способности к наслаждению. Участники дискуссии вывели на первый план начало преобразующей активности человека, идею творчества, свободы. Духовность должна пониматься как трансцендирование, как проявление фундаментальной двойственности человеческой природы, её динамического начала, её устремлённости к самосовершенствованию. Так, В. Лекторский выступил в дискуссии, определяя духовность как «выход за пределы эгоизма, своекорыстия, утилитаризма», признание бытия «Ино-

го», не подвластного с помощью хитрых рациональных уловок: природной реальности, другого человека, другой культуры, прошлого, вступление с ними в диалог и коммуникацию».

В этом же году выходит книга Н. Юлиной [8], где она предлагает вовсе отказаться от понятия духовности. Юлина замечает, что по мере секуляризации западной культуры слово *spirit* исчезает из предметных словарей или упоминается только в связи с религиозно-философскими системами прошлого. Даже гегелевское понятие *Geist* обычно даётся без перевода, либо переводится на английский язык как *mind*. Однако это замечание не относится к немецкой традиции, где науки, имеющие дело с сознанием, по-прежнему именуются «науками о духе». Шелер, задавая основы философской антропологии, выводит понятие «дух» за пределы «религиозно-философских систем прошлого» и рассматривает его как «то, что делает человека человеком, как принцип, противоположный жизни вообще», противоположный даже интеллекту, который Шелер рассматривает в контексте органической функции живого. «Духовное» существо человека определяется его экзистенциальной независимостью от органического, свободой, отрешённостью от принуждения и давления инстинкта и интеллекта [6].

В классической немецкой традиции понятие «духа» употребляется как онтологический принцип, существенно определяющий бытие человека в мире. Он раскрывается в связи с проблематикой человеческой свободы и самопознания. В такой трактовке немецкая школа опирается на полноту интеллектуальной традиции европейской культуры, восходящей к античности, и вводит нас в её герменевтический круг. Будучи «живым», принадлежит жизни и разделяя все её существенные характеристики (рождение, рост, питание, смерть), человек имеет ещё нечто,

что отличает его от живого. Аристотель мыслит отношение «жизни» и «человека» в схеме «общий род – видовое отличие». Человек принадлежит живому, *dzoop*, но он специфичен тем, что это «общественное» живое существо, *dzoop politikon*. В латинской традиции это специфическое отличие видят в «рациональности»: человек есть *animalis*, но особого рода: *animalis rationis*. Однако уже в античности предлагается и другая логическая схема мышления о человеке.

Человек не «часть» живого, но в каком-то смысле противоположен живому как таковому, это качественно иной способ бытия в мире. Это воззрение нашло своё выражение в «сущностном» определении человека как *homo sapiens*, человек разумный. Человек лишь частично принадлежит жизни. Будучи *sapiens*, он выходит за её пределы и свободен от её требований (позиция стоиков и других античных философов, осмыслявших возможность человека управлять мерой своих потребностей). В христианстве понятие «духа» связывается с идеей сотворения человека по образу и подобию Божию. Дух и свобода рассматриваются во взаимной связи. Человек может жить «по закону плоти» – и тогда он поработён. Но он может освободиться от этого закона и жить «по закону духа» – тогда он свободен. Это воззрение получило своё полное выражение в христианской традиции. Классический источник христианских размышлений на эту тему – Послание апостола Павла к римлянам.

В философии Гегеля задаётся масштаб соотнесения понятий «дух», «разум», мышление, интеллект. Этот масштаб – Вселенная, универсум, всемирная история. Он связывает вопрос о духе с онтологией свободы. Субстанция духа есть свобода, определяет Гегель. Гегель связывает понятие духа с понятием разума. Его философию в целом можно определить как «философию духа и разума». Названия произведений, центральных для

понимания его системы – Феноменология духа, Философия духа. Дух – универсальный принцип существования мира: он проявляется в форме субъективного духа (самосознающий разум человека), объективного духа (воплощённые в истории формы самоотношения абсолюта через разворачивание способов человеческой деятельности – право, искусство, религия, философия) и абсолютного духа – дух, знающий себя как творца многообразных форм существования, возвратившийся в себя из отчуждения природы и всемирной истории, свободно отпускающий от себя в инобытие природу и историю и поддерживающий их действительность своей энергией.

В англо-американской традиции понятие *mind*, стремясь заметить понятие «духа», вбирает в себя проблематику свободы, личностного начала, интересубъективности. Так, Н. Юлина, с опорой на Дьюи, вкладывает в понятие *mind* «активистские ценности разумности, здравомыслия, творчества, критицизма, полагая, что в опоре на разум человек обретает возможность самокоррекции, преодоления эгоизма, активного установления взаимности с природой и другими людьми». Классический образец «философии здравого смысла» принадлежит Джону Локку, заложившему основы категориальной структуры англо-американского дискурса, который начинает с идеи «чистой доски сознания» и задаёт канон современности («проект Модерна»).

Содержание человеческой активности, раскрываемое в классической традиции в категориальном ряду «дух – всемирная история – тотальность действительности», в англо-американской традиции раскрывается в категориальном ряду «личность – деятельность – общество». Развитие содержания человеческой активности, исходя из Локка, основывается на реа-

лизации таких способностей, как свобода и рефлексия и завершается в самоосуществлении личности как самосознающего «Я». «Духовность» в этом подходе рассматривается как актуализация личности, её самосозидание, руководимое идеями рефлексии. Человек в качестве познающего и нравственного существа – это чистая доска, такое начало полагает Локк в эпистемологии. Кто же пишет на ней? Именно личность. Творческие силы, созидающие личность, – рефлексия, свобода, воля. Если человек не подвигает силы своей души к созиданию в себе личности, он так и остаётся «ничем», чистой доской, открытой для воздействий извне. Человек – плод обстоятельств в той мере, в какой в нём не живёт и не действует личность. И наоборот, он свободен изменять обстоятельства своего существования в той мере, в какой в нём живёт и порождает себя личность, осуществляющая практику свободы [3, с. 43].

В философском эссе «Сознание и цивилизация» Мираб Мамардашвили раскрывает декартовский принцип *cogito ergo sum*¹ как основание практики свободы. Принцип *cogito* утверждает, что изменение – это возможность, которая может быть реализована только мною при условии моего собственного труда и духовного усилия. Подвергая всё остальное сомнению, «я есмь», утверждённое в *cogito*, обнаруживает определённую зависимость всего происходящего в мире (в том числе в знании) от собственных действий человека. *Cogito* – это своеобразное *fiat* современности, творящее мир, которому я могу доверять. «Ибо создаётся такой мир, в котором ты можешь мочь, каковы бы ни были видимые противо-необходимости природы, стихийно-естественные понуждения и обстоятельства».

Cogito sum есть экзистенциальная ситуация, в которую чело-

век должен поместить себя, чтобы вступить в пределы современности. Мысль – это активность. Человек призван научиться держать себя в состоянии, которое отнюдь не есть что-то автоматическое, где всё последующее само собой вытекает из предыдущего. Фихте раскрыл идею полнее, указывая, что «акт свободы» сопровождает каждый акт мысли. В пространстве мысли можно двигаться, лишь вновь и вновь делом подтверждая решимость мыслить, мужество знать. Эта решимость позволяет человеку заявить себя в мире в качестве автономного существования. Мысля, человек «владеет собой», есть не «что», а «кто», и на этом основании он правомочен обладать чем-то в мире, иметь в качестве «своего собственного» некоторое «что», что не есть он сам, не есть другой «кто»; это «что» он может и обязан сделать условием своей деятельности в качестве мыслящего и владеющего собой [3, 30–31].

Мамардашвили замечает: проблема человеческого существования состоит в том, что в своей «данности» человек находится вне всяких различий добра и зла. Изначально он не есть существо нравственное, но он призван к тому, чтобы вновь и вновь выходить из этой ситуации неопределённости и превращать её в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению, например в терминах этики и личностного достоинства, т.е. в ситуацию свободы или отказа от неё как одной из её же возможностей. Т.е. к тому, чтобы становиться субъектом человеческих требований, ожиданий, моральных и познавательных критериев и др. Морального отношения нет вне человеческой свободы. Моральные различия не предписаны человеку ниоткуда извне – он сам устанавливает и удостоверяет их как субъект моральности. Иными словами, моральность есть не тор-

¹ «Я мыслю, следовательно, я существую» – основной принцип философии Рене Декарта.

жество определённой морали (скажем, «хорошее общество», «прекрасная институция», «идеальный человек»), сравниваемой с чем-то противоположным, а создание и способность воспроизводства ситуации, к которой можно применить термины морали и на их (и только их) основе уникально и полностью описать. [3, с. 41].

Т.И. Петракова считает, что «сущность духовности заключается в трансцендировании человеком наличной действительности и своих собственных пределов. В самом факте присутствия духа в человеке проявляется более глубокая фундаментальная реальность». Особое понимание духовности существует в Православии, где «Дух» – это Бог. <...> В педагогическом обиходе духовность характеризуется как проявление «человеческого в человеке». Духовность – это то, что возвышает личность над физиологическими потребностями, этическим расчётом, рациональной рефлексией, то, что относится к высшей способности души, что заложено в основание его личности [1, с. 21–22].

Процесс вхождения человека в общество не совершается исключительно в плоскости абстрактного социума. Любое общество выработало механизмы самосохранения собственной целостности против эгоистических стремлений его отдельных членов. Чем более развито общество, тем в большей мере эти механизмы «работают» не на подавление личностного развития, но на раскрытие творческих возможностей человека. Это механизмы традиционного уклада жизни, который вырабатывается на протяжении жизни многих поколений и обладает неизменной структурой. Человек стремится не только к развитию, но и к духовному становлению, которое образует вертикальную составляющую его жизни (с. 13). Эта вертикаль воплощается в таких компонентах человеческой культуры, как идеалы и образы совершенства, выражаемые посредством искус-

ства, религии, философии. Освоение духовной вертикали требует развития такой специфической способности духа, как созерцательность. Духовная жизнь как становление требует особого времени для того, чтобы совершились органические процессы духовного роста и созревания. В собрании очерков с характерным названием «Книга тихих созерцаний» Иван Ильин неспешно повествует о напряжённых коллизиях духовного роста, совершающихся в скрытом от внешнего взора пространстве внутреннего мира человека.

Рыночные отношения, выступая как могучий фактор развития производства, на одном полюсе порождают специфический тип духовной активности – изобретательство, техническое творчество, высокие образцы организационной культуры и самоорганизации человека, а на другом – массовое явление потребительства, определяемого как «бездуховность». Бездуховность потребительского общества вызывает гневные филиппики в педагогической литературе, в общественной мысли. Модель существования потребителя существенно обедняет бытие человека, остаётся не востребуемым стремление к совершенству, внутренний мир, разнообразие чувств, способность наслаждения бесхитростной красотой природы, человеческих лиц, длительное созерцание – все эти проявления духовной жизни исчезают в круговороте безостановочной деятельности. Активность человеческого духа замыкается в узкие рамки стремления к приобретению денег и вещей, вещей и денег, реальная драма нравственного выбора подменяется изматывающим перебором вариантов потребительских качеств многочисленных товаров и услуг. Не случайно Эрих Фромм назвал модель жизни в потребительском обществе «бегством от свободы» и человека потребителя общества «одномерным человеком». Потребительская модель, истребляя духовную вер-

тикаль, действительно, замыкает жизнь человека в одном измерении, которому присуще только два направления движения: вперёд и назад.

В исследовании проблематики духовно-нравственного воспитания значительное место уделяется изучению религиозных традиций, несомненное большинство в этой области составляют исследования в области воспитательного потенциала православной традиции, которая рассматривается как культуuroобразующая для российской культуры (В. Расторгуев). В. Тростников [5] разрабатывает понятие «православная цивилизация», раскрывая определяющее влияние на цивилизационную перспективу культурного мира России традиции православного христианства, вобравшего в себя эллинистическую идею Единого бытия, ветхозаветную идею личностного взаимоотношения Бога и народа и новозаветную идею духовного преображения человека и нравственного обновления всего человечества.

Игумен Георгий (Шестун) в своей докторской диссертации исследует православные традиции духовно-нравственного становления человека. Он пишет: «...тайна личности заключена не в свойствах индивидуальной природы, а в способности возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя – по ту сторону всякого фактического своего состояния и даже своей фактической общей природы» [7, автореферат, с. 51]. В православной традиции духовно-нравственное становление человека направлено на раскрытие его творческого потенциала, его уникального бытия как «лица», в котором преодолевается социальная обусловленность «личности» <...> Человек не ограничен своей индивидуальной природой. Он – не часть целого, а потенциально содержит в себе целое [7, с. 16].

Шестун, опираясь на традицию православного богословия, развивает понятие Церкви как соборного

единства, в котором раскрывается соборная природа восстановленной человеческой природы. «Церковь – это множественность лиц, каждое из которых получает дар Духа Святого, который сообщает каждой человеческой ипостаси в Церкви полноту благодати, превращая каждого в сознательного соратника Богу, даруя каждому возможность реализовать его неповторимое призвание. Духовно-нравственное становление личности в традиции выступает как онтологическая основа воспитания, а само воспитание – как создание условий для духовно-нравственного становления. В процессе духовно-нравственного становления личность индивидуализируется, приобретает особенные, ей одной свойственные черты, и вместе с тем вбирает в себя вселенскую полноту, хранимую в традиции, в этом двуедином процессе обретая неотъемлемое свойство личности – уникальность, проявляемую в творческом личностном бытии. <...> Православное воспитание направлено на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и её развитию. Духовная жизнь реализуется как личностное бытие в традиции. Творчество и одарённость образуют качественную определённую личностного бытия. Таким образом, содержание православной традиции воспитания ориентировано на развитие личностного начала в человеке и укоренении его в духовной и нравственной жизни» [7, автореферат].

Устоявшиеся стереотипы в отношении православной традиции воспитания ассоциируют её не с динамикой становления личности, а с жёстким подчинением индивидуальности системе устойчивых социальных норм (которые, к тому же, часто рассматриваются как устаревшие и подавляющие личностное развитие). Между тем эти нормы – божественные заповеди – образуют условия, при соблюдении которых только и возможно духовно-нравственное становле-

ние личности. К соблюдению этих норм невозможно принудить, их можно только свободно принять и сознательно строить по ним собственную жизнь. «Важнейшим условием достижения человеком Богоподобия как изначальной задачи человеческого бытия является воссоздание всего строя жизни на началах духовной свободы. Оценка любых проявлений личности возможна, если предполагается свобода нравственного самоопределения человека» [7, с. 43].

Образование, укоренённое в православной традиции, не может быть не духовным. При этом должны избегать из исторически обусловленных стереотипов понимания духовного образования как противоположного светскому, или как образования, направленного на подготовку церковнослужителей, или как образования, отвергающего научные подходы к познанию мира. Духовным является то образование, которое учитывает духовное призвание человека, уникальное бытие личности и опирается на понимание закономерностей духовно-нравственного становления личности, определяемых традицией.

Академик В.С. Леднев высказал идею включения в структуру учебного плана школы инновационной образовательной области «духовно-нравственная культура». Сегодня Татарское отделение РАО открывает лабораторию по исследованию возможностей включения этой инновационной образовательной области в учебный план российской школы.

Понятие образовательной области связано с моделью изоморфизма структуры личности, структуры культуры и структуры учебного плана. Согласно этой модели, цель образования состоит в трансляции полноты культуры из поколения в поколение. Структуры «объективированной» культуры в процессе образования преобразуются в структуры личности, способной действовать согласно формам, нормам и принципам

культуры. Так, если мы говорим о трудовой, физической, правовой, гуманитарной, информационной культуре общества, мы формируем соответствующие образовательные области. Следуя этой логике, академик Леднев обосновал включение в структуру учебного плана образовательной области «информационная культура»; её освоение сегодня занимает ведущее место в потоке инновационных процессов.

Структура образовательной области подчиняется «правилу бинарности». Содержание образовательной области строится через дополительность двух компонентов – стержневой предмет и отдельные элементы или модули в предметах других образовательных областей.

Если мы заводим речь об образовательной области «духовно-нравственной культуры», то применительно к структуре личности мы должны говорить о духовно-нравственной культуре личности, к структуре культуры – о духовно-нравственной культуре общества.

Духовно-нравственную культуру (ДНК) личности мы определяем как культуру реализации «высших даров» человека: свобода, творчество, нравственное действие, познание и самопознание, выражение мира в слове. Важнейшее место в ДНК личности занимает нравственность – способность человека к реализации нравственного закона как «закона свободы». Духовно-нравственная культура личности формируется в процессе приобретения «опыта свободы» построения системы отношений к универсалиям: к себе, к миру, к другому человеку, к Богу. Этот опыт носит синергичный характер и осуществляется во взаимодействии с другими людьми в лоне культурной традиции через последовательные выборы – познавательные, волевые, нравственные и пр. Процесс формирования духовно-нравственной культуры личности можно определить как процесс духовно-нравственного становления человека. Его условия и формы образуют традиции

культуры, составляющие стержень духовно-нравственной культуры общества.

Духовно-нравственная культура общества – совокупность идеалов, смыслов, ценностей, норм, к которым тяготеет энергия творчества людей, составляющих данное общество, а также традиций, поддерживающих вектор этого направления, форм, позволяющих освоить содержание идеалов и ценностей, образцов, в которых они выражены. Составляющие элементы ДНК общества: идеалы, смыслы, ценности, образцы, концепты, символы, нравственные нормы, правовые нормы, традиции. Традиции следует понимать в широком смысле, как способы организации совместной деятельности людей, устойчиво сохраняющей свои существенные характеристики на протяжении многих поколений. В этом смысле наука, искусство, философия – как структуры духовной деятельности – являются традициями.

Духовно-нравственная культура общества – базовый компонент общественной жизни. Соответственно образовательная область духовно-нравственная культура должна выступать как базовая область учебного плана. Однако в содержании образования сегодня она полноценно не представлена. В отечественной школе в учебном плане присутствует только часть этой образовательной области – отдельные темы или модули в других образовательных областях. Перечислим некоторые: мировая

художественная культура, этика и психология семейной жизни, валеология, профориентационные дисциплины, психологические дисциплины, нравственно-этические модули или темы в базовых предметах, отдельные темы ОБЖ, литературы, обществоведения, истории. В гимназиях существует опыт введения философских курсов, курсов истории религии, изучение мифов народов мира, нравственных систем различных культур (таких как конфуцианство) – то есть те части гуманитарной культуры, которые не вошли в цикл словесности.

В целом в стране нет единой методологии и идеологии создания таких модулей, и зачастую эти опыты неудачны, поскольку осуществляются под влиянием явно деструктивных идей (примеры – некоторые подходы в валеологии, в которых просматривается влияние оккультных идей, опыт «полового просвещения»). Распространён тезис – не нужно специального «духовно-нравственного» предмета, все предметы должны быть духовны и нравственны. Трудно спорить. Но если элементы духовно-нравственной культуры должны присутствовать (и в хорошей школе присутствуют) во всех предметах, то по правилу бинарности должен быть также особый предмет (предметы), составляющий стержень образовательной области духовно-нравственная культура. Именно его-то и нет. Во многом данная ситуация объясняется исторически. В учебных планах зарубежных школ в боль-

шинстве налицо либо дисциплина, посвящённая изучению традиционной религии, либо (или «и») предметы этико-философского и мировоззренческого типа.

В России как цивилизации ценностного рационального типа целесообразно предложить цивилизационный подход к формированию образовательной области духовно-нравственная культура, устанавливая иерархию традиций, поддерживающих духовно-нравственное становление человека в российской цивилизационной перспективе:

- этнические традиции;
- цивилизационная традиция.

Технократическая перспектива глобальной цивилизации выступает как внешний фактор, который необходимо осваивать в логике собственной цивилизационной перспективы.

Существенным аспектом в построении образовательной области «духовно-нравственная культура» и описании её образовательного стандарта является специфика методов преподавания. В её структуре доминирует ориентационно-смысловой компонент содержания образования. Базовым методом преподавания должен быть педагогический диалог, предполагающий актуализацию жизненного опыта учащихся и преподавателей, персонификацию текстов культуры, выступающих в качестве содержания образования, осознание личностной природы мировоззрения и личной ответственности в исполнении нравственного закона.

Литература:

1. Духовность, художественное творчество, нравственность: «Круглый стол» журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. – 1996. № 2.
2. Духовно-нравственное воспитание: преемственность и развитие: по материалам научно-практического семинара «Государственная политика Российской Федерации по формированию духовных и нравственных ценностей у детей и молодежи»: Сборник статей / Составление и общая редакция – М.Н. Лазутова, Т.И. Петракова. – М.: Импэто, 2004. – 80 с.
3. Захарченко М.В. Традиция в истории: опыт типологической интерпретации. – СПб.: СПбГУПМ, 2002. – 191 с.
4. Петракова Т.И. Духовность и нравственность – базовые характеристики личности // В кн. Духовно-нравственное воспитание... – М.: Импэто, 2004. – С. 21–24.
5. Тростников В. Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты. – Изд. Дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004 – 269 с.
6. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 31–95.
7. Игумен Георгий (Шестун). Православные традиции духовно-нравственного становления личности: Дисс. ... докт. пед. наук. Казань, 2006.
8. Философия для детей / Отв. ред. Н.С. Юлина. – М., 1996. – 241 с.

Н.И. ХЛЕБОВИЧ, аспирант Санкт-Петербургской академии
 постдипломного педагогического образования
 N. Khlebovich, post-graduate student of the St. Petersburg Academy
 postgraduate pedagogical education

Духовно-нравственное развитие учеников на уроках литературы (задачи педагогической герменевтики) Moral and spiritual development of pupils at literature lessons (tasks pedagogical hermeneutics)

Аннотация: *Существующий в школьном образовании подход к изучению языка формирует понимание высказанного (благодаря изучению грамматических форм), он помогает ученику овладеть формой выражения мысли. Сегодня школьный курс родного языка сложился как классический курс изучения форм. Однако доминирование формального подхода в изучении языка создаёт определённую опасность для развития становящейся личности: мы блокируем творческое начало в человеке, которое укоренено в выразительной функции языка, достаточно осмысленной сегодня зарубежной и отечественной философской мыслью, чтобы стать основанием для разработки культуросообразных методик.*

Abstract: *Existing in school education approach to the study of language develops an understanding raised (through the study of grammatical forms), it helps the student to master the form of expression of thought. Today, school course of the native language was developed as the standard course of study forms. However, the dominance of formal approach in language learning creates certain risks for the development of becoming of personality: we block creativity in man, which is rooted in expressive functions of a language sufficiently meaningful today foreign and domestic philosophical thought, to become a basis for the development of cultural practices.*

Ключевые слова: *русский язык, нравственные и культурные ценности, педагогика, школьное образование, рефлексия, опыт, личность, жизненная позиция, онтология, самосознание, нравственность.*

Keywords: *Russian language, moral and cultural values, pedagogy, school education, reflection, experience, personality, attitude, ontology, self-awareness, morality.*

В соответствии с требованиями «Закона об образовании» современный образовательный стандарт, формулируя основные цели изучения родного языка в школе, выдвигает в качестве одной из главных «формирование представления о русском языке как духовной, нравственной и культурной ценности» и водит новый аспект в систему преподавания русского языка как родного – культуроведческий.

Культуроведческая компетенция включает в себя три компонента: духовный, нравственный и культурный. Это означает, что при разработке культуросообразных методик учитель должен от-
 рефлексировать те моменты в пе-

дагогическом процессе, в которых происходит духовное становление познающей личности, формирование его воли, способности к саморазвитию и самоопределению, к постановке целей и самостоятельному ответственному выбору жизненной позиции. Осуществляя в процессе обучения задачу нравственного развития ученика, методист должен сосредоточить свои усилия на создании таких педагогических условий, в которых этические категории будут не только осмысляться учениками как объект интеллектуальной рефлексии, но и переживаться как личный нравственный опыт. Наконец, определяя место культуры в судьбе становящейся личности, мы долж-

ны учитывать, что она (как аккумулярованный опыт поколений) является средством формирования личности; только культура способна к опосредованию осознанных отношений между познающим субъектом и бытием. Язык как способ выражения этих опосредованных отношений должен стать – в соответствии с требованиями образовательного стандарта – главным средством для формирования культуросообразной личности.

Введение категорий культуроведческой компетенции и духовно-нравственного развития в педагогический тезаурус требует рефлексии принципов осмысления языка как объекта школьного изучения. Для этого необходимо

войти в смысловое пространство философии XX века, где язык «оказался тематическим центром всего эпистемологического поля философии, всех её течений»¹. Один из крупнейших её представителей Хайдеггер, наиболее остро отреагировавший драматизм отношений познающего субъекта и бытия, как они складывались в новоевропейском сознании, обращается к самым основаниям европейской метафизики, анализирует их генезис, обнаруживает, раскрывает их существо как логику господствующего субъекта (господства человека над миром).

Разделение субъекта и объекта, категорий сущего и бытия философ рассматривает как проблему, которая определила пафос европейской философии вплоть до XX века. Разрешая её, европейская метафизика приходит к практическому отказу от категории бытия, тем самым как бы устраняя его диктат над человеческой судьбой, и утверждает господствующее положение человека как самодостаточного субъекта в мире. Определяя сущность европейской метафизики, Хайдеггер приводит фрагмент из знаменитого трактата Декарта «Рассуждение о методе», появившегося в 1637 году, где тот утверждает значимость нового истолкования сущего, особенно природы.

«Ибо они (понятия) открыли мне виды на то, что возможно достичь познаний, которые очень полезны для жизни, и что возможно вместо школьной философии, которая только задним числом понятийно расчленяет ранее данную систему, найти такую, которая непосредственно приступает к сущему и наступает на него с тем, чтобы мы добыли знания о силе и действиях огня, воды, воздуха, звезд, небесного свода и всех прочих окружающих нас тел; а именно это

знание (элементарного, стихий) будет таким же точным, как наше знание разнообразных видов деятельности наших ремесленников. Потом мы таким же путём сможем реализовать и применить эти знания для всех назначений, для каких они пригодны, и таким образом эти знания (новые способы представления) сделают нас хозяевами и обладателями природы»².

Комментируя этот основополагающий тезис философии Нового времени, Хайдеггер пишет: «...дело идет о сущностном перемещении всего человечества и его истории из области созерцательной истины веры христианского человека в основанную на субъекте представленности сущего, на основании чего впервые становится возможным новоевропейское господствующее положение человека»³. И ещё: «Внутри истории Нового времени и в качестве истории новоевропейского человечества человек пытается, во всём и всегда опираясь на самого себя, поставить самого себя как средоточие и мерило в господствующее положение, т.е. заниматься самообеспечением»⁴.

Хайдеггер осуществляет реконструкцию историко-философского процесса Нового времени, определяя его как процесс становления логики господства новоевропейского человека.

Первый шаг, который совершает, по Хайдеггеру, новоевропейское самосознание – это «освобождение от обязывающей истины Откровения». Провозглашается идеал автономной личности, которая теперь может утверждать своё господство во всех сферах социальной и индивидуальной жизни субъекта, исходя только из собственного волеизъявления.

В педагогике утверждается тот же пафос господства над человеческой натурой, который побуждает

сосредоточить методические усилия на разработке «высоких технологий развивания».

Хайдеггер принципиально иначе разворачивает проблему отношений субъекта и объекта, бытия и сущности. В его рассуждении присутствует постоянная и по существу единственная мысль о том, «что бы ни понял, что бы ни увидел своим умом, что бы ни открыл, что бы ни изобрёл, чем бы ни был захвачен человек, пространство, в котором он так или иначе ведёт себя в своей истории, устроено не им»⁵. Онтология Хайдеггера побуждает к принципиально иной постановке вопроса о способах познания мира, Хайдеггер заставляет задуматься, «благодаря чему человек вообще видит всё то многое, что он видит» (там же). В свете этой онтологии деятельность человека, в том числе познавательная, перестаёт быть самоценностью. Само понятие образованности обретает тот смысл, который вкладывал в него Гессен, понимавший под образованностью уровень культуры личности.

Есть глубокая закономерность в том, что обращение к языку как фундаментальной возможности ориентирования в мире становится в XX веке ведущей тенденцией в западной европейской философии, в частности, герменевтике, которая противопоставляет картезианскому принципу непосредственной достоверности самосознания философское ПОНИМАНИЕ. Оно, разумеется, как универсальный способ освоения мира человеком, обретения опыта, формирование которого происходит в языке. На первый план выступает не познающий субъект, а бытие в саморазвёртывающейся мысли, которая несёт единую цельность этого «опыта жизни». Отсюда внимание к тексту как преданию, переданному смылосодержанию культур-

¹ Ячин С.Е. Слово и феномен. – М., 2006, с.5.

² Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1983, с. 142.

³ Там же с.141

⁴ Там же с. 120

⁵ Там же с. 6

ной традиции, в которой живёт и постигается (не через понятия, а через цельность понимания традиции (как «вечно обновляющемуся достоянию»)), укореняется человек.

Проблема понимания, заявленная в герменевтике, неразрывно связана с языком в его смысловом аспекте. Понимание представлено герменевтикой как способ существования познающего, действующего и оценивающего человека, оно неотделимо от самопонимания интерпретатора, а следовательно, и от осознания своего места в целом, то есть соотносённости себя как сущего с другими сущими. Это и есть процесс поиска смысла (сути дела).

Хайдеггер даёт слово языку как языку, чтобы понять, как в области языка открывается многосложность элементов и взаимосвязей. «Истина бытия слова в его философии проступает как сказ, то есть такое сущее, которое способно показывать, раскрывать, являть истину бытия (смысл) всякого другого сущего. Современный философ находит коннотацию хайдеггеровскому сказу в русском языке – выражение, передающее единство отношений⁶. В работе «Слово и феномен» С.Е. Ячин предлагает онтологическую модель, в которой присутствуют два описания реальности: как совокупность индивидуальных существований и как целое, в котором каждое сущее отсылает к другому и сообщает о себе другим. Во второй модели сообщение становится способом бытия, а категория выражение может быть представлена как выраженность целостного бытия в целостном мире или отсутствия целостности (понимание отсутствия возможно только, если налицо интуиция бытия целого, целого как идеала. Ключевое понятие здесь – целостность – целостность мира, целостность человека, целостность как

единство истины, добра и красоты).

Последняя дефиниция (выражение) может быть представлена как герменевтический круг понимания, а в приложении к школьной практике – как способ проживания в ориентационно-смысловом поле, где в процессе речевого общения происходит становление познающей личности (духовно-нравственное становление и развитие личности в единстве познания и нравственного самоопределения и эстетического переживания). *Выразительность* в этом смысловом пространстве будет пониматься как выражение смысла в слове, несущем личностное переживание Целого, бытия, через осознание себя в Целом и соотношении с другим сущим. Таким образом, определяющим свойством процесса познания (познание в переживании), происходящего в речевом общении, будет причастность к Целому, или (по Хайдеггеру) событие. В этом и заключается творческая сила выразительности речи: смысл манифестируется в речевом высказывании как ответная реакция на вызов другого, а следовательно, каждая реплика есть акт творения, самоопределения, соотношения себя – с собой, другим, миром – нахождения себя в целом.

Существующий в школьном образовании подход к изучению языка формирует понимание высказанного (благодаря изучению грамматических форм), он помогает ученику овладеть формой выражения мысли. Сегодня школьный курс родного языка сложился как классический курс изучения форм. Однако доминирование формального подхода в изучении языка создаёт определённую опасность для развития становящейся личности: мы блокируем творческое начало в человеке, которое укоренено в выразительной функции языка, достаточно осмысленной сегодня

зарубежной и отечественной философской мыслью, чтобы стать основанием для разработки культуросообразных методик.

Металингвистический подход к изучению языка – со стороны смысла – может стать в соответствии с принципом дополнительности вторым направлением в изучении родного языка, которое позволит ввести ученика в пространство языка как в «царство смыслов». Это требует теоретического и экспериментального обоснования технологий, в которых язык будет представлен в школьном курсе как смысловой феномен. Такой подход должен сосредоточить свои цели и задачи на становлении внутреннего мира личности, которое происходит только во взаимодействии с Другим сущим, а следовательно, речь пойдёт о разработке диалоговых технологий и принципиально иного (не технократического) методического аппарата введения в понятийный аппарат ключевых понятий современной лингвистики: *языковая личность, культурный концепт, концептуальный анализ*, а также основных категорий герменевтики: *понимание, традиция, диалог*.

Философия диалога глубоко разработана в трудах М. Бахтина. Вслед за Хайдеггером он рассматривает диалог как ответственность бытия, явленную в слове. Принципиально важна в работах Бахтина идея о том, что диалогическая природа слова обнаруживается не в парадигме, т.е. системе содержательных форм, а в *тексте*, который синтагматичен и существует в Большом времени (термин М. Бахтина). Слово в тексте – место встречи бытийственного опыта с опытом конкретной личности – событие, которое, по сути, исторично и может состояться только в потоке Большого времени, истории, где встречаются, сталкиваются, споря, через века голоса тех, кто творит тексты.

⁶ Ячин С.Е. Слово и феномен. – М., 2006., с. 15

⁷ Гадамер Г. –Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. с. 252

Та же мысль развивается Г. Гадамером: «...фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать своё слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им – вот в чём душа герменевтики...»⁷.

Язык в рассуждениях Гадамера предстаёт как предвосхищающая истолкованность мира, которая раскрывается с вращением личности в свой родной язык в процессе коммуникации. Эта коммуникация видится им как диалог, в который человек вступает, общаясь с «чужим» текстом в речи, в её длящейся реализации – в ней и проступают её значимые моменты, причём эти моменты постоянно корректируют друг друга, выстраивая языковой контекст. Речь развёртывается в стихии диалога.

«Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения, – писал М. Бахтин. – Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех контекстов, в которые оно входило.

Поэтому-то ориентация слова среди слов, различное ощущение чужого слова и различные способы реагирования на него может быть существеннейшими проблемами металингвистического изучения каждого слова, в том числе и художественного»⁸.

Очевидно, что слово, которое изучается лишь в парадигмах языка и в тексте, изъятом из диалогического общения, оказывается лишённым сферы своей подлин-

ной жизни и выступает со стороны смысла лишь в своём лексическом значении.

Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках глубоко осмыслены в философских трудах М. Бахтина; они могут быть сегодня методологическим основанием для разработки культуросообразных методик в школе.

В его работах гуманитарная мысль, зафиксированная в текстах, представляется как «мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровения) или люди (законы властителей, заповеди предков, безымянные изречения и загадки и т.п.)»⁹. Жизнь этих текстов существует только включённой в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы. Текст в металингвистическом понимании Бахтина – своеобразная монада, отражающая в себе все тексты. Тут Бахтин совпадает с герменевтами – понимание в его интерпретации текста обеспечивается только диалогическими отношениями между текстами и внутри текста – диалогом и диалектикой.

Организация деятельности учащихся как непрерывного речевого общения («текстовой цепи») может стать внутренним основанием для определения содержания программ по гуманитарным дисциплинам в школе и разработке методик его освоения.

Но реальное воплощение их становится возможным лишь при наличии теоретических оснований для разработки диалогических методик. Что может быть импульсом для активного речевого высказывания ученика как субъекта, творца в этой «цепи текстов»?

М. Бахтин называет два момента, определяющих текст как высказывание: его *замысел* (интенция) и *осуществление* этого замысла.

Динамические взаимоотношения этих моментов, их борьба определяет характер текста¹⁰ (1, с. 298).

Смысл текста (его замысел) – глубоко индивидуален; эта индивидуальность определяется тем, что имеет отношение к *истине, добру и правде, красоте, истории*. Она раскрывается в речевом общении, цепи текстов, где событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. Всякий подлинно творческий голос может быть только *вторым* голосом в слове. *Выразить себя – значит сделать себя объектом для другого и для самого себя – это первая ступень объективации. Вторая ступень – выражение своего отношения к себе как объекту*»¹¹.

Здесь речь идёт о принципиальной ответственности понимания, которая присутствует в речевом высказывании.

Во всяком тексте, – продолжает мысль философ, – есть данное и созданное в речевом высказывании. «Высказывание никогда не является только отражением или выражением чего-то вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создаёт нечто до него никогда не бывшее (так происходит приращение смысла), абсолютно новое, неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (истине, добру, красоте). Но нечто созданное всегда создаётся из чего-то данного (язык, наблюдаемое явление действительности, пережитое чувство, сам говорящий субъект, готовое в его мировоззрении и т.п.)»¹².

Для того чтобы преодолеть монологизм гуманитарного мышления, на котором продолжает строиться в школе гуманитарное знание, нужно активно использовать это «данное», включая его в концептуальный диалог с «чужими» текстами в виде собственных

⁸ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986., с.232

⁹ Там же с. 297

¹⁰ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986., с. 298

¹¹ Там же, с.299

¹² Там же, с.299

речевых высказываний учеников.

В этом диалоге ломается, как сказал бы Гадамер, «окаменелость» так называемых химически чистых понятий и возникает понимание.

Важно не забыть об условии для возникновения индивидуального текста в цепи текстов культуры: *его индивидуальность определяется замыслом (смыслом), который имеет отношение к истине, добру и красоте*. Тексты, дающие импульс для собственно замысла ученика, должны быть не просто образной манифестацией представлений автора об этих этических категориях, а заряжены сами энергией вопрошаний, их смысловое поле должны пересекать диалогические рубежи, на границах которых существуют главные смыслы текста. Они выступают как символы, нуждающиеся в бесконечном многомерном творческом толковании.

Еще одно из условий диалога в качестве импульса для методических поисков: «Слово – это диалог, в котором участвует три персонажа. Текст в диалоге составляет живое триединство *предмет – отношение к предмету – отношение к говорящему о предмете*. Все они составляют целое высказывание, имеющее целостный смысл и требующее ответного понимания. Всякое высказывание имеет *адресата*»¹³.

Наконец, последнее существенное замечание Бахтина о природе речевого высказывания: «Кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает *высшего нададресата (третьего)*, абсолютно справедливое ответное понимание которого либо в метафизической дали, либо в далёком историческом времени (лазеечный адресат). В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное

ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.)»¹⁴. И задача учителя – обеспечить диалог такими текстами, которые могли бы обозначать культурное пространство, где автор (ученик, писатель) ведёт диалог с этим «третьим». Это могут быть и художественные тексты, и философская рефлексия, и научный текст, и Священное писание...

Направить усилия ученика на обнаружение этого «третьего», благодаря которому очерчивается смысловое поле культуры, – задача культуросообразных методик.

Смысловой подход к изучению языка в школе, опирающийся на металингвистическое понимание природы слова, позволяет моделировать пространство урока как полифоническое пространство культуры.

Подход со стороны смысла к изучению языка определяет и иную методическую единицу, организующую содержание – концепт. Концепты как «культурные темы» (термин академика Ю.С. Степанова) в языке или «свёрнутые тексты» (Л.Н. Мурзин) могут на уроках русского языка и литературы стать предметом специального осмысления как категории национальной культуры. (Одно из рабочих определений термина «концепт» – базовой единицы в культуросообразных методиках – предложен Н.Л. Мишатиной, преподавателем РГПУ им. А.И. Герцена: «Национальный концепт – это словесно выраженная содержательная единица сознания, которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изме-

няется вместе с развитием языка и культуры»)¹⁵.

Выстраивая лингвокультурологический сценарий, следует иметь в виду прежде всего культуросохраняющие свойства слова-символа (одной из ипостасей концепта), на котором настаивает Ю.М. Лотман: в каждом новом тексте символ становится, с одной стороны, «посланцем других культур, как напоминание о древних (вечных) основах культуры. С другой стороны, он трансформируется под влиянием нового культурного контекста и сам его трансформирует»¹⁶.

Задачей диалогических методик, таким образом, становится приобщение учеников к «вечным» смыслам символов через проживание их трансформаций в различных культурных контекстах. Этот процесс можно охарактеризовать как формирование культурной памяти или «воли к культуре» (Н. Бердяев). Обращение к символам в образцовых текстах, которые предлагаются ученикам, сопряжение символического содержания концептов в различных культурных контекстах помогает юным читателям осознать символы как «направляющий культуру идеал»¹⁷, услышать пульсацию культурного смысла.

Выстраивая лингвокультурологический сценарий, необходимо решить следующие методические задачи:

1. *Выявление «базовых» концептов русской культуры*, которые могут стать «культурными темами», определяющими содержание курса литературы как одного из предметов в ряду «наук о духовной жизни народа» (Гадамер).

Опыт показывает, что глубокое проживание учениками трёх–четырёх «культурных тем», например, таких как «человек», «добро», «зло», «совесть», «свобода», в их

¹³ Там же, с.323

¹⁴ Там же, с.323

¹⁵ Мишатиная Н.Л. Диалог с культурными концептами в 5-11 классах (русский язык, литература, развитие речи). Учебно-методическое пособие. (Серия «Образ человека, в Слове явленный»). - СПб.: Изд-во «САГА» - «Наука», 2004. - 11 стр.

¹⁶ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. - Таллин, «Александрия», 1992., с.193.

¹⁷ Колесов В.В. Философия русского слова. - СПб., 2002., с. 164.

трансформациях на различных этапах развития культуры неизбежно «втягивает» в смысловое поле и другие, значимые для самосознания себя в культуре категории. Важно, чтобы они стали смысловыми векторами, направляющими мысль участников диалога. Концепты «человек», «совесть», «свобода», «добро», «зло» не случайно выделены нами. Помимо того, что они в наибольшей степени разработаны русским культурным сознанием, они в первую очередь отражают «участие слова в образовании последовательного рода систем, обнимающих отношение личности к природе»¹⁸. С другой стороны, своей значимостью они удовлетворяют запрос становящейся личности на протяжении двух периодов формирования ученика: 7-8 классы – стадии нравственного самосовершенствования и 9-11 классы – эпохи познания связей, осознания причин и следствий (В.Г. Маранцман).

II. Вторая стратегическая задача учителя, подступающего к разработке культуросообразных методик, – это *отбор образцовых текстов* (помимо изучаемых на уроке литературы программных произведений), которые обеспечили бы напряжённый диалог, побуждающий учеников к лич-

ностному участию в нём; с другой стороны, это должны быть тексты, которые помогли бы увидеть развитие концепта в историческом времени, где иерархия смыслов выстраивается каждый раз по-новому. Наконец, это должны быть такие тексты, которые заряжали бы ученика энергией поиска глубины, того конститутивно авторитетного начала, которое обращено к ТРЕТЬЕМУ, высшей инстанции для ищущего.

Отбирая тексты, мы должны помнить, что их содержание помогает увидеть и «вечные» основы культуры, и их трансформации. Наиболее значимыми в их ряду могут стать такие, в которых национальные символы отражают *смены культурных парадигм*.

Осмысление базовых концептов культуры, отрефлексированных в художественном тексте как некий этап в культурном опыте народа, поможет учащимся увидеть место этого опыта в культуре, осознать драматизм его становления, принять и пережить как часть своего личного опыта. Слово-концепт, проживаемое в точно выверенном лингвокультурологическом сценарии, который моделирует полифоническое пространство культуры, становится саморазвивающейся

дидактической единицей, говоря образным языком Хайдеггера, «бороздой мысли», проходя которую человек становится «во всех отношениях духовным» (Гадамер).

Духовность как принципиальная адогматичность, открытость опыту другого в этом полифоническом пространстве вовсе не тождественна нравственному релятивизму, напротив, она предполагает навык вслушивания в то, что проговаривается языком как совместно пережитый опыт традиции. Диалог, по Хайдеггеру, и есть вслушивание в бытие, послушание как способ передачи ценностей и смыслов традиции. Подчеркнём, что традиция – не только передача *умения воспринимать* произведения культуры, но и *творческих принципов их созидания*.

Главный педагогический эффект концептуального переживания национальных категорий культуры можно определить, таким образом, как процесс соотнесения духовно-нравственного опыта становящейся личности ученика с опытом культуры, его включение в традицию. В этом контексте понятие *выразительности* речи обретает значение *выражения своей нравственной позиции и является актом созидания*.

¹⁸ Потехня А. Слово и миф. Электронное издание http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/sl_mif.php

А.Д. КУЛИКОВ, кандидат экономических наук,
Северо-Западная академия государственной службы, г. Санкт-Петербург

М.В. СТЕПАНОВА, заместитель генерального директора
по культуре и инновациям ОАО «Сибэкспоцентр», г. Иркутск

A. Kulikov, candidate of economic Sciences,
North-Western Academy of state service, Saint Petersburg

M. Stepanova, Deputy General Director for culture and innovation ОАО «Sibexpocenter» in Irkutsk

Инновационные стратегии развития региональной выставочной деятельности Innovation development strategy regional exhibition activities

Аннотация: Выход из глобального экономического кризиса требует от России и его регионов поиска новых эндогенных факторов, имеющих высокую экономическую эффективность. Стабилизация экономики Российской Федерации, необходимость стимулирования положительных структурных изменений в пользу наукоёмких и высокотехнологических производств ставят новые задачи по продвижению отечественных технологий, товаров и услуг на внутренний и внешний рынки. Как показывает мировая практика, одним из наиболее эффективных методов решения вышеизложенных проблем является выставочная индустрия.

Abstract: the recovery from the global economic crisis calls on Russia and its regions search for new endogenous factors of high economic efficiency. Stabilization of economy of the Russian Federation, the need to promote the positive structural changes in favour of science-intensive and high-tech industries pose new challenges for the promotion of Russian technologies, goods and services on the domestic and foreign markets. As world practice shows, one of the most effective methods of solution of the above problems is the exhibition industry

Ключевые слова: инвестиции, внешнеэкономическая политика, национальное хозяйство, выставочная деятельность, бизнес-процессы, реинжиниринг, Всемирная ассоциация выставочной индустрии (UFI), Российский Союз выставок и ярмарок (РСВЯ), Торгово-промышленная палата РФ, стратегия, геополитические тенденции.

Key words: investment, foreign economic policy, national economy, exhibition business, business processes reengineering, the global Association of the exhibition industry (UFI), Russian Union of exhibitions and fairs (RUEF), chamber of Commerce and industry of the Russian Federation, strategy, geopolitical trends.

Актуальность проблематики связана с тем, что в качестве важнейшего инструмента инновационной, инвестиционной, промышленной и внешнеэкономической политики страны выставочная индустрия становится сегодня сегментом национального хозяйства, способствующим привлечению иностранных инвестиций и продвигающим ключевые отрасли на мировой рынок. И, как следствие, развитие страны напрямую зависит от того, насколько и в каком направлении развивается выставочная деятельность, в том числе и в регионах.

Мировой кризис, тенденции развития и перераспределения рынка выставочных услуг, обострившаяся конкуренция, начало освоения международными и московскими компаниями регионального выставочного рынка Сибири подтолкнуло к идее реинжиниринга, описанной и систематизированной ещё в 80-е годы прошлого века М. Хаммером и Дж. Чампи. «Концепция реинжиниринга подходила своему времени... Это было время решительных мер, засилья специалистов по поглощениям с Уолл-стрит, время безжалостных увольнений и реинжиниринга...» [3, 16]

В статье поставлена следующая цель: выявить основные проблемы и современные тенденции развития выставочно-конгрессной деятельности в России и Сибирском федеральном округе, а также найти пути коренного улучшения работы конкретной выставочной структуры в Иркутской области. На основе различных моделей реинжиниринга, предложенных российскими авторами, обосновывается выбор оптимальной модели для ОАО «Сибэкспоцентр». Для анализа текущей ситуации были использованы системный и процессный подходы, отрасле-

вой и конкурентный анализ М. Портера, SWOT-анализ, бенчмаркинг выставочной деятельности. Информационным обеспечением выступили статистические, исследовательские, методические материалы и нормативно-правовая база Всемирной ассоциации выставочной индустрии (UFI), Российского Союза выставок и ярмарок (РСВЯ), Торгово-промышленной палаты РФ, Гильдии выставочно-ярмарочных организаций Московской ТПП. Для обзора социально-экономической ситуации в регионах Сибири и Дальнего Востока использовались материалы Байкальского и Красноярского экономических форумов 2006–2012 годов.

Основные концепции улучшения бизнес-процессов

История реинжиниринга тесно связана с концепциями улучшения бизнес-процессов, сформировавшихся с 60-х годов XX века по настоящее время. Среди них особое место занимают принципы качества Э. Деминга и сходные идеи других выдающихся представителей новой волны (Джурана, Фейгенбаума). Они основывались на методах управления на основе качества, убедительно продемонстрировавших свою эффективность в Японии, где концепция получила название «кайзен». [См.: 1]

В США первая волна программ по улучшению качества началась в 80-х годах и была сфокусирована на «нулевом уровне дефектов». Вторая волна началась на пороге XXI века и продолжается до сих пор. Новая методология улучшения бизнес-процессов (Дж. Харрингтон) основывается на четырёх различных подходах: методике быстрого анализа решения (FAST); бенчмаркинге процесса; перепроектировании процесса; реинжиниринге процесса. [См.: 4]

В России, как и во всём мире, проблема выбора подхода к реорганизации выставочно-конгрессной деятельности в сегодняшней си-

туации приобретает особую актуальность. И метод реинжиниринга представляется наиболее эффективным.

Реинжиниринг бизнес-процессов (РБП)

Как методическое направление, РБП изучает вопросы процессной организации систем управления и решения по их построению. Это – наиболее радикальный из всех четырёх подходов к улучшению бизнес-процессов. Его часто называют «инновацией процесса». Впервые термин РБП был введён М. Хаммером – родителем первого, «традиционного» подхода к РБП, который предполагает создание новых бизнес-процессов (БП) «с чистого листа».

Второй подход РБП появился в результате анализа критических замечаний в адрес метода «чистого листа». Его автором считается Т. Дэйвенпорт, который предлагал: прежде чем приступить к проектированию новых БП, изучить и отчётливо представить себе существующие БП. [См.: 1]

Главная цель РБП – резкое ускорение реакции предприятия на изменения (или их прогноз) в требованиях потребителей при многократном снижении всех затрат. Выделяют четыре основные черты реинжиниринга:

- 1) ориентация на процессы; процесс рассматривается в целом;
- 2) большие амбиции проекта – коренной перелом (улучшения до 80%);
- 3) слом старых правил, старых традиций, специализаций и норм;
- 4) творческое использование ИТ новыми изменившимися методами.

Российские авторы предлагают три подхода в реинжиниринге:

1. «Zero-approach» – разработка бизнес-модели «с чистого листа».
2. «Подход на основе решений» – построение бизнес-модели на основе моделирования системы принимаемых управленческих решений с последующим её совер-

шением и построением новых бизнес-процессов.

3. «Детальный анализ» – детальное описание и всесторонний анализ ключевых аспектов и на их основе дальнейшее построение бизнес-модели.

Под бизнес-моделью (процессной моделью организации) следует понимать формализованное описание системы БП организации в целом. [См.: 1]

Характеристика выставочной отрасли России

Российский выставочный рынок рассматривается исследователями Всемирной ассоциации выставочной индустрии как наиболее динамичный и перспективный. Москва становится важным игроком на выставочной карте мира и центром притяжения деловых, политических, финансовых кругов. Выставочно-ярмарочная (выставочно-конгрессная) деятельность включена в 2007 году в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (код 74.87.5). Организацией и проведением выставок в России занимаются 272 компании. Выставочная индустрия сегодня – это 1 тыс. 146 выставок/ярмарок; 721 мероприятие конгрессного типа и 4 тыс. 113 мероприятий, сопровождающих выставочные проекты; 126 тыс. 006 отечественных и иностранных экспонентов; 8,2 млн. посетителей. Годовой оборот от выставочно-ярмарочной деятельности в 2007 году составил более 13 млрд. руб. [См.: 9]

Согласно стратегии долгосрочного развития экономики: Россия к 2020 году должна войти в число пяти ведущих в экономическом плане стран мира. И задача «выставочников» – обеспечить соответствующее развитие выставочной инфраструктуры. По итогам 2007 года «Крокус Экспо», а благодаря ему, и Москва вошли в список крупнейших выставочных центров мира. [См.: 5]

Исторически сложилось так, что крупнейшие московские выставки

охватывают весь экономический рынок России. С ними могут сравниться лишь отдельные мероприятия в Санкт-Петербурге и регионах. Однако огромная по площади территория Сибири и Дальнего Востока располагает девятью профессиональными выставочными центрами: Новосибирск – ITE Сибирская ярмарка, Красноярск – Красноярская ярмарка, Омск – Интерсиб, Барнаул – Алтайская ярмарка, Новокузнецк – Кузбасская ярмарка, Иркутск – Сибэкспоцентр, Чита – ТВЦ Забайкальский, Благовещенск – Амурская ярмарка, Владивосток – Дальэкспоцентр. [См.: 10]

Каждый из этих выставочных комплексов работает, прежде всего, на свой региональный рынок. Наиболее крупные выставки претендуют на межрегиональный, реже, национальный уровень. По показателям региональных организаторов с наибольшим числом экспонентов в 2007 году выделялись: Сибирская ярмарка – 6671 фирма; Красноярская ярмарка – 789 фирм; Сибэкспоцентр – 334 фирмы. Динамика выставочной площади нетто (кв. м) и общего числа экспонентов (отечественный и иностранных) в 2004–2007 годах по Сибирскому федеральному округу была отрицательной на всём отрезке времени при относительно неизменном количестве выставок. В 2007 году в СФО наблюдалось значительное снижение участия иностранных фирм – 43%. Наибольший интерес стран отмечено на выставках в Новосибирске – 37 стран.

На этом фоне дефицит качественных выставочных площадей в регионах остаётся повсеместным явлением. Специализированные выставочные площади имеют: Иркутск (4,5 тыс. кв. м), Красноярск (10,5 тыс. кв. м) и Чита (3,3 тыс. кв. м).

В апреле 2008 года состоялась продажа Сибирской ярмарки международной компании ITE, являющейся лидером российского выставочного бизнеса, основной объём акций которой размещён на Лондонской фондовой бирже.

Компанией было принято решение о вхождении в региональный бизнес путём непосредственной покупки брендов. Планируется ввести в эксплуатацию новый выставочный комплекс (20 тыс. кв. м) и через два года выйти на уровень выставочного проекта, конкурирующего с Санкт-Петербургом и Москвой. В широком смысле ITE – это гарантия точного соблюдения международных стандартов и высочайшего класса организации выставок.

Ближайший конкурент ITE – Красноярская ярмарка, с новым выставочным комплексом «Сибирь», мощным промышленным потенциалом края и брендом Красноярского экономического форума, где собственно активно и обсуждается и формируется стратегия развития Сибири и Дальнего Востока.

Для выставочной отрасли в стране можно выделить следующие особенности текущего периода и основные тенденции развития:

- происходит преобразование выставочного рынка в сторону его глобализации, выделяются крупные отраслевые и сфокусированные на конкретные сегменты рынка выставки;

- изменяется философия формирования выставочных проектов, которые сегодня не ограничиваются только экспозиционной составляющей, дополняясь обширной деловой программой (форумы, отраслевые недели и др.); наметились тенденции сближения с event маркетингом;

- реалиями становятся перепродажи перспективных брендов слабыми операторами более мощным, формирование выставочных холдингов;

- происходит освоение региональных выставочных рынков крупными операторами.

Исходя из названных тенденций, можно сформулировать следующие основные задачи, стоящие перед выставочными структурами:

- формирование новой парадигмы системы управления про-

цессами в выставочной индустрии; разработка научно обоснованных путей и направлений рационального использования механизма управления; методическое обеспечение подготовки и реализации выставочных проектов;

- формирование многоуровневой системы подготовки и повышения квалификации кадров для выставочной отрасли;

- развитие конгрессной индустрии;

- создание современных (обновление действующих) выставочных комплексов не только в центре, но и в регионах. [6]

Общая характеристика предприятия ОАО «Сибэкспоцентр»

Исторически Иркутск всегда был городом торговым, купеческим. Еще в 1768 году высочайшим указом здесь была учреждена Иркутская ярмарка. Новый старт ей был дан в 1991 году. С этого момента началось современное выставочно-ярмарочное движение в регионе.

Сибэкспоцентр – первая специализированная выставочная площадка за Уралом. С 1997 года Иркутская область располагает тремя павильонами (4 тыс. 500 кв. м) и открытой выставочной территорией (3 тыс. 400 кв. м). Акционерами Сибэкспоцентра являются: ЗАО «Труд» – 41,6%, администрация города Иркутска – 37,6%, администрация Иркутской области – 16,7%. Основной вид деятельности общества – подготовка и проведение выставок, ярмарок, презентаций, форумов и других межрегиональных и международных коммерческих и некоммерческих мероприятий.

Сибэкспоцентр – член РСВЯ с 1992 г. и член ТПП Восточной Сибири. Задачей деятельности общества является получение прибыли путём увеличения объёма продаж и снижения затрат на производство, содействие социально-экономическому развитию всего

региона и города Иркутска. Участниками выставочно-конгрессных мероприятий Сибэкспоцентра в разные годы стали фирмы и компании многих регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Все годы постоянно осуществляется содержательная выездная программа экспозиций Приангарья в Германии, Австрия, Франция, Англии, Южной Кореи, Китая, Японии и др. Основной рынок сбыта услуг – Иркутская область.

Общая стоимость основных средств на конец 2011 года составила 18,8 млн. руб. Расчёт ряда абсолютных и относительных показателей показывает, что у общества относительно устойчивое финансовое состояние. По итогам деятельности в 2011 году получена валовая и чистая прибыль. Рентабельность составила 7,2 % (2005 – 4,87%, 2006 – 6,89%) и достигла уровня ведущих выставочных центров России. [7]

Для оценки макросреды Сибэкспоцентра необходимо обратиться в целом к проблемам и тенденциям социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока, на территорию которых приходится почти 66% нашей страны, а проживает лишь 18% населения. Плотность населения в 11 раз меньше, чем в европейской части России. Всё это создаёт проблемы, о которых ещё 100 лет назад П.А. Столыпин сказал: «Оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя оградить каменной стеной. Восток проснулся, господа, если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путём мирного проникновения, другие». [10]

Начало XXI века ознаменовалось переходом к новому мировому экономическому и политическому порядку. Формируются системы новых центров силы. Поскольку Азия бросила нам максимально сильный вызов, реализацию курса страны на возврат лидерства можно и нужно начать на Востоке, ...

необходима реализация проекта новой индустриализации Востока, ... превосходящей по масштабам советскую индустриализацию.

Инвестиции в Сибирь и Дальний Восток предусматривают 230 миллиардов долларов до 2015 года. Потенциальными лидерами являются Красноярский край, Иркутская область, Сахалин, Якутия. Европейцы охотно вкладывают деньги только в нефть и газ. Между тем быстрорастущие страны Юго-Восточной Азии проявляют большую гибкость. Они готовы инвестировать в самые разнообразные проекты – от строительства торгово-офисных центров до освоения действительно крупных месторождений полезных ископаемых... «Россия не может и дальше игнорировать растущее экономическое и миграционное давление на территорию Сибири и Дальнего Востока. Это процесс объективный, поэтому простыми запретительными мерами эту тенденцию не преодолеть». [8]

Для определения перспектив Сибэкспоцентра был проведён отраслевой и конкурентный анализ, составлен «портрет отрасли». С помощью схемы М. Портера проанализированы конкурентные силы, действующие на фирму. [2] Выявлены следующие принципиальные моменты:

1. Для Иркутска существует риск входа потенциальных конкурентов.

2. Основная конкуренция развернётся между сибирскими «выставочниками» в ближайшие 2–3 года. В ситуации спада конкуренция особенно растёт. Если высоки барьеры выхода, прибыль падает, поэтому существенна опасность ценовой войны.

3. Назрел вопрос об оценке эффективности участия в выставках, как маркетинговом инструменте. Здесь иркутские выставки проигрывают конкурентам, так как не проходят выставочного аудита, не имеют достоверной статистики, ими потеряны знаки РСВЯ.

4. Давление со стороны поставщиков для выставочной индустрии

не самый актуальный вопрос, хотя в условиях кризиса могут возникать проблемы на рекламном и полиграфическом рынках.

5. Имеют место заменяющие продукты – «выставки-близнецы».

Оценка конкурентных позиций и возможных действий соперничающих компаний была проведена для Красноярской ярмарки и ITE Сибирская ярмарка. Их стратегическое поведение можно констатировать, как нападение; избранную стратегию, как «фокусирование на рыночных нишах» для Красноярска, и «преследование, основанное на дифференциации: по качеству, сервису, технологии, услугам, имиджу» – для Новосибирска.

Ключевые факторы успеха (КФУ) для Сибэкспоцентра – главные определители финансового и конкурентного успеха – рассмотрены в разрезе SWOT анализа (по состоянию на весну 2012 года).

Преимущества: у Сибэкспоцентра достаточно площадей для масштабных выставок, есть возможность экономить на издержках; большой опыт и квалификация старейшей части команды, наработанная клиентская база, благоприятный имидж и репутация, лояльность к бренду. Преимущество, которое может стать ключевым, – географическая близость к уникальному озеру Байкал.

Недостатки: отсутствие маркетингового анализа выставочного рынка и внятной стратегии развития. Отсутствует достоверная статистика, выставочный аудит, потеряны знаки РСВЯ. Недостаточно количество парковочных мест, плохая организация питания на выставках. Недостаток и моральное устаревание выставочного оборудования.

Возможности: начало активного инвестиционного процесса в регионах Сибири и Дальнего Востока, бурно развивающийся рынок стран АТР, возможность слияний и стратегических объединений, новые сегменты рынка.

Угрозы: неэффективная кадровая политика нынешнего руко-

водства – квалификацию нового персонала Сибэкспоцентра можно отнести к угрозам, способным уничтожить наработанный за 23 года имидж организации. Угрозу представляет появление более сильного конкурента в лице ITE Сибирская ярмарка, успехи Красноярской ярмарки и расширение ТВЦ Забайкальский (г. Чита).

Анализ финансово-хозяйственной деятельности Сибэкспоцентра

В январе 2012 года инициативной группой менеджеров среднего звена был проведён FAST-анализ динамики основных бизнес-процессов (БП) ОАО «Сибэкспоцентр» за период 2009–2011 годов. Были выделены основные БП: выставки; пассаж (постоянно действующая торговля); бар; выездные и заказные мероприятия (указаны как прочие доходы). Анализ динамики доходности основных БП и финансово-бухгалтерской отчетности за 2009–2011 годы показал, что текущее финансовое положение Сибэкспоцентра можно было оценить как стабильное. Выставки оставались главным и перспективным источником дохода. [8]

Однако при общем благополучном положении дел выявлен ряд проблем:

Выставочный комплекс не работает на полную мощность. Главный павильон занимает пассаж (торговля промышленными товарами), каждый метр которого в год приносит доход в 6,5 раз меньший, чем метр выставки. Дальнейшее неэффективное использование одного из основных ресурсов – площади – не по прямому назначению являлось прямым убытком.

Бар, как и выставки, за три года показал хорошую динамику доходов. Проблемой оставалось качество. Отсутствие качественной линии фаст-фуда – одна из главных претензий экспонентов.

Прочие доходы – доходы от «выездных мероприятий» и «прочих внеплановых услуг». Их динамика

показывала большой разброс. Это связано с неопределённостью и зависимостью от программы выездных мероприятий, утверждаемой администрациями Иркутской области и г. Иркутска.

Общим итогом работы собственно выставочного комплекса (внутренние источники: выставки + бар + пассаж) за последние годы стала практически нулевая прибыльность. Реальная прибыль получалась только за счёт «выездных мероприятий» и «прочих внеплановых услуг». С учётом сказанного была поставлена цель повышения качества предоставляемых услуг и увеличения доходности внутренних источников на 15%.

В итоге было подготовлено проектное предложение из двух вариантов и подсчитан уровень доходов по основным бизнес-процессам.

Вариант 1. Развитие комплекса по принципу «как есть».

Первый сценарий предполагал оставить всё без изменения. В этом случае уже через год при вёрстке доходной части дефицит плановой доходной части бюджета без «выездных мероприятий» составил около 10 млн. рублей.

Вариант 2. Развитие комплекса по прямому назначению.

Полномасштабная специализация Сибэкспоцентра на собственно выставочно-конгрессной деятельности. Сценарий предполагал незамедлительно приступить к необходимым преобразованиям в два этапа.

Первый этап рассчитан на краткосрочную перспективу с использованием внутренних резервов и кредитных средств.

Второй этап – на долгосрочную перспективу – связан с изменением стратегии и позиционирования выставочного комплекса и зависит непосредственно от акционеров ОАО «Сибэкспоцентр».

Бал составлен конкретный план работ 1-ого этапа с указанием сроков. Были подсчитаны расходы по реконструкции первого павильона и доходы после реконструкции с учетом предполагаемых источни-

ков покрытия расходов. Дефицит бюджета составил 3 млн. 900 тыс. руб. Окупаемость проекта – 2 года. Важный вывод: практически весь необходимый ресурс находился в распоряжении Сибэкспоцентра и не зависел от внешних обстоятельств.

Поэтому для выбора оптимальной модели реинжиниринга был необходим анализ не только положительных результатов, но и упущенных возможностей. На фоне общих неблагоприятных обстоятельств в Сибэкспоцентре – увольнения сотрудников, инициировавших проект; смены генерального директора (человек со стороны); смены губернатора (администрация Иркутской области один из акционеров); только частичной реализации с нарушениями сроков и соответствия с планом; и наконец, в условиях мирового финансово-экономического кризиса, вызвавшего спад выставочной деятельности, – в целом доходы от реализации проекта вышли на запланированный уровень с перераспределением по процессам.

Однако достигнутый результат нельзя считать по-настоящему удовлетворительным по ряду причин.

1. Ликвидация пассажа высвободила дополнительно две с лишним тысячи кв. м выставочных площадей брутто. Проведённая на два месяца позже она не дала полномасштабно провести самые крупные выставки весеннего сезона, доход от которых частично должен был покрыть убытки от ликвидации пассажа.

Из-за начавшегося управленческого кризиса внутри предприятия были упущены конкурентные преимущества Сибэкспоцентра, как возможного оператора Байкальского экономического форума. Подготовленный проект и смета реализации различных форматов проведения форума на площадке Сибэкспоцентра были в итоге востребованы лишь частично, с большой потерей выгоды. Основной объём работ, в том числе проектных, дизайнерских, организа-

ционных, был отдан оператору форума. Сибэкспоцентр лишь сдал в аренду свои площади. При этом надо понимать, что в сложившихся условиях смены власти потенциал коллектива не был задействован полностью. Пассивная позиция обошлась примерно в 10 млн. руб. упущенной выгоды.

2. Проект выявил большие внутренние резервы, связанные с реализацией заказных и выездных мероприятий. В чётные годы: 2000, 2002 и 2004 – годы Байкальских экономических форумов (БЭФ), Сибэкспоцентр был оператором и получал дополнительно доход. Эти мероприятия в комплекс «приходили сами». В 2006 году Сибэкспоцентр готовил только выставку, потеряв операторство БЭФа. Была проведена большая предварительная работа. Показатели выставки превысили все ведущие выставки. Опыт 2006 года показал, что в этом направлении можно и нужно двигаться дальше. В 2010 году доход от выездных мероприятий составил уже почти 45% от доходов основного вида деятельности – выставок, проводимых на территории комплекса. Можно сделать вывод о больших перспективах этого направления, о необходимости изменения в организации и управлении этим процессом.

Тем не менее, «подход детального анализа» не дал ответы на ряд принципиальных вопросов. Улучшение бизнес-процессов и организационной структуры не решило проблему позиционирования комплекса на рынке выставочно-конгрессных услуг в целом. Сибэкспоцентром упущены передовые позиции, которые он занимал в 90-е годы. Выставочный комплекс «Сибирь» в Красноярске по качеству инфраструктуры и площадям в два с лишним раза превосходит Сибэкспоцентр. Кроме того, в Новосибирск пришли две крупнейшие выставочные компании – Крокус Интернэшнл и международная ITE Group.

Приведённые выше обзоры проблем и тенденций развития выста-

вочной деятельности, с одной стороны, и социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока, с другой, говорят о необходимости кардинального пересмотра Сибэкспоцентром своей стратегии развития и миссии. На сегодняшний день основным рынком сбыта услуг Сибэкспоцентра является Иркутская область. Это благородная и достойная цель. Однако геополитические и экономические тенденции говорят о скором приходе в регионы Сибири и Дальнего Востока многомиллиардных инвестиций, связанных, прежде всего, с освоением и переработкой богатейших ресурсов. В то же время спрогнозировано сокращение численности населения СФО с 22 млн. человек в 1991 году к 17,6 млн. в 2015-м. Растёт экономическое и миграционное давление со стороны ближайших соседей по АТР.

Перспективы делового туризма на Байкале и само уникальное озеро, с пятой частью мировых запасов чистой пресной воды, как стратегическое конкурентное преимущество может и должно вывести Иркутск на рынок выставочно-конгрессных услуг и event-маркетинга с предложением международного класса. Этому способствуют благоприятно складывающиеся геополитические и экономические тенденции.

Однако для реализации проекта такого масштаба бизнес реинжиниринга компании и строительства второй очереди Сибэкспоцентра мало. Строительство не решит и проблему парковки. Генплан местности показывает, что перспектив развития у площадки нет. То, что могло сложиться в неплохой деловой центр по старым меркам, сегодня морально устарело, не начав строиться. Можно предположить, что при фактически убыточной работе и сведении концов с концами найти инвестора на модернизацию бесперспективной площадки вряд ли будет возможным. 8 лет существования проекта и отсутствие реального инвестора – лучшее

тому подтверждение. И главное – это отсутствие стратегии развития комплекса. Для организации сферы услуг, коей является выставочный комплекс, местоположение производственных сооружений служит определяющим для успеха фирмы. Игнорировать озеро, как одно из самых сильных преимуществ, большая ошибка. Причём стратегическая.

Для Иркутска речь может идти о совместном международном проекте с инвесторами в странах АТР (прежде всего, Южная Корея и Китай) и стратегическим партнёрством с одним из лидеров выставочной индустрии, заинтересованным в Сибирском регионе. Только такой комплексный подход принесёт международные стандарты и позволит создать новую нишу на выставочном рынке, упредив неизбежный миграционный поток и формирование спроса со стороны будущих потребителей из стран АТР. Роль выставочного комплекса в таком случае может стать для города и области чрезвычайно значимой.

Судьба выставочного комплекса зависит от желания, понимания и стратегического видения акционеров. А для решения требуется политическая воля для инициации проекта, экономическое и стратегическое чутьё для правильного выбора партнёров и административный ресурс для решения о выделении соответствующих площадей в направлении «Байкальского луча». Так что в любом случае вопросы стратегического реинжиниринга лежат в плоскости решений уже не самой команды Сибэкспоцентра, а его акционеров, и речь идёт о «Zero-approach» – подходе «с чистого листа». Именно такой радикальный подход позволит построить подлинно инновационную модель выставочного комплекса, которая будет соответствовать не сегодняшним, а завтрашним требованиям рынка.

Поскольку построение новой бизнес-модели – это объёмная и, безусловно, командная работа, то

в статье были представлены лишь обоснования реинжиниринга, как подхода, и правомерность и перспективность подхода «с чистого листа».

Анализ реализации первого этапа проекта позволил проанализировать ряд проблем, которые не были учтены в практической реализации. Принципиально важным является инициирование процесса реинжиниринга сверху. Если руководство не разделяет этих взглядов и не является инициатором этого процесса, находясь в предпенсион-

ном и пенсионном возрасте, то попытка реинжиниринга может быть обречена на провал, так как велико сопротивление персонала, особенно за счёт отказа первого лица от инициирования изменений. Проведение реинжиниринга создаёт напряжение в компании, и затягивать этот процесс весьма опасно. 12 месяцев – достаточно, чтобы компания прошла путь от концепции, инициации и декларирования идей до завершения первой действующей версии реконструированных процессов.

Тем не менее, как показывает мировой опыт, компания, руководители которой понимают основы реинжиниринга, имеет практически стопроцентный шанс добиться успеха. И выигрыш от успешного осуществления реинжиниринга – это не только ярчайшее событие в жизни компании, но и значимое событие для страны, если учитывать огромное влияние, которое оказывает экономика Иркутска и Сибирского федерального округа на экономическую жизнь России.

Литература:

1. Абдикеев Н.М и др. Реинжиниринг бизнес-процессов: Учебник. – М.: Эксмо, 2010.
2. Портер Е. Майкл. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
3. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2007.
4. Харрингтон Дж. и др. Оптимизация бизнес-процессов. Документирование, анализ, управление, оптимизация. – СПб.: Азбука, БМикро, 2003.
5. Анализ развития выставочных площадок членов РСВЯ. Web: <http://www.uefexpo.ru/?id=60545>
6. Гребнева В. Выставочный бизнес России: тенденции и перспективы развития. Гильдия выставочно-ярмарочных организаций Москвы. Web: <http://expo.mtpp.org/pages.php?name=vestnik-10-grebneva>
7. Доклад губернатора Красноярского края на III Красноярском экономическом форуме «Крупнейшие инвестиционные проекты – база экономического роста на Востоке России», 12.05.2006. Web: <http://www.enicey.ktk.ru/page.aspx?pageid=13569&article=27216>
8. Сибэкспоцентр. Годовой отчет эмитента. Web: http://www.sibexpo.ru/ru/main/vstavochanii_komplek/informaciya_ob_emite/
9. Статистический обзор 2012. Российский Союз выставок и ярмарок. Web: <http://www.uefexpo.ru/?id=59645>
10. Стенограммы IX Байкальского экономического форума. 2012 год. Совет Федерации ФС РФ. Web: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/113/index.html

Е.А. КУКЛИНА, доктор экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН)
E. KUKLINA, doctor of economic Sciences,
Saint-Petersburg state engineering and economic University

Методы и модели корпоративного планирования Methods and models of corporate planning

Аннотация: Процесс корпоративного планирования сопряжён со значительными затратами трудовых и денежных ресурсов, на эффективное планирование уходит очень много времени и средств, но никакая другая деятельность в компании не окупается в такой степени и нет другой такой деятельности, пренебрежение которой может так дорого обойтись компании.

Abstract: The corporate planning process involves considerable costs of labour and financial resources for effective planning takes a lot of time and money, but no other activity in the company does not pay off in the extent and there is no other such activities, the neglect of which may be costly to the company.

Ключевые слова: планирование, менеджмент, управленческая деятельность, эффективность, рыночная экономика, бюджетирования, стратегическое планирование, реактивное планирование, бюджетно-финансовое планирование, внебюджетное планирование.

Key words: planning, management, management performance, efficiency, market economy, budgeting, strategic planning, reactive planning, budget and financial planning, budgetary planning.

Планирование можно рассматривать в трёх аспектах: как науку, как функцию управления (менеджмента), как специфический вид управленческой деятельности.

Планирование как наука представляет собой совокупность методологических подходов, логических умозаключений, концепций, принципов, критериев, системы показателей, методов их обоснования, а также расчётных процедур, используемых при разработке документов планового (прогностического) характера.

Планирование как функция управления является одной из основных функций «цикла менеджмента» наряду с функциями администрирования (организации), мотивации и контроля. Многолетний опыт зарубежных фирм и российских предприятий свидетельствует о том, что неэффективное использование этой функции менеджмента приводит к неоправданным экономическим потерям, что в итоге может поста-

вить фирму на грань банкротства. Роль и место планирования в системе менеджмента обусловлены тем фактом, что планирование является одним из самых эффективных инструментов современного менеджмента.

Реалии рыночной экономики, основное звено которой – предприятие, ещё более усиливают роль ключевого фактора в повышении экономической эффективности функционирования предприятия, формирования конкурентных его преимуществ и укреплении конкурентных позиций на рынке.

При этом необходимо подчеркнуть, что изменение факторов внешней и внутренней среды объективно должно приводить к изменению логики и методов планирования.

Планирование как специфический вид управленческой деятельности заключается в подготовке различных вариантов управленческих решений в форме прогнозов, программ, планов, бюджетов,

обосновании их целесообразности (оптимальности), обеспечении возможностей для их реализации и контроля.

Философия планирования – как особой управленческой деятельности – предполагает использование различных подходов, концепций и идейных основ.

Известная классификация подходов к философии планирования принадлежит Расселу Акоффу и основывается на направлении ориентированности основных идей планирования (прошлое, настоящее, будущее) [1].

Сравнительная характеристика подходов к философии планирования (по Р. Акоффу) представлена в таблице 1.

Основной метод *реактивно-го планирования* – генетический, что предполагает исследование любой проблемы с точки зрения её возникновения и опыта решения в прошлом. При этом методе любая организация рассматривается как устойчивый, стабильный и отлаженный механизм, а процесс пла-

Таблица 1
Сравнительная характеристика подходов к философии планирования

Подход	Аналогии Р. Акоффа	Преимущества	Недостатки
Реактивный (от прошлого)	Плыть против течения	1. Опыт, традиции. 2. Преемственность. 3. Учёт интересов всех подразделений предприятия.	1. Отсутствие системности и взаимодействия. 2. Бюрократизация управления. 3. Завышенная оценка потребности подразделений.
Инактивный (инертность)	Удержаться в бурном потоке	1. Осторожность. 2. Последовательность.	1. Изменения не воспринимаются. 2. Креативность и инновации не стимулируются. 3. Неспособность адекватно реагировать и приспособиться к изменениям факторов среды.
Преактивный (упреждение)	Оседлать первую волну	1. Адекватная оценка внешней среды. 2. Учёт изменений. 3. Оптимизация решения.	1. Недостаточно используется накопленный опыт. 2. Увлечение формальными процедурами планирования. 3. Психологическая неготовность персонала к изменениям.
Интерактивный (проектирование желаемого будущего)	Изменить течение реки	1. Взаимодействие с внешней средой. 2. Участие персонала в процессе планирования.	1. Ближе к идеальной, чем к реальной модели. 2. Адаптация, приспособление, а не проектирование.

нирования реализуется по схеме «снизу вверх».

Достоинством реактивного подхода к планированию является учёт прошлого опыта, минимизация рисков принятия необоснованного решения, преемственность плановых решений.

Недостатки реактивного планирования обусловлены отсутствием взаимодействия между структурами и элементами системы планирования, снижением общей эффективности деятельности и бюрократизацией управления.

Инактивный подход к планированию рассматривает существующие условия как приемлемые, и характерным является представление в том, что равновесие в организации достигается автоматически, естественным путём, без каких-либо дополнительных усилий со стороны управляющей системы. Предотвращение изменений и сохранение гомеостаза становится основной целью организации, практикующей этот подход.

Основной недостаток такого подхода – отсутствие инноваций, неспособность приспособляться к изменениям внешней и внутренней сред, ограничение самостоя-

тельности и творческого потенциала персонала организации.

Преактивный подход ориентирован в основном на будущие изменения, на поиск оптимальных решений. Процесс планирования осуществляется централизованно, «сверху вниз», на высшем уровне управления предприятием прогнозируются внешние условия, формулируются цели и стратегии, затем определяются цели структурных подразделений и разрабатываются программы достижения поставленных целей. Недостатки преактивного подхода к планированию обусловлены недостаточным использованием накопленного опыта и увлечением формальными процедурами планирования, связанными с аналитическими методами исследования будущего.

Интерактивный подход планирования базируется на принципе партисипативности (участия) и мобилизации творческих способностей персонала. В соответствии с этим подходом предполагается, что будущее подвластно контролю и, в значительной степени, является результатом созидательных действий сотрудников предприятия. Цель интерактивного под-

хода – проектирование будущего; интерактивное проектирование ближе к идеальной, чем к реальной модели управления, так как более эффективным способом планирования будущего является не проектирование его, а адаптация организации к условиям будущего.

Исследования Р. Акоффа показали, что ранее большинство менеджеров придерживались инактивного подхода к планированию («удержаться в бурном потоке»), но в последнее время этот подход уступает место преактивному подходу («оседлать первую волну»), что отражает динамику эволюционного развития подходов к философии корпоративного планирования.

В теории и практике корпоративного (внутрифирменного) планирования в странах с рыночной экономикой различают несколько этапов, соответствующих формам организации планирования: бюджетно-финансовое, долгосрочное, стратегическое.

Бюджетно-финансовое планирование. До 50-х годов XX века даже крупные корпорации США не имели специальных служб планирования, и формальным

результатом планового процесса были составленные бюджеты (сметы). Бюджеты составлялись как по функциональному признаку на каждую значимую производственно-хозяйственную функцию (производство, сбыт, НИОКР, маркетинг и др.), так и в разрезе структурных подразделений корпорации (заводы, отделения, отделы, службы).

С моделью традиционного бюджетного планирования (т.е. финансового планирования) соотносится термин «бюджетирование», который был широко внедрён в оборот русского языка в 70-е годы прошлого века, во многом благодаря научным публикациям специалистов Института США и Канады.

Бюджетирование представляет, с одной стороны, процесс составления финансовых планов и смет, а с другой – технологию управления, предназначенную для выработки и повышения финансовой обоснованности принимаемых управленческих решений. В соответствии с точной дефиницией В.Е. Хруцкого, понятие «бюджет» объединяет в себе «план» (систему целей и задач, а также стратегий по их достижению) и «программу» (комплекс мероприятий по реализации стратегий), так как бюджет – это и финансовое выражение целей, стратегий и намечаемых

мероприятий, и плановые финансовые сметы и графики расходов; и прогнозируемые финансовые результаты исполнения программ; и необходимые для этого затраты [5]. Бюджетирование сегодня является основным инструментом распределения ресурсов и контроля за текущей деятельностью предприятий. Особенность бюджетно-финансовых методов планирования – их краткосрочный характер и внутренняя направленность, так как предприятие в этом случае рассматривается как закрытая система. При использовании таких методов планирования «головной болью» менеджмента служат прибыль и структура затрат, что несёт в себе угрозу долгосрочному развитию.

Одна из задач бюджетирования – переложить обобщённые формулировки миссии компании на язык конкретных финансовых показателей, которые можно чётко рассчитать, а затем контролировать ход их выполнения. Упрощённая модель взаимосвязи бюджетирования с главными целями компании представлена в таблице 2.

В современной практике российских предприятий бюджетирование в основном применяется как инструмент финансового планирования, а остальные стадии процесса управления (учёт, анализ,

контроль, мотивация, корректировка) осуществляются редко. Для того чтобы бюджетирование стало действительно управленческой технологией, необходимо решить существующие проблемы в области технологии, организации и автоматизации бюджетирования.

Несмотря на то что в настоящее время с помощью бюджетирования управляются практически все крупные корпорации, этот вид планирования имеет ряд недостатков, главными из которых являются: длительность составления и согласования бюджетов; высокие затраты на функционирование; возможность сокрытия резервов снижения затрат в целях составления менее напряжённого бюджета; снижение эффективности использования в условиях увеличения уровня неопределённости внешней среды.

Долгосрочное планирование.

С начала 60-х годов XX века характерными особенностями хозяйствования компаний США стали высокие темпы роста товарных рынков, узкая одноотраслевая направленность, низкая степень конкуренции и относительная предсказуемость тенденций развития. Эти факторы в совокупности обусловили необходимость увеличения горизонта планирования и создали, таким образом, предпо-

Таблица 2

Назначение бюджетирования во взаимосвязи с некоторыми главными целями компании

Главные финансовые цели	Наиболее вероятные значения показателей	Некоторые задачи бюджетирования компании
Быстро растущий бизнес	Рост объёмов продаж в сопоставимых ценах более чем на 20% в год	Контроль за дебиторской задолженностью. Определение обоснованности размера и условий привлекаемых краткосрочных кредитов. Контроль за состоянием ликвидности компании.
Высокорентабельный бизнес	Обеспечение нормы годовой чистой прибыли в размере 25%	Сравнительный анализ рентабельности (по норме чистой прибыли) отдельных видов бизнеса (продуктов, проектов). Установление лимитов затрат и норм расходов с целью их последующего сокращения. Определение оптимального соотношения «цена – объём продаж».
Быстро растущая стоимость компании	Увеличение стоимости акционерного капитала на 100% в год	Контроль за доходностью общих активов компании. Сравнительный анализ динамики массы нераспределённой прибыли по видам бизнеса.

сылки для развития долгосрочного планирования, основная цель которого – составление прогноза объёмов продаж компании на несколько лет вперёд.

В рамках методологии долгосрочного планирования была разработана модель программно-целевого планирования, которая устранила ряд недостатков бюджетного планирования. Модель ППБ (план – программа – бюджет) предусматривает построение иерархии целей предприятия и разработку программ, содержащих информацию о действиях, сроках, участниках и ресурсах, необходимых для достижения поставленных целей. В отличие от модели традиционного бюджетного планирования цели доводятся до каждого структурного подразделения и каждого сотрудника предприятия, а ресурсы распределяются не между функциями, а между целевыми программами и их элементами. Такая технология планирования, с одной стороны, способствует достижению целей, а с другой – повышению эффективности использования ресурсов.

Основная идея долгосрочного планирования – составление прогноза продаж компании на несколько лет вперёд, следовательно, основной показатель – прогноз объёмов продаж. На основе объёмов продаж составлялись функциональные планы по снабжению, производству, маркетингу, которые потом сводились в единый финансовый план компании. Главная задача менеджеров в такой постановке – выявление финансовых проблем, сдерживающих рост компании, и, прежде всего, поиск ответа на вопрос: достаточно ли у компании внутренних ресурсов или необходимо прибегнуть к заёмным средствам?

Практика использования методологии долгосрочного планирования с использованием принципа экстраполяции («от прошлого – к будущему») показала, что такой подход служит эффективным инструментом управления только в

условиях стабильной, растущей экономики.

Слабыми сторонами долгосрочного (экстраполятивного) планирования являются: неотрабатанность механизмов интеграции программно-целевого планирования с другими подсистемами управления; невозможность планировать деятельность диверсифицированных предприятий; невозможность использования в условиях динамично меняющейся внешней среды и конкуренции.

Конструктивная роль долгосрочного планирования в дальнейшей эволюции корпоративного (внутрифирменного) планирования состоит в том, что по мере выявления его недостатков становились яснее и необходимые пути их устранения. Принципиальные элементы новой концепции – стратегического планирования – обозначились и конкретизировались именно посредством поиска путей преодоления ограничений долгосрочного планирования, которые особенно чётко проявились в результате снижения темпов роста экономик развитых стран и повышения неопределённости основных макроэкономических параметров их развития.

Стратегическое планирование. Система стратегического планирования сформировалась в 70-е годы XX века. Основное различие методологии долгосрочного и стратегического планирования состоит в трактовке будущего.

Так, долгосрочное планирование предполагает, что будущее может быть предсказано экстраполяцией сложившихся тенденций роста, и в условиях относительной стабильности внешней среды долгосрочные цели планировались путём экстраполяции настоящего состояния, т.е. от настоящего – к будущему.

При долгосрочном планировании обычно исходят из того, что в будущем результаты деятельности будут лучше, чем в прошлом, что приведёт, в свою очередь, к более высоким показателям.

В условиях высокой степени изменчивости и неопределённости внешнего окружения направленность планирования изменилась от будущего к настоящему. Сначала формулируется цель – «что мы хотим получить в будущем», а затем вырабатывается стратегия – «что надо сделать, исходя из настоящего положения», т.е. находятся пути и выбираются средства для достижения направленной цели.

В системе стратегического планирования отсутствует предположение о том, что будущее непременно должно быть лучше прошлого, и не считается, что будущее можно априори улучшить методом экстраполяции. Поэтому исходный принцип стратегического планирования – от будущего к настоящему, то есть на первый план в управлении выходят анализ и систематизация тенденций, опасностей, шансов, а также отдельных чрезвычайных ситуаций, способных изменить эти тенденции.

Таким образом, модели стратегического планирования основываются на формализованных процедурах разработки стратегии предприятия, что существенно упрощает процесс планирования в условиях нестабильной внешней среды.

Многолетний опыт стратегического планирования выявил основные его недостатки: отсутствие механизмов интеграции стратегии и тактики предприятия; недостаточная осведомлённость сотрудников о стратегических целях и задачах; отставание корректировок стратегии от изменений условий внешней среды.

Эволюция методологических подходов к планированию как управленческой технологии идёт по двум направлениям: стратегическое планирование эволюционирует в стратегический менеджмент, а концепция внутрифирменного бюджетирования – в концепцию управления за рамками бюджетов.

Стратегический менеджмент. Впервые концепция стратегического менеджмента была разра-

Таблица 3

Сравнительная характеристика стратегического планирования и стратегического менеджмента

Характеристика	Стратегическое планирование	Стратегический менеджмент
Сфокусированность	На принятии оптимального стратегического решения	На достижение стратегического результата
Объект управления	Планы	Результаты
Вид процесса	Аналитический	Организационный
Учитываемые факторы	Экономические, технологические	Экономические, технологические, психологические, социальные, политические
На какой вопрос отвечает	Что делать?	Как делать? Кто будет делать?

Таблица 4

Сравнительная характеристика концепций планирования

Характеристика	Этапы планирования			
	Бюджетно-финансовое планирование	Долгосрочное планирование	Стратегическое планирование	Стратегический менеджмент
Привычность событий	Прошлое повторяется	Тенденции сохраняются – экстраполяция	Новые явления, тенденции предсказуемы	Частично предсказуемы по слабым сигналам
Тип изменений	Медленнее, чем реакция фирмы	Сравним с реакцией фирмы		Быстрее, чем реакция фирмы
Процесс	Циклический		Реальное время	
Основа управления	Контроль отклонений	Предвидение роста	Стратегические изменения	Учёт внешней среды и конъюнктуры рынка
Акцент в управлении	Стабильность, реактивность	Предвидение	Исследование	Творчество, инновации
Период	с 1990 г.	с 1950 г.	с 1970 г.	с 1990 г.

ботана консалтинговой компанией Мак-Кинси (США) и внедрена с 1972 года в корпорациях «Дженерал электрик», «Кока-кола». IBM и др. К началу 80-х годов эту концепцию использовали уже более 45% крупнейших американских корпораций. Переход от стратегического планирования к стратегическому менеджменту большинство корпораций по всему миру тотально начали к 1991 году.

Теория стратегического менеджмента была более или менее полно сформулирована И. Ансоффом [2, 3]. Стратегический менеджмент определяется как комплекс не только стратегических управленческих решений, устанавливающих долгосрочное развитие организации, но и комплексных действий, обеспечивающих быстрое реагирование организации на изменение внешней конъюнктуры, которое может повлечь за собой необходимость стратегических изменений, пересмотр стратегических целей и кор-

ректировку общего направления развития.

Сравнительная характеристика стратегического планирования и стратегического менеджмента приведена в таблице 3.

Стратегический менеджмент включает элементы всех предшествующих систем управления, т.е. предполагает составление бюджетов, применение экстраполяции для оценки относительно стабильных факторов, использование элементов стратегического планирования и т.д.

Эволюция концепций корпоративного планирования представлена в таблице 4.

Анализ данных этой таблицы позволяет сделать следующие выводы:

– приходившие на смену концепции планирования и управления были ориентированы на растущий уровень нестабильности и всё меньшую предсказуемость будущего;

– темпы обновления концепций планирования становятся более интенсивными. Если в начале XX века временной интервал между двумя смежными концепциями (бюджетно-финансовое/долгосрочное планирование) составлял 50 лет, то впоследствии он «сжался» и составлял уже 20 лет (долгосрочное/стратегическое/стратегический менеджмент);

– совершенствование форм плановой деятельности в соответствии с запросами рынка приводило к внедрению новых подходов к планированию, которые в большей степени отвечали нарастающей динамике и остроте конкурентной борьбы.

Планирование за рамками бюджетов. В настоящее время появились новые подходы к планированию, реализуемые в соответствии с концепцией управления за рамками бюджетов, – «Продвинутое бюджетирование» и «Внебюджетирование».

Таблица 5
Сравнительная характеристика систем традиционного внутрифирменного бюджетирования и планирования «вне бюджетирования»

Характеристика	Традиционное бюджетное планирование	Планирование «вне бюджетирования»
Постановка целей	Цели в форме бюджетных заданий (продажи/прибыль) на основе финансовых показателей как ключевой элемент ежегодного соглашения с заданными результатами деятельности	Отсутствие фиксированных целей, выраженными абсолютными показателями; цели устанавливаются в виде относительных индикаторов (рентабельность капитала, свободные денежные потоки, различные коэффициенты), которые сравниваются с эталонными показателями
Технология планирования	Процесс планирования – ежегодный цикл, которым управляют топ-менеджеры. План, составленный в результате многочисленных переговоров менеджеров и согласований, даёт чёткие указания в отношении того, что необходимо делать сотрудникам компании на год вперёд, и редко пересматривается	Отказ от централизованного директивного планирования. Ответственность за пересмотр стратегий передана на уровень подразделений или команд исполнителей. Эти команды ежегодно анализируют оценки среднесрочных перспектив развития бизнеса (цели, стратегии, факторы, планы действий) и один раз в квартал пересматривают краткосрочные перспективы (факт-прогноз эффективности). Использование инновационных инструментов планирования (скользящие прогнозы, системы сбалансированных показателей и т.д.)
Прогнозирование ресурсов	Ресурсы распределяются на основе бюджетных соглашений. Объём бюджетов закрепляется абсолютной величиной. Высшее руководство утверждает или отклоняет инвестиционные проекты	Планирование операционных ресурсов посредством установления целей на основе ключевых показателей эффективности (соотношения затрат и доходов), в рамках которых менеджеры могут осуществлять операционную деятельность. Развитие системы «внутреннего рынка» – получение ресурсов от централизованных поставщиков услуг по трансфертным ценам
Организация планирования	Процессом стратегического и тактического планирования управляют топ-менеджеры. Принцип делегирования: «Ваш согласованный план действий прилагается к данному соглашению»	Планирование делегируется на уровень подразделений. В разработке стратегий и планов участвуют команды и подразделения компании. Принцип делегирования: «Мы доверяем Вам сделать всё, что необходимо...»
Координация планов	Согласование планов через централизованный процесс координации бюджетов подразделений один раз в год. Принцип управления: «Ваши действия будут определены высшим руководством»	Принцип управления: «Мы доверяем Вам координировать Ваши действия с другими командами в соответствии с периодическими соглашениями и требованиями клиентов». Планы координируются не через корпоративный сводный план, а посредством соглашений об уровне обслуживания, которые являются обязательствами
Контроль	Ежемесячно осуществляется мониторинг эффективности деятельности. Любые отклонения рассматриваются, руководство оставляет за собой право корректирующих действий	На всех уровнях компании используется открытый и прозрачный механизм контроля – через систему скользящих прогнозов, сравнение ключевых показателей с эталонными, таблицами сравнительной эффективности компаний-конкурентов, сравнение с прошлым годом и др.

Сторонники первого подхода не подвергают сомнению сам инструмент бюджетирования, но подчёркивают необходимость разработки бюджетов на основе стратегических целевых показателей. Такая

модель основана на использовании гибких, скользящих бюджетов, современного программного обеспечения, системы сбалансированных показателей, которая обладает мощным инновационным потен-

циалом бюджетов, ориентированных на процессы [4].

Концепция планирования «Вне бюджетирования» появилась в 1998 году как результат научно-практических исследований меж-

дународной рабочей группы по прогрессивным технологиям, направленных на разработку новой модели управления при переходе от индустриальной эры к информационной.

При разработке концепции «вне бюджетирования» были учтены непредсказуемые изменения условий деловой среды, которые обусловлены следующими факторами: требование максимальной эффективности акционерами; решающее значение приобретают нематериальные активы; снижение цен в результате глобализации экономики; активизация инновационного процесса; требование соблюдения этических норм бизнеса.

Таким образом, приведение систем корпоративного планирования в соответствие с реалиями и доминантами настоящего времени настоятельно требует повышения гибкости и адаптивности планов; создания таких механизмов планирования, которые будут ориентировать компании на создание и поддержание устойчивых конкурентных преимуществ; снижение издержек на организацию сопровождения процесса планирования; соблюдение морально-этических норм.

Новая концепция планирования «вне бюджетирования» предлагает отказаться от бюджетов как инструментов контроля и вместо них использовать инновационные инструменты, такие, как система сбалансированных показателей, скользящие прогнозы, непрерывное планирование и т.д.

Сравнительная характеристика систем традиционного внутрифир-

менного бюджетирования и планирования «вне бюджетирования» приведена в таблице 5.

Модель «вне бюджетирования», способствующая достижению главных целей компании в XXI веке, была внедрена в разных по размеру компаниях, среди которых два банка, нефтехимическая компания, автомобильная компания, компания по производству компьютеров, телекоммуникационная компания, туристическая компания и др. [4].

Система планирования в этих компаниях не соответствует отраслевому стереотипу, в каждом случае имеются свои специфические особенности, но одна общая тенденция заключается в том, что все эти компании не применяют в управлении ежегодный бюджет. Кроме того, они используют одни и те же принципы для того, чтобы его заменить.

Соответствие планирования «вне бюджетирования» задачам XXI века обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, с любой точки зрения адаптивная и децентрализованная модель является простой, низкочувствительной и адекватной для пользователей.

Во-вторых, новая модель в большей степени соответствует требованиям информационной экономики.

В-третьих, новая модель соответствует качественному корпоративному управлению и этическому поведению, так как ключевым фактором, стимулирующим этическое поведение, становится относительное соглашение об улучшении,

которое действует в атмосфере открытости, прозрачности и ответственности.

В заключение необходимо отметить, что содержание и методы корпоративного планирования зависят, прежде всего, от целей, поставленных на уровне компании. Среди моделей целевой ориентации корпоративных планов традиционно различают: модель максимизации прибыли; модель максимизации доходов от продаж; модель экономического роста; модель стоимостно-ориентированного планирования; стейкхолдерскую модель планирования.

Процесс корпоративного планирования сопряжен со значительными затратами трудовых и денежных ресурсов, на эффективное планирование уходит очень много времени и средств, но никакая другая деятельность в компании не окупается в такой степени и нет другой такой деятельности, пренебрежение которой может так дорого обойтись компании.

Нельзя не согласиться с мнением Р. Акоффа: «Мудрость – это способность предвидеть последствия совершаемых действий, готовность пожертвовать сиюминутной выгодой ради больших денег в будущем. Планирование – это оружие мудрых, но планирование – один из самых сложных видов работы, доступных человеку».

Любая компания, рассчитывающая на успешное и устойчивое функционирование на рынке, в первую очередь должна грамотно выстроить свою систему корпоративного (внутрифирменного) планирования.

Литература:

1. Акофф Р. Планирование будущего корпораций. – М.: Прогресс, 1985.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989.
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: Питер Ком, 1999.
4. Концепция контроллинга: управленческий учет, система отчетности, бюджетирование / Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
5. Хруцкий В.Е., Гамаюнов В.В. Внутрифирменное бюджетирование: Настольная книга по постановке финансового планирования. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2006.

Т.А. СМЕРНОВ, кандидат философских наук, доцент (г. Норильск)

Ю.В. МИХАЙЛОВ, кандидат технических наук, доцент (г. Норильск)

T. Smirnov, candidate of philosophical Sciences, associate Professor (, Norilsk)

Y. Mikhailov, candidate of technical Sciences, associate Professor (, Norilsk)

Бизнес – это люди

(Опыт профессиональной подготовки персонала в компании «Мацусита Электрик Индастриал»)

Business – people

(Experience of professional training of personnel the company «Matsushita Electric Industrial»)

Аннотация: Авторами проведена большая работа по изучению системы профессиональной подготовки в компании «Мацусита Электрик Индастриал» с целью применения лучших достижений в организации обучения на предприятиях г. Норильска и развития бизнес-образования в регионе.

Для того чтобы понять, каким образом концепция совершенствования управления внедряется в практику японской промышленности, в данной статье приводится краткое описание системы обучения в компании «Мацусита Электрик Индастриал».

Abstract: The authors have carried out extensive work on the study of the vocational training system in the company, «Matsushita Electric Industrial» for the application of the best achievements in the organization of training in enterprises of Norilsk and development of business education in the region. In order to understand how the concept of improving the management practices implemented in the Japanese industry, in this article provides a brief description of the system of training in «Matsushita Electric Industrial.»

Ключевые слова: профессиональная подготовка, эффективность, развитие, система подготовки персонала, индивидуальное самообразование, потенциал управления, тренинг, традиции компании.

Keywords: training, efficiency, development, system training, individual self, management capacity, training, company tradition.

Характеристика компании «Мацусита Электрик Индастриал» («Мацусита Денки Саньго»)

«Мацусита Электрик Индастриал» является одним из крупнейших концернов в мире, производящих электроприборы. Её продукция продаётся под марками «Нэйшинэл», «Панасоник», «Текникс» и «Квазар». «Мацусита» имеет за границей 39 компаний-производителей и 32 продающих компании. Внутри страны концерн управляет 89 компаниями, продающими товары, около 140 предприятиями и 23 ведущими исследовательскими лабораториями. Продажа за границей, более чем в 130 странах, составляет примерно 40% от общей выручки в

3000 миллиардов йен. По всему миру компания имеет 107 тысяч служащих. Организационная структура состоит из центров по прибыли и главного офиса. Каждый отдел управляется так, как будто он представляет собой независимую компанию с ограниченной ответственностью со своим собственным внутренним капиталом. Главные управляющие отделами обладают значительными полномочиями для принятия решений, связанных с продажей, экспортом, ценами и т.д. Управление кадров, подразделение по операциям за границей, финансовое и административное подразделение и т.д. относятся к главному офису. Основной задачей центрального аппарата управления является

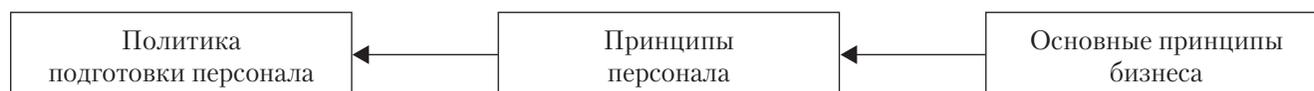
обеспечение информацией по проблемам, предоставление консультаций управляющим высшего звена и управляющим отделов и координация различных рабочих функций и работу отделов.

Цели образования в отрасли промышленности

1. Подготовка людей, которые могут внести вклад в управление. Образование в отрасли должно обеспечить профессиональные знания и квалификацию, необходимую индивидууму для выполнения своей работы.

2. Способствовать желанию служащих самостоятельно развивать свои способности.

Рис. 1. Принципы управления компании

3. Подготовка людей, способных приносить пользу, как обществу, так и компании. Другими словами, компания является тем местом, где служащие совершенствуются.

Система подготовки персонала

Образование и обучение служащих является фундаментальным базисом управления в компании «Мацусита», поэтому подготовка персонала может рассматриваться как сердцевина управления (рис. 1).

Основные принципы управления компании: 1) источником хорошего управления является персонал; 2) управленцы должны проявлять заботу по отношению к своему персоналу; 3) сотрудничества с персоналом можно добиться только путём доверия и понимания; 4) для подготовки квалифицированного персонала необходимо выработать соответствующие требования; 5) каждому сотруднику необходимо предоставить некоторую ответственность и власть.

Цели подготовки персонала

1. Совершенствование профессиональной квалификации и знаний, необходимых для выполнения специализированных операций.

2. Развитие управленческих и административных способностей.

3. Расширение знаний и кругозора. Учитывая это, целью компании является обучение специалистов, высококвалифицированных и знающих, которые хорошо понимают управление.

Так как каждая компания имеет свой собственные принципы управления, основная задача программы обучения персонала заключается в том, чтобы служащие компании полностью понимали её основную политику.

Для того чтобы удовлетворить как желание рабочего, так и требования управленческого аппарата, центральную часть программы обучения составляет обучение знаниям и квалификации персонала предприятия.

Чтобы в процессе повседневной работы добиться высоких профессиональных показателей и знаний, овладеть базовой политикой управления в процессе повседневной работы, наиболее важным фактором является тщательное и плановое руководство со стороны вышестоящего начальника.

На предприятиях компании «Мацусита» применяется непрерывное руководство образованием, основанное на долгосрочном планировании. Деятельность по подготовке рабочей силы на основе долгосрочного планирования не должна носить случайный характер, долгосрочное планирование должно осуществляться с предвидением, включающим концепцию образования в течение всей жизни. Должен быть разработан план направленной подготовки, который охватывает длительный период времени, учитывает индивидуальность каждого и находится в рамках персонального руководства со стороны вышестоящего начальника.

Этот план должен проводиться в жизнь постоянно и методически.

Главный источник потенциала управления имеется в каждом отделе, поэтому ответственность за подготовку способного персонала возлагается на отдел. Его обязанность – самостоятельно организовывать и проводить в жизнь собственные программы подготовки персонала. На каждого главного управляющего возлагается ответственность за подготовку рабочей силы в своём управлении, а на каждого начальника – ответственность за образование и обучение

своих подчинённых в различных ситуациях.

Обучающий персонал каждого кадрового подразделения должен помогать в достижении целей подготовки персонала отдельных подразделений и производств. Помимо такой помощи кадровое подразделение осуществляет также планирование и выполнение программ образования, и обучение как для вновь пришедших служащих компании, так и управленческого персонала.

Руководство со стороны вышестоящего начальства (обучение в процессе работы)

В дополнение к индивидуальному самообразованию служащего его способности могут получить дальнейшее развитие, если он получает постоянное руководство и инструкции от своего вышестоящего начальника. От каждого вышестоящего начальника требуется демонстрация лидерства посредством ежедневного практического руководства.

Компания предъявляет ряд требований:

1. Руководство идёт в направлении развития людей. В этой связи очень важно понимать – если персонал не подготовлен, нет оснований для успехов или прогресса в работе.

2. Решающим моментом в совершенствовании подготовки рабочей силы является тёплое отношение к подчинённым.

3. Углубление взаимного доверия. Одной из основных причин успешного развития компании служит то, что руководство продемонстрировало определённые качества и сильные позиции, выиграв доверие служащих.

4. Нацеленность на взаимопонимание и диалог.

5. Начальник оказывает влияние на своих сотрудников, поэтому он должен не только прилагать максимум усилий для расширения границ своих знаний и опыта, но и расширять и углублять свои человеческие качества так, чтобы он был способен вдохновлять своих рабочих.

6. Кроме назначения на работу, начальник должен оценивать и развивать созидательные способности, гибкость и потенциал своих подчинённых, выдвигать перед ними повышенные требования.

7. После того как руководитель пояснит цели и обязанности, он должен предоставить независимость творческой фантазии своим подчинённым и расширить пределы для свободы действий по выбору средств и методов достижения этой цели.

8. Решающим фактором является овладение искусством корректного применения власти.

9. Руководитель, обладающий способностью постигать и понимать человеческую природу, должен тщательно осознавать сильные стороны и недостатки каждого служащего и находить для него возможность для совершенствования.

10. Руководитель должен тщательно оценивать индивидуальные качества и способности подчинённого с позиции учёта его долгосрочной подготовки. С этой целью должны производиться консультации с каждым служащим. Для эффективного обучения в процессе работы необходимо:

- определить требования к подготовке служащего;
- зафиксировать их в соответствующем контрольном листе;
- среди этих требований выделить те, которым особенно надо уделить внимание в ближайшее время;
- установить последовательность целей, которые должны быть достигнуты, и определить методы их достижения;
- определить и занести в специальный лист руководителя наиболее слабые и наиболее сильные

стороны служащего;

- обсудить этот документ с подчинённым.

Лист руководства должен служить менеджеру основой для подготовки каждого подчинённого. По прошествии соответствующего периода времени проводится вторая консультация с подчинёнными, в результате которой оценивается и анализируется уровень достигнутого и определяются дальнейшие аспекты для руководства ими.

Как уже было сказано, обучение в процессе работы является сердцевиной обучения и образования внутри предприятия. Такие концепции, как «обогащение работы», «увеличение работы» или «управление в соответствии с целями» и «делегирование» не должны оставаться лозунгами, а быть интегрируемыми составляющими в процессе работы.

Обучение в процессе работы будет более эффективным, если оно дополняется систематической формальной программой обучения вне работы, целью которой является обучение для повышения обычных знаний и квалификации.

1. Оно эффективно для повышения образования до заданного уровня у большой группы людей за короткий период времени.

2. Обучаемый избавляется от давления работы и может полностью сосредоточить своё внимание на учёбе.

3. Получая стимул от соучеников, обучаемый получает мотивацию для самообразования.

4. Посредством передачи информации по различным аспектам активности компании осуществляется чёткая связь – как по вертикали, так и по горизонтали.

Образование вне работы имеет ряд недостатков:

1. Поскольку содержание образования направлено, как правило, на теоретическую подготовку, то имеется опасность, что каждый предмет будет оторван от практики.

2. Трудно удовлетворить потребности каждого обучаемого.

Программа обучения вне работы осуществляется тремя различными «институтами»:

- «главный центр обучения» имеет целью обучение главным образом высшего звена управления;
- отдел кадров каждого подразделения имеет целью обучение собственного персонала;
- отдел обучения каждого функционального подразделения обучает служащих специфическим функциям.

Учебный тренинг

Учебный тренинг чрезвычайно важен для такой крупной производственной компании, как «Мацусита». На какую бы должность не был назначен служащий, он должен знать, что значит производство, как и кем производится продукция, как она реализуется на рынке и каковы требования потребителя. Учебный тренинг в области производства и розничной торговли даётся:

- 1) вновь нанятому персоналу в течение шести месяцев,
- 2) перед назначением на должность мастера – в течение двух месяцев,
- 3) перед назначением на должность управляющего секцией в течение около двух месяцев.

Подготовка через систему управления персоналом

Ротация работ преследует цель дать служащим более широкий диапазон знаний. В то же самое время эта система даёт возможность выявлять служащих со способностями, которые могут выполнять специфические виды работ. Что касается процедуры ротации работ, то она базируется, во-первых, на личных пожеланиях, поддержанных начальниками, и, во-вторых, на желании управленческого персонала готовить специалистов широкого профиля. Лист руководства, упомянутый ранее, должен заполняться всеми служащими, вплоть до управляющих секциями, в конце каждого года. После этого

начальник рассматривает лист и проводит собственный контроль. Поступая таким образом, служащий и его начальник имеют возможность видеть точки зрения друг друга. Основываясь на этом листе, управляющий сможет выяснить, на чём он должен заострить внимание подчинённого в его подготовке, а служащий может выявить, что ему следует делать для своей подготовки. Если желание служащего поменять род деятельности обосновано, он может быть рекомендован на другую должность.

Препятствием, мешающим системе ротации рабочих мест, является местничество. Часто начальники не хотят, чтобы хорошие работники уходили на другие участки, поэтому отделы кадров должны играть решающую роль в этом вопросе.

Подготовка персонала через «участие в управлении» и «неформальную деятельность»

Цеховые собрания

Регулярно все служащие, включая руководителя секции или отдела, собираются вместе после окончания работы, чтобы обсудить вопросы и обменяться мнениями о работе подразделения, при этом поднимаются вопросы, касающиеся самой работы, отношений между людьми и другие самые различные вопросы. Каждый имеет возможность ближе узнать своих сослуживцев и каждый становится осведомлённым обо всех проблемах в подразделении. Когда дело доходит до выработки идей для решения этих проблем, каждый на равных основаниях выражает свою собственную точку зрения и помогает в формулировании концепции политики и практики. Такие собрания дают возможность руководителю информировать своих подчинённых о текущих условиях ведения дел, таких, например, как достигнутый или планируемый объём производства и сбыта продукции, о распоряжениях вышестоящего руководства, о чрезвычайных собы-

тиях, о последних производственных решениях, о новых проектах, которые должны быть осуществлены, и о других проблемах.

Совместные советы управляющих и рабочих

Эти взаимные консультации способствуют обмену информацией между руководящими звеньями компании и профсоюзами и участию последних в формировании требований к условиям труда их членов. Совместные советы собираются ежемесячно на двух уровнях организационной иерархии:

а) центральный уровень. Высшее руководство главного аппарата управления и лидеры центрального профсоюза;

б) уровень производственного подразделения и уровень отдела. Главные управляющие или руководители отделов и служащие, являющиеся членами профсоюза.

Комитет управляющих (уровень «а») главным образом обсуждает важные вопросы управления, такие как текущая и будущая тактика, стратегия дел в Японии и за границей, крупные организационные изменения и т.д. В ходе совместных цеховых консультаций поднимаются вопросы, которые могут касаться программ производства или продаж, методов работы, назначений, сверхурочной работы, отпусков и выходных, а также другие вопросы, предоставляющие взаимный интерес. Цеховые советы руководителей и рабочих несколько отличаются от цеховых собраний, т.к. на них обсуждаются различные вопросы и на различных основах; в последнем случае на равной основе (рабочие отношения), а в первом случае – между различными иерархическими уровнями.

Система предложений

Эта система предполагает индивидуальную деятельность. Компания поощряет служащих за высказывания мнений по улучшению продукции, совершенствованию производства, структуры компании и т.д. В компании «Мацусита» эта система предложений имеет большой успех, как с точки зрения

количества поданных предложений, так и их качества. Количество предложений, внесённых в 1980 финансовом году, приближалось к 2 миллионам 612 тысячам, что составило в среднем 40,4 предложения на каждого работника. Из этого количества 12,6% (или 329 тысяч 103 предложения) было принято. Все эти предложения, в зависимости от полученного эффекта, делятся на восемь степеней.

1 степень – 15 предложений.

2 степень – 70 предложений.

3 степень – 237 предложений.

4 степень – 504 предложения.

5 степень – 1232 предложения.

6 степень – 4062 предложения.

7 степень – 22233 предложения.

8 степень – 300760 предложений.

Общая выгода от этих новшеств составила 31,2 миллиарда йен.

Ежегодные собрания по выработке политики

Ежегодно, в начале января, все служащие с уровня мастера и выше собираются вместе с тем, чтобы выслушать сообщение об управленческой политике компании. Идея этой системы состоит в том, чтобы довести до сведения каждого работающего линию, которую выработало руководство, и одновременно стимулировать всех работников на выполнение поставленной задачи. Важным аспектом этого собрания является не только то, что информация от высших руководителей доводится до каждого служащего, но и расчленение линии проводимой политики, доведение её до уровня отдельных цехов с целью выявления и обсуждения альтернативных методов достижения целей.

Утренние и вечерние пятиминутки

В каждом производственном подразделении проводятся краткосрочные собрания перед началом и концом рабочего дня. В это время весь персонал компании «Мацусита» собирается вместе, чтобы продекламировать семь целей и спеть гимн компании. Более важной частью митинга является

общение между руководителем и его подчинёнными или между самими служащими. Побочным продуктом таких собраний, учитывая, что каждый по очереди выступает по какой-то проблеме, является то, что служащий пытается построить своё выступление «эффективно». Таким образом, каждый учится выступать перед аудиторией. Кроме того, слушатели могут получить интересующую их информацию из опыта выступающего.

Рабочий план

Основываясь на политике компании, каждый отдел определяет свою собственную задачу. Перед разработкой рабочего плана отдела каждый его сотрудник разрабатывает свой собственный годовой рабочий план и рассчитывает бюджет. Сумма индивидуальных планов становится рабочим планом отдела. Эта система не только стимулирует каждого, но также эффективно обучает служащих проявлять инициативу и нести свою долю ответственности.

«Старшие сёстры» и «старшие компаньоны» являются неформальными лидерами в группах молодых служащих женского или мужского пола в цехах. Предприятие организует для них программы обучения с тем, чтобы они могли укрепить своё лидерство, совершенствовать технику консультирования и развивать чувство сотрудничества.

Описанные выше системы – это конкретные пути, на которых реализуются цели компании, смыслом которых является требование – знать управление должен каждый и в нём должны участвовать все служащие. Дополнительными важными системами для привлечения служащих к участию в управлении служит создание «команд по проектам» и центра по доходам корпорации. Хотя описанные системы изначально спроектированы для участия в управлении, все они в большей или меньшей степени предоставляют обширные возможности для обучения и совершенствования.

Вводный тренинг

Вводный тренинг, как и вся система обучения и образования компании в целом, базируется на системе пожизненного найма. Так как рабочая сила является крупным капиталовложением для корпорации, она должна думать о том, как воспитать вновь нанятый персонал в «хороших членов семьи» или поддерживать в них дух «хороших людей» компании «Мацусита».

Вводный тренинг может осуществляться двумя подразделениями:

а) отделом набора главного офиса. Выпускники университетов и среднетехнических колледжей, а также (меньшее количество) выпускники школы высшей ступени нанимаются в качестве административного персонала и получают вводное образование, которое осуществляет отдел набора главного офиса;

б) производственными подразделениями. Выпускники колледжей низшей ступени (женщины), выпускники школ высшей ступени (мужчины) нанимаются в качестве рабочих на конвейере, выпускники школ высшей ступени (женщины) и выпускники начальной школы высшей ступени нанимаются и получают вводный тренинг силами кадрового подразделения каждого производственного объединения.

Цели вводного тренинга:

а) ознакомить новых служащих с традициями компании и философией управления путём изучения истории компании;

б) через практическое обучение научить высоко оценивать значимость работы и осознавать себя как индустриальных рабочих;

в) углубить дух упорства, научить смело браться за трудные задачи, с которыми они могут столкнуться;

г) способствовать становлению дисциплинированных рабочих, специально делая акцент на образе жизни и манерах.

Вводный тренинг для выпускников университетов

Сущность вводного тренинга компании «Мацусита» хорошо вы-

ражена в программе для вновь нанятых выпускников университетов, которые получили образование по специальности «управление». Программа состоит из трёх частей:

а) ориентирующая программа. Это месячное обучение типа семинара в центре обучения основного персонала. Она включает в себя широкий диапазон вопросов, начиная от истории компании и основных принципов бизнеса, которые рассматриваются как наиболее важные предметы, до организационных систем, посещения фабрик, торговых сетей и т.д.;

б) производственное обучение на предприятии;

в) учебный тренинг в магазине ровничной торговли (практические занятия в магазине розничной торговли делятся на циклы по три-четыре месяца).

Результатом этой системы является то, что она выступает в качестве испытательного срока. Претенденты на работу, которые прошли тест на соответствие стандартам корпорации, обычно принимаются. Конкретная должность, однако, не оговаривается во время приёма на работу. Первые три месяца вводного курса рассматриваются как испытательный срок, в течение которого, с одной стороны, новые служащие могут решить, будут ли они работать в компании, а с другой стороны, предприятие будет изучать их, перепроверять здоровье, способности и пригодность для того, чтобы поставить конкретного работника на соответствующее место. Если они не проявят каких-либо важных и существенных недостатков, то через три месяца будут официально назначены в качестве служащих компании.

Эта практика испытательного срока достаточно распространена среди больших корпораций.

В настоящее время опыт компании «Мацусита Электрик Индастриал» активно изучается в Норильском индустриальном институте с перспективой его внедрения на крупных предприятиях региона и оптимизации системы воспроизводства трудового потенциала.

В.М. НИКОНОВ, кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой экономики НОИР
V. NIKONOROV, candidate of economic Sciences,
head of the Department of Economics NOIR

Экономико-математические методы в транспортной науке

Economic-mathematical methods in transport science

Аннотация: На базе анализа современной ситуации в транспортной науке автор предлагает использовать при решении задач экономико-математические методы.

Abstract: On the basis of analysis of the current situation in the transport and science, the author proposes to use when solving problems of economic-mathematical methods.

Ключевые слова: транспортная наука, математическое программирование, логистика, экономико-математические методы, маятниковые маршруты, лепестковые маршруты, эффективность, рентабельность.

Keywords: transport science, mathematical programming, logistics, economic-mathematical methods, pendulum routes, radar routes, efficiency and profitability.

Экономико-математические методы – обобщающее название комплекса экономических и математических дисциплин, предназначенных для создания и последующего анализа моделей различных экономических проблем математическими методами.

Экономико-математические модели – математические модели различных экономических объектов, ситуаций, проблем. Такие модели создаются с помощью экономико-математических методов и направлены на анализ соответствующих экономических категорий.

Перечислим основные экономико-математические методы и модели, используемые в транспортной науке.

1. Методы математического программирования (точные методы). К этим методам относятся динамическое программирование, целочисленное программирование, метод «ветвей и границ».

2. Эвристические методы.

3. Теория графов.

4. Имитационное моделирование.

Вкратце рассмотрим вышеназванные методы.

1. Методы математического программирования.

Целевая функция в этих задачах формируется, прежде всего, на основе экономических соображений. Традиционно для транспортных критерием оптимальности является минимум пробега. Требуется решить задачу маршрутизации (Vehicle Routing Problem, VRP) – доставить груз от отправителей всем получателям данным числом автомашин наиболее эффективно (с минимальным пробегом). При этом учитывается вместимость автомашин, время её работы, время разгрузо-погрузочных работ. В процессе решения задачи маршрутизации для каждой автомашины формируется свой маршрут, состоящий из конечного числа получателей. Множество допустимых решений задачи маршрутизации конечно и строится из исходных

элементов по определённым правилам. Строго говоря, когда мы имеем дело с доставкой груза от отправителей получателям, эти задачи маршрутизации принято называть задачами развозки [1]. Если же одновременно с развозкой груза требуется собирать груз, например, пустые хлебные лотки при развозке хлебобулочных изделий, то такие задачи называются задачами развоза-сбора.

Известно, что маршруты подразделяются:

1) на маятниковый – автомашина от поставщика отправляется к покупателю и потом возвращается обратно. Такие перемещения многократны;

2) на радиальный – автомашина от поставщика отправляется к покупателю и вслед за тем возвращается обратно, данный покупатель обслужен за один заезд. Такое перемещение однократно в отличие от маятникового маршрута;

3) на кольцевой – начало и конец маршрута совпадают, в маршруте более 1 покупателя.

В наиболее часто встречающемся случае (задача развозки с одним отправителем – отправка хлебобулочной, мясной, молочной продукции) мы имеем дело с кольцевыми маршрутами. Исследование систем оптимальных маршрутов, полученных при решении «задачи развозки» точными методами [2], позволило выявить некоторые особенности этих систем. В частности, оптимальные маршруты не имеют петель, практически никогда не пересекаются друг с другом и каждый маршрут проходит внутри сектора с центром в точке, соответствующей местоположению поставщика. Маршруты с такими свойствами получили название «лепестковых». Однако регламентация времени завоза груза грузополучателям, непосредственно влияя на порядок объезда пунктов, существенно ограничивает свободу выбора вариантов организации маршрутов. В этом случае лепестковые маршруты могут оказаться либо неэффективными, либо недопустимыми.

Принято оценивать эффективность методов математического программирования, применяя в качестве оселка задачу коммивояжёра. Это простейшая задача развозки, которая формулируется следующим образом: автомашине требуется доставить груз от одного отправителя n получателям, не заезжая при этом дважды к одному и тому же получателю. При этом пробег должен быть минимальный.

Методы динамического программирования. Методами динамического программирования задачу коммивояжёра решали Р. Беллман [3] и М. Хелд и Р. Карп. Основная идея этого метода заключается в следующем.

Весь процесс вычислений разбивается на $n+1$ стадий (n – общее количество пунктов завоза). На каждой k – стадии рассматривается пункт, номер которого равен номеру стадии. Для каждой дуги, выходящей из этого пункта, подсчитывается оценка (функция со-

стояния) F_k , и из всех оценок выбирается та, которая имеет минимальное значение. Соответствующая выбранной дуге комбинация пунктов проверяется на выполнение условий:

1) в каждый пункт входит только одна дуга;

2) из каждого пункта выходит только одна дуга;

3) в полученном фрагменте маршрута доставки груза нет подциклов (участков, замкнутых на себя).

Если на данной стадии все дуги нарушают эти условия, то производится возврат на одну стадию назад и принятая на этой стадии дуга $(k-1)-j$ игнорируется и выбирается следующая по оценке $F(k-1)-i > F(k-1)-j$ дуга. Если условия не нарушены хотя бы для одной дуги, то производится переход на одну стадию вперёд. Вычисления заканчиваются, когда достигнута $n+1$ стадия.

В изложенном виде этот алгоритм позволяет находить оптимальные решения для задач размерностью в 12–15 пунктов [1].

Методы целочисленного программирования. Методами целочисленного программирования (далее – ЦП) задачу коммивояжёра решали С. Миллер, А. Таккер и Р. Землин [4]. Действительно, в задачах маршрутизации мы имеем дело с дискретными ресурсами: у нас конечное целое число автомашин; у нас конечное целое число получателей; заказ по доставке продукции мы планируем, как правило, на каждый день, то есть время разбито на конечные интервалы (к мелкопартионным перевозкам относятся перевозки быстропортящейся пищевой продукции). Таким образом, у нас возникает система линейных ограничений в пространстве целочисленных переменных, мы имеем дело с задачей ЦП. Во времена С. Миллера, А. Таккера, Р. Землина машина не могла справиться в разумное время с задачей из 10 пунктов. В конце 1970 годов считалось успехом решение задачи из 100 городов и 10000 бинарных

переменных (матрица кратчайших расстояний 100×100).

Задача коммивояжёра – это самая простая из задач развозки, задача развозки – это всего лишь один класс задач маршрутизации. Вообще задача маршрутизации одна из сложнейших задач ЦП. И в настоящее время не существует эффективных методов решения таких задач большой размерности, которые возникают на практике.

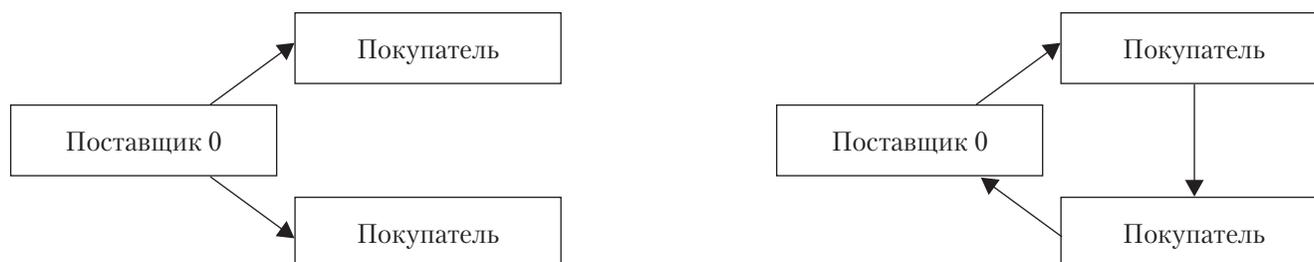
Метод «ветвей и границ». Использование метода «ветвей и границ» для решения «задачи коммивояжёра» впервые описано в работе «Алгоритм решения задачи коммивояжёра» [5]. Здесь процесс построения оптимального плана осуществляется следующим образом. На каждом шаге всё множество путей коммивояжёра разбивается на два непересекающихся подмножества, и для каждого подмножества определяется нижняя граница решения. Одно подмножество путей образуют пути, которые включают дугу $i-j$, а другое – пути, которые эту дугу не включают. Таким образом, в процессе решения строится «дерево» вариантов, имеющее в каждой вершине два ветвления. Если соответствующий одному из ветвей «дерева» вариант обхода пунктов имеет длину пути не большую, чем нижняя граница любого из неразбитых подмножеств, то этот путь является оптимальным. Если какое-либо неразбитое подмножество имеет нижнюю границу меньшую, чем длина найденного пути, то полученное решение и его нижняя граница запоминаются, а решение продолжается с того подмножества, которое имеет минимальную нижнюю границу. Процесс вычислений продолжается, пока не будет найден путь, длина которого не превышает нижних границ неразбитых подмножеств или пройдены все пути.

Метод «ветвей и границ» позволяет в разумное время решать задачи для 40–50 пунктов.

2. Эвристические методы.

Это самая многочисленная и наиболее применимая на практи-

Рис.1. Радиальный и кольцевой маршруты

ке группа методов. Преимущество этих методов – гибкость в учёте практически важных условий и эффективное использование специфики задач маршрутизации автомобильных перевозок. Эвристические методы преследуют цель улучшения, но не гарантируют нахождения оптимального решения. Задача развозки мелкопартионных грузов – это задача ЦП, NP-сложная задача, а в настоящее время ещё не разработаны эффективные точные методы их решения. Поэтому эвристические методы пока единственные для решения задач ЦП. Эвристические алгоритмы решения задачи развозки включают два этапа:

- группировка пунктов по маршрутам;
- определение рационального порядка объезда пунктов. Задачу о группировке пунктов по маршрутам можно решить как частный случай задачи о назначениях.

Рассмотрим наиболее распространённый эвристический метод решения задачи маршрутизации: метод Кларка-Райта, он же экономизирующий метод, он же метод «функции выгоды».

Наиболее распространённым методом решения «задачи развозки» является *метод Кларка-Райта* [6], известный за рубежом под названием «*экономизирующий*». Этот метод, согласно принятой в данной работе классификации, относится к группе эвристических. Основная идея его заключается в преобразовании начальной системы маршрутов таким образом, чтобы каждое отдельное преобразование давало наибольшее улучшение.

Г. Кларком и Дж. Райтом в качестве показателя улучшения маршрутов предложена экономия пробега. За счёт чего возникает экономия? Покажем на простом примере.

Предположим, у нас есть два получателя i и j , которым требуется доставить товар. Можно доставить товар либо двумя радиальными маршрутами, либо одним кольцевым:

В первом случае общий пробег составит:

$$L_1 = 2l_{0i} + 2l_{0j}. \quad (1)$$

Во втором случае общий пробег составит:

$$L_2 = l_{0i} + l_{ij} + l_{0j}. \quad (2)$$

Экономия при применении кольцевого маршрута вместо двух радиальных составит:

$$f(i, j) = L_1 - L_2 = l_{0i} + l_{0j} - l_{ij}. \quad (3)$$

Когда мы решаем задачу развозки мелкопартионных грузов, у нас n получателей. Мы составляем систему из n радиальных маршрутов $\{0, i, 0\}$, где $i=1, 2, 3, 4, \dots, n$. Система радиальных маршрутов удовлетворяет условиям задачи развозки, но содержит очень много мелких маршрутов. Эту систему преобразовываем, постепенно объединяя маршруты (превращая радиальные маршруты в кольцевые). Маршруты объединяем с учётом значений функции выгоды, стремясь к наибольшему сокращению длины маршрутов.

Иногда метод «функций выгоды» быстро приводит к оптимальному решению, но это бывает далеко не всегда, к тому же, метод «функций выгоды» не даёт оценки отклонения полученного решения от оптимального.

Благодаря простоте производимых вычислений этот метод работает достаточно экономично, что и обусловило широкое распространение его разнообразных версий, приспособленных для решения многочисленных вариантов задач маршрутизации при перевозках мелких партий грузов.

3. Теория графов.

Теория графов широко используется при рассмотрении транспортных задач на сети, а также для проектирования сложных систем в виде сетевой модели (например, широко известная американская система «ПЕРТ»). Также теория графов применяется для описания топологии транспортной сети региона – множества транспортных узлов и коммуникационных сообщений между ними. На основе так называемых динамических транспортных карт можно построить математическую модель описания грузовых перевозок в данном регионе [7].

Из теории графов в транспортной науке широко применяются алгоритмы нахождения кратчайшего пути, критического пути, максимального потока, сетевые графики работ, построения дерева минимальной суммарной длины и некоторые другие алгоритмы.

В частности, широко используется алгоритм нахождения максимального потока углеводородного сырья. Напомним, что граф, дуги которого имеют неотрицательную характеристику, называется сетью. Для ориентации надо иметь в виду реальные сети нефтепроводов или газопроводов. В сети может быть несколько истоков (добывающих

центров газа или нефти) и несколько стоков (потребителей газа или нефти), остальные вершины сети являются транзитными (газо- или нефтеперекачивающие станции). Задача о нахождении максимального потока состоит в определении максимальной величины объёмов газа или нефти, которые могут быть перекачаны суммарно от всех источников ко всем стокам. Классический алгоритм Форда-Фалкерсона (см., например, [8]) справляется с этой задачей.

4. Имитационное моделирование.

Весьма мощным и перспективным методом исследований систем и протекающих в них процессов является имитационное моделирование этих систем и процессов с помощью ЭВМ. Тем более что непрерывно развиваются и совершенствуются специальные языки программирования, растёт удобство пользования ЭВМ и их мощность.

Имитационное моделирование представляет собой численный метод проведения на ЭВМ экспери-

ментов с математическими моделями, описывающими поведение сложных систем в течение заданного или формируемого периода времени [9].

Здесь, конечно, нужно упомянуть основополагающую монографию по имитационному моделированию [10].

Метод имитационного моделирования вполне применим для решения задачи развозки мелкопартионных грузов по следующим причинам:

1) сложная структура маршрутов и сложная структура временных окон погрузки и разгрузки создают сложный объект моделирования;

2) заказы получателей продукции постоянно меняются во времени и пространстве, следовательно, меняются и маршруты развозки мелкопартионных грузов;

3) здесь мы имеем дело с задачей идентификации или структурного синтеза системы – заданы совокупности входных и соответствующих выходных сигналов системы, следует найти математическое описание самой системы;

4) необходимость исследования в динамике процесса функционирования системы.

Заключение по поводу использования экономико-математических методов и моделей на транспорте может быть таким:

1) методы математического программирования (точные методы) гарантируют нахождение оптимального решения задачи развозки, но при этом требуют колоссальных затрат машинного времени (поскольку это недетерминированная полиномиальная задача – NP). При существующей вычислительной технике они недоступны;

2) приближённые численные методы гарантируют нахождение субоптимального решения, близкого к оптимальному. Для решения задач небольшой размерности не требуется много машинного ресурса, при увеличении размерности трудоёмкость возрастает по экспоненте;

3) эвристические методы требуют сравнительно небольших затрат машинного времени и при большой размерности задачи, но они не гарантируют близости полученного решения к оптимальному.

Литература:

1. Житков В.А. Планирование автомобильных перевозок грузов мелкими партиями. – М.: Транспорт, 1976. – 31 с.
2. Foster B.A., Ryan D.M. An integer programming approach to the vehicle scheduling problem // *Operational Research Quarterly*. – 1976. V. 27. № 2. – P. 367–384.
3. Беллман Р. Применение динамического программирования к задаче о коммивояжёре // *Кибернетический сборник*. – 1964. Вып. 9. – С. 219–222.
4. Miller C.E., Tucker A.W., Zemlin R.A. Integer programming formulation of travelling Salesman problems // *J. Assoc. Comput. Mach.* – 1960. № 4. – P. 326–329/
5. Литтл Дж. и др. Алгоритм решения задачи коммивояжёра // *Экономика и математические методы*. – 1965. № 1. – С. 94–107.
6. Clark G., Wright J. Scheduling of vehicles from a central depot to a number of delivery points // *Operational Research Quarterly*. – 1964. V. 12. № 4. – P. 568–581.
7. Ковшов Г.Н. Моделирование основных направлений развития транспорта в системе народно-хозяйственного планирования // *Отв. ред. В.Н. Лившиц*. – М., 1985. – 198 с.
8. Форд Л., Фалкерсон В. Потоки в сетях. – М.: Мир, 1966.
9. Максимей И.В. Имитационное моделирование на ЭВМ. – М.: Радио и связь, 1988.
10. Шеннон К. Имитационное моделирование систем – искусство и наука. – М.: Мир, 1978.

А.С. ИВАНОВ, кандидат экономических наук,
Волгоградский государственный университет
A. Ivanov, candidate of economic Sciences,
Volgograd state University

Региональное экономическое пространство в системе мирохозяйственных связей Regional economic space in the world economic system

Аннотация: Исследование тенденции, противоречия пространственного экономического развития со всей очевидностью выявляют проблемы территориальной дифференциации, изменения горизонтальных, вертикальных связей хозяйственных агентов на данном экономическом пространстве, изменения значения уровней мирохозяйственной системы в отношениях производства и обмена. Такие изменения касаются усложнения хозяйственных связей в ходе международного разделения труда (МРТ), различия их концентрации в условиях развития рыночной инфраструктуры регионов, направленности потоков капитала, сырьевых ресурсов, рабочей силы.

Системное рассмотрение локализации и проявлений международных экономических связей и отношений на определённых региональных пространствах требует учёта многих, часто противоречивых факторов и процессов, изменчивости самих форм экономической и политической интеграции, появления новых угроз экономической, военно-политической безопасности регионов, появления и новых возможностей включения в эффективные региональные и корпоративные стратегии.

Abstract: Research trends, contradictions spatial economic development clearly identify the problems of territorial differentiation, changes horizontal, vertical relations of economic agents in this economic space, change the values of the levels of the world economic system in the relations of production and exchange. Such changes relate to the complexity of economic relations in the international division of labour (MRI), the differences of their concentration in the development of a market infrastructure in the regions, directional flows of capital, raw materials, work force. Systemic review of localization and manifestations of international economic relations and relations on particular regional space requires consideration of many, often contradictory factors and processes, the variability of forms of economic and political integration, the emergence of new threats to economic, military-political security of the regions and the appearance of the new features included in effective regional and corporate strategy.

Ключевые слова: инфраструктура, интеграция, территориальная дифференциация, международное разделение труда, внешнеэкономическая деятельность, экономические акторы, экономическая теория, глобализация, государство.

Key words: infrastructure, integration, territorial differentiation, the international division of labour, foreign economic activity, economic actors, economic theory, globalization, the state.

Системное рассмотрение мирового экономического развития предполагает поиск как самих субъектов этого развития, так и всего многообразия экономических связей, отношений, взаимовлияний. Развитие мировой экономики демонстрирует различные формы проявления экономической активности составляющих её элементов, построения хозяйственных связей, отношений. Принятая за некоторую аксиому

неизбежность процессов глобализации трактуется различными экономистами по-разному. Пытаясь выявить содержание этого «универсального» процесса, чаще всего выделяют движущие силы глобализации, а стремясь показать её объективность, подчёркивают диалектические основы такого процесса. Так, говоря о глобализации, действительно невозможно обойти вниманием и процессы регионализации мирохозяйственных связей и внеш-

неэкономической активности. Другой вопрос, какие движущие силы лежат в основе этих процессов, кто выступает их активными участниками.

В данной работе рассмотрим теоретические аспекты исследования проблем включения регионов различных масштабов в систему мирохозяйственных связей. Мы, прежде всего, исходим из признания роли экономического пространства в достижении масштабов и эффективности эконо-

мического развития и поведении экономических агентов.

Значение этого подхода к исследованию проблем формирования и развития экономических пространств заключается в его способности уйти от фиксированных наборов (зачастую противоречивых) категорий и представлений экономической теории и экономической географии. Исследуя с системных позиций понятие экономического пространства, мы не можем избежать стремления к его пониманию с точки зрения уровневого строения экономических систем. И такое понимание действительно уместно в том смысле, что оно позволяет найти связи, отношения, линии взаимовлияния экономических элементов, подсистем друг на друга, отграничить систему одного уровня от другого.

Подходы к выделению того или иного экономического пространства действительно различаются тем, как они характеризуют хозяйственную активность на той или иной территории: её формы, системообразующие элементы и связи, условия и факторы. Рассматривая эволюцию взглядов на роль категории пространства в экономической мысли, Ж.-Ф. Тиссэ замечает, что современная экономическая теория, упоминая эту категорию, делает это только в контексте международной торговли, отбрасывая при этом основные пространственные характеристики и рассматривая только оснащённость факторами производства [9, с. 94]. Естественно, что эта категория позволяет охватить всё многообразие экономической активности, но в данной работе мы берём именно внешнеэкономический контекст хозяйственной активности регионального пространства. При этом здесь используется методология, которая позволяет интерпретировать внешнеэкономическую активность хозяйственных агентов не только с точки зрения теории размещения, увязывая эффектив-

ность их внешнеэкономической деятельности с наличием / отсутствием тех или иных условий и ресурсов в регионе, а с точки зрения выделения, сопряжения, гармонизации факторов, стратегий различных акторов регионального пространства.

В данной статье мы принимаем допущение о том, что, отождествляя понятия «регион» и «региональное экономическое пространство», мы допускаем подвижность региональных границ и их определённую прозрачность, возможность концентрации, и наоборот – ослабления мирохозяйственных связей в своих условных границах. Включение региона в систему мирохозяйственных связей может происходить по-разному. Различия способов и условий регионального строительства проявляются с течением времени, когда в регионах того или иного масштаба кардинально отличаются уровни экономической, в том числе и внешнеэкономической, активности хозяйственных агентов. Во многом это связано с направленностью региональной локализации экономических акторов, оперирующих в международном масштабе. Транснационализация бизнеса, экспансия его на различные территории мира объективно носит наднациональный характер, преодолевая формальные политико-административные границы. Интенсивность этого процесса, включая размеры экспорта в те или иные регионы, объёмы прямых иностранных инвестиций, создание производственных мощностей, – подчиняются степени развитости рынка капитала, уровню инвестиционной привлекательности данного экономического пространства. Международные компании зачастую локализуют свою активность в определённых региональных пространствах, поэтому центрами притяжения компаний могут становиться как экономические пространства в национальных

границах, так и различные субнациональные и наднациональные образования.

Так или иначе, интегративное качество целостности мирохозяйственной экономической системы выражается в том, что она воспроизводится в результате согласованной или противоречивой политики экономических агентов, но в то же время это может приводить к серьёзным диспропорциям регионального развития, неэффективному использованию ограниченных ресурсов. Другой вопрос – насколько эффективно происходит гармонизация экономических интересов, обеспечивается устойчивость развития.

Ф. Перру, различая геоэкономическое и экономическое пространства, уже в конце 40-х годов прошлого века показывает, как феномен делокализации экономической деятельности раскрывает гипотетический план использования страной товаров и услуг. Во многом это закладывает основу под соответствующую методологическую интерпретацию диалектического взаимодействия глобализации и регионализации. Всё множество экономических пространств он сводит к трём видам: экономическое пространство, определяемое планом; экономическое пространство как силовое поле; экономическое пространство как гомогенный агрегат [8, с. 81].

Первый тип экономического пространства определяется как результат действия планов экономического освоения данного регионального пространства при данном же уровне его наделённости условиями и факторами производства. В известной степени это соотносится с действием так называемого L-фактора (location) в парадигме OLI Даннинга, описывающей логику прямых иностранных инвестиций компаний в разных странах [11]. С другой стороны, объективная локализация внешнеэкономической активности субъектов, расположенных

в данном регионе, – результат действия планов как самих этих субъектов, так и интеграционной активности властных структур этого региона (квазирегиона, страны).

Среди мотиваций, реализуемых экономическими агентами, распространяющими экспансию на территорию конкретного экономического пространства, можно выделить такие: 1) мотивы, связанные с осуществлением про- и антиторговых прямых иностранных инвестиций ТНК; 2) направленные на создание эффективных корпоративных механизмов распределения ресурсов и разделения труда для преодоления зависимости от национальной экономики; 3) ориентированные на преодоление торгово-политических барьеров принимающих государств (рыночно-ориентированные мотивы); 4) ресурсно-ориентированные мотивы (когда ТНК вынуждены искать новую ресурсную базу в условиях удорожания ресурсов или их исчерпания в стране базирования); 5) технологически ориентированные мотивы; 6) мотивы повышения эффективности за счёт международного маневрирования ресурсами. Так, указывая на действие последних четырёх факторов, А. Березной отмечает характер международной экспансии российских компаний на зарубежных рынках и в приобретении зарубежных мощностей, иллюстрирующей диверсифицированный характер их внешнеэкономического стратегического планирования [1, с. 37].

Возможны различные способы зарубежной экспансии, которые могут применять компании. В добывающих отраслях это могут быть поиск природных ресурсов, рост производительности, поиск стратегических активов и поиск новых рынков. В этом смысле вклад того или иного региона в деятельность компании будет определяться размерами и эффективностью активов компании на его территории, а это, в свою

очередь, зависит от того, насколько будет согласовываться региональная политика (промышленная, инвестиционная, политика занятости) и правовые условия со стратегиями крупных ТНК, приходящих в регион. Анализируя активность российских корпораций за рубежом, В.Б. Кондратьев отмечает и низкое значение показателя экспансии российских ТНК за пределы национальных границ (ЛУКОЙЛ добывает за рубежом лишь 6% всей нефти, тогда как Exxon-Mobil – 82,7% или даже малайзийская Petronas – 40%), и низкую эффективность приобретаемых активов [4, с. 26].

Повышение конкурентоспособности того или иного регионального пространства, осуществляющего ВЭД, возможно также на основе многих способов. Происходящие в Европе процессы формальной европейской интеграции с успехом дополняются интеграционной активностью на субнациональном уровне власти. Развитие вертикальных связей между уровнями власти по линии регион – государство – ЕС при одновременном развитии горизонтальных связей приводит к созданию специфических политико-экономических механизмов управления экономической активностью различных акторов, находящихся в пределах или за пределами данных субнациональных пространств. Возможности реализации квазирегиональными политическими и хозяйственными пространствами, какими являются национальные республики и макрорегионы, а также наднациональные региональные интеграционные образования, расширяются в той мере, в какой именно на самом высоком уровне политической и экономической интеграции создаются институты и организации, обеспечивающие реализацию таких интересов.

Например, в работе Я.Д. Лисоволика развивается идея либерализации внешнеэкономической

активности в её региональном контексте. Он выделяет такой специфический инструмент международной интеграции, как микрорегионализм. Микрорегионализм – как рост взаимодействия между регионами отдельных стран – вполне иллюстрирует возможные намерения макрорегионов повышать внешнеэкономическую активность их экономического пространства. Это своего рода инструмент «мягкой» интеграции, который призван за счёт широкого спектра социально-экономических мероприятий интенсифицировать экономическое взаимодействие приграничных регионов, что может облегчить последующее проведение интеграции на межнациональном уровне [6, с. 44].

Ф. Перру отмечает, что в экономическом пространстве, представленном в виде силовых полей, страна становится либо местом действия сил или набором центров или полюсов, из которых исходят и к которым притекают эти силы [8, с. 90]. Методологическая интерпретация экономического пространства как силового поля, состоящего из полюсов, центров, из которых исходят центробежные силы и в которые направлены центростремительные силы, предполагает, на наш взгляд, что исследуемое региональное образование, например наднациональная интеграционная группировка, привлекает в своё пространство и удаляет из него множество факторов, ресурсов, создаёт и разрушает экономические связи и отношения.

Тенденция формирования так называемых функциональных регионов иллюстрирует это концептуальное положение. Так, процесс корпоративной интеграции, как установление взаимосвязей в рамках межгосударственного внутрифирменного пространства, где свободно перемещаются товары, капитал, рабочая сила, создаёт своеобразные внутренние рынки. Регионализация глобаль-

ных стратегий ТНК происходит на основе сопряжения корпоративных специфических преимуществ (firm-specific advantages, FSA) с преимуществами страны размещения (country-specific advantages, CSA). Возникают своего рода региональные центры, группы наибольшей экономической активности. Здесь мы учитываем возможность регионализации как на уровне межнациональных, так и внутригосударственных экономических процессов. Возможны различные варианты создания такого пространства.

А. Либман и Б. Хейфец выделяют три таких случая, когда:

1) формирование функционального региона может быть предлюдей к созданию формального интеграционного объединения;

2) корпоративная интеграция может стать субститутутом формальной интеграции;

3) интенсификация корпоративной интеграции может быть результатом формальной региональной экономической интеграции [5, с. 17].

Когда создание таких образований искусственно и подчиняется исключительно административной логике территориального зонирования, экономическое содержание регионов не учитывается, оно не обеспечивает, в конечном счёте, возникновения силовых полей притяжения экономической активности. В другом случае целостность экономического пространства региона предъявляет особые требования к политическим и институциональным условиям его экономического развития.

Исследуя тенденции, противоречия пространственного экономического развития, невозможно избежать проблемы территориальной дифференциации, изменения горизонтальных, вертикальных связей хозяйственных агентов на данном экономическом пространстве, изменения значения уровней мирохозяйственной системы в отношениях производства и

обмена. Такие изменения касаются усложнения хозяйственных связей в ходе международного разделения труда (МРТ), различия их концентрации в условиях развития рыночной инфраструктуры регионов, направленности потоков капитала, сырьевых ресурсов, рабочей силы. Одним из наиболее типичных проявлений дифференциации экономического пространства, происходящей на этом фоне, выступает территориальное деление по форме «центр–периферия».

Нам представляется, что вне зависимости от того, является ли региональное пространство экономическим (в понимании Перру), центр–периферийное деление будет являться отражением различий регионов или их отдельных территорий, основанных на процессах накопления капитала. Вместе с этим концентрация создаваемой в ходе МРТ прибавочной стоимости в центре мирохозяйственной системы (в «центрах», в зависимости от масштаба исследуемого пространства) приводит к постоянным процессам экономической экспансии самих этих центров.

Как отчасти говорилось выше, это может происходить формальным способом (политическая интеграция территорий) и в результате корпоративной экспансии. Возникновение сети межфирменной коммуникации, межрегионального перелива капитала, усложнение хозяйственной координации приводит, если воспользоваться логикой Н. Лумана, к таким следствиям, как:

1) возникновение форм территориальной дифференциации,

2) воздействие рефлексии на собственную идентичность и разнообразие,

3) интерес к эффективному контролю над процессами по ту сторону границ [7, с. 85].

Если первое следствие, как это естественно предположить, выражается в различиях уровней экономического развития терри-

торий, то второе во многом связано, с одной стороны, с переносом бизнес-практик и стандартов корпоративных отношений, с другой, с реализацией целей региональной экономической политики, её автономизацией. В идеале, конечно, необходимо сопряжение индикативных планов и стратегий регионов со стратегиями корпораций, ТНК, работающих на их территории, использующих их ресурсы. Третье следствие связано с экстенсивным расширением хозяйственных трансакций – либо путём развития внешнеторгового оборота, либо расширением инвестиционной активности, либо же распространением внутрифирменной кооперации в ТНК.

Интерпретация системы мирохозяйственных связей с помощью центр–периферийного подхода позволяет выделить уровни мировой хозяйственной организации и, вместе с тем, показать пространственную сторону МРТ. Как известно, он выделяет центр, ядро, специализирующееся на производстве монополизированной продукции с высокой добавленной стоимостью, периферию, работающую преимущественно в условиях конкуренции и специализирующуюся на сырьевых отраслях, и полупериферию, обеспечивающую массовое производство продукции по технологиям, передаваемым им материнскими компаниями ТНК.

Предложенный И. Валлерстайном термин полупериферии, как и вся центропериферическая конструкция, относится к глобальной трактовке мирового хозяйства. Однако можно предположить, что регионы отдельных стран, наднациональные, региональные группы также могут проявлять черты одного из трёх этих уровней. В современной действительности они во многом вступают в глобальную конкуренцию за условия и ресурсы. Получающаяся объёмно-пространственная модель такой системы мирохозяйственных связей [2, с. 58]

имеет «вертикальный срез», отражающий специализацию её уровней в МРТ, «осевое» разделение труда между ними и «горизонтальный срез», раскрывающий транснациональные сетевые связи, осуществляемые на уровне ядра и полупериферии. Так, по мнению Р.С. Зуйкова, изменение миросистемных связей заключается в формах неравноценной производственной кооперации, осуществляемой в рамках сетей ТНК и их филиалов. Вместе с этим важным проявлением трансформации миросистемности выступает тенденция пространственно-территориальной дифференциации современной миросистемы на региональные подсистемы, дополняющая её структурное центропериферическое членение, – это процессы регионализации в виде интеграционных объединений [2, с. 58].

Преодоление серьёзных противоречий, сложившихся вследствие процесса «политического переплетения» и практики «кооперативного» федерализма в ФРГ, основывается на усилении региональной секторной специализации. В условиях, когда решения бизнес-сообщества ориентируются не на национальную экономику, а на общий европейский рынок, децентрализация влияния секторной специализации (а в Германии она именно региональная, а не национальная) переносит необходимость использования сравнительных преимуществ с национально-го на региональный уровень [3, с. 107]. Естественно, что условия глобализации, открытость рынков для внешней торговли, особенно в приграничных регионах, противоречат централистским устремлениям Федерации, которая должна обеспечивать больше степеней свободы для регионов страны в реализации их внешнеэкономических стратегий.

Принимая во внимание возможность (и необходимость) критического отношения к подобным

тенденциям, мы должны учитывать специфику организации регионального пространства и федеративных отношений в России, чтобы исключить возможность экономического оппортунизма отдельных регионов, федеральных округов, национальных республик. Представляется, что оптимальным здесь должно быть разумное сочетание в проведении политики гармонизированного роста и «конкурентного» федерализма.

Исследование в работе В.П. Федорова процессов капиталообмена в рамках европейского пространства выявляет тенденции образования экстерриториальных пространств, своеобразных экономических зон, выходящих за политические границы стран ЕС гравитационных центров, в которых таким образом сочетаются национальное и транснациональное хозяйство [10, с. 15].

Понимание регионального пространства с использованием теоретико-методологических оснований Перру, как гомогенного агрегата, предполагает, на наш взгляд, развитие однородных условий конкуренции на экономическом пространстве макрорегиона, позволяющих хозяйственным субъектам формировать единые принципы ценообразования в рамках сложной сети национальных и международных рынков. Говоря об экономическом пространстве с точки зрения отношений гомогенности, Перру считает, что, за исключением случая интегрального планирования, национальное пространство представляет собой сложную сеть национальных и международных рынков, разграниченных по категориям благ, услуг и цен, устанавливаемых в национальном пространстве, внешних пространствах, а также в пространствах экономических планов правительств и граждан [8, с. 91]. Это в определённой степени служит предостережением от искушений создать не-

кое искусственное региональное пространство, на котором будут локализованы экономические взаимодействия и с которым будут организованы внешнеэкономические связи с требуемым уровнем эффективности, обеспечивающие требуемый уровень макроиндикаторов (в том числе по ВЭД).

Противоречивость, сложность, отчасти стохастичность указанных тенденций хорошо подчёркнута В.П. Федоровым, когда он отмечает, что если раньше сущностью мирохозяйственных отношений был мировой рынок, торговля, то сейчас таковой служит мировое хозяйство: «происходит иррациональное сочетание геометрии с географией. Существование и развитие Большого хозяйства имеет противоречивые последствия для воспроизводственных процессов. С одной стороны, оно даёт своим участникам больше шансов обеспечить экономический прогресс благодаря многосторонней кооперации, с другой – способно усилить нерациональность стихии, неорганизованность, с чем не может смириться правительство и с чем оно борется, фиксируя временные успехи и неудачи на этом пути» [10, с. 12].

В заключение нужно сказать, что опыт мирового экономического развития демонстрирует тенденции адаптации экономической политики отдельных стран, международных региональных объединений, регионов отдельных стран к объективному процессу экономической интеграции. В условиях гетерогенной отраслевой, секторальной специализации российских регионов возрастает необходимость переориентации усилий государства на формирование и поддержание конкурентных преимуществ регионов, федеральных округов, укрепление их внешнеэкономического потенциала на основе реализации принципов субсидиарности и солидарности, что, в конечном итоге, должно способствовать дости-

жению единства, однородности и непрерывности хозяйственного пространства России.

Системное рассмотрение локализации и проявлений международных экономических связей и

отношений на определённых региональных пространствах требует учёта многих, часто противоречивых факторов и процессов, изменчивости самих форм экономической и политической интеграции,

появления новых угроз экономической, военно-политической безопасности регионов, появления и новых возможностей включения в эффективные региональные и корпоративные стратегии.

Литература:

1. Березной А. Транснационализация российского бизнеса // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. № 11.
2. Зуйков Р.С. Миросистемность: критерии и трансформация // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. № 8.
3. Каширских О. Германский федерализм: от «кооперативного» к «конкурентному» // *Современная Европа*. – 2007. Вып. IV. Окт.-дек.
4. Кондратьев В.Б. Корпоративный сектор государство в стратегии глобальной конкурентоспособности // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. № 3.
5. Либман А. Корпоративная модель региональной экономической интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. № 3.
6. Лисоволик Я.Д. Конкурентная Россия в мире «конкурентной либерализации». – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2007.
7. Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. – М.: Логос, 2006.
8. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. – 2007. № 2.
9. Тиссэ Ж.-Ф. Забвение экономического пространства // *Пространственная экономика*. – 2007. № 4.
10. Федоров В.П. Западная экономика: бессистемность вместо циклов // *Современная Европа*. – 2009. № 2.
11. Dunning, J.H. Location and the multinational enterprise: a neglected factors // *Journal of international Business Studies*, 29, 1, 1998, p. 45–66.

А.А. ДОМАШЕНКО, кандидат экономических наук,
Урюпинский филиал Волгоградского государственного университета
A. Domashenko, candidate of economic Sciences,
Uryupinsk branch of Volgograd state University

Управление развитием малых социальных систем Management of development of small social systems

Аннотация: Установлено, что одной из основных причин, нарушающих процесс жизнедеятельности отдельных организаций, является то обстоятельство, что при их создании практически не учитывается социальная составляющая, и организации часто рассматриваются как чисто экономические или административные системы. Это обостряет чувство социальной незащищённости членов сообщества, что влечёт обострение отношений в коллективе, снижение заинтересованности людей в работе, отсутствие творческой инициативы.

Abstract: It is Established, that one of the main reasons that violate the process of life of the individual organizations, is the fact that when they are created virtually ignores the social component, and organizations often considered as purely economic or administrative system. It intensifies the feeling of social insecurity of community members, which leads to aggravation of relations in collective, the decrease of interest of people in work, the lack of creative initiative.

Ключевые слова: самоуправление, самоорганизация, социальная система, инновации, жизнеспособность, развитие, совершенствование.

Key words: self-management, self management, social system, innovation, sustainability, development, improvement.

Проявившееся за годы реформ резкое усиление дифференциации по уровню социально-экономического развития, питающее дезинтеграционные тенденции, превратилось в одну из наиболее острых проблем, которая требует разрешения в процессе устойчивого развития экономики страны. В локальном масштабе цель социально-ориентированного управления социальными системами состоит в организации жизнедеятельности социальной системы, а также повышении комфортности проживания внутри неё. Актуальность изучения сложных социальных систем состоит в необходимости применения научно обоснованных результатов исследования форм и методов социально-ориентированного управления для постоянного и непрерывного совершенствования существующих естественных и искусственных организаций.

Понятие социальной организации вошло в научный оборот относительно недавно, лишь после работ

М. Вебера. Вслед за ним ведущие социологи – Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Блау, Д. Скотт, М. Крозье, Р. Лайкерт и многие другие – стали обращать самое пристальное внимание на изучение организаций. Они заложили основу общей теории социальных организаций, которая объясняет природу, строение и принципы их функционирования, даёт возможность организационного преобразования с целью совершенствования. Исследования общей теории социальных организаций создают основу для повышения жизнеспособности и эффективности как вновь создаваемых организаций, так и существующих систем.

Из российских учёных, внесших наиболее существенный вклад в разработку проблем теории организаций, следует назвать Г.В. Осипова, Н.И. Лапина, А.И. Пригожина. Работы этих учёных показали сущность организации – это, прежде всего, социальные отношения между членами социальной группы. Именно рассмотрение организации как целевой социаль-

ной группы с централизованным управлением в настоящее время является наиболее продуктивным подходом [1].

Установлено, что одной из основных причин, нарушающих процесс жизнедеятельности отдельных организаций, является то обстоятельство, что при их создании практически не учитывается социальная составляющая, и организации часто рассматриваются как чисто экономические или административные системы. Это обостряет чувство социальной незащищённости членов сообщества, что влечёт обострение отношений в коллективе, снижение заинтересованности людей в работе, отсутствие творческой инициативы.

Подавляющее большинство исследований социальных организаций посвящено экономическим формальным организациям (всевозможным фирмам, предприятиям, объединениям, концернам, акционерным обществам, финансово-промышленным группам и т.д.). Им же посвящена боль-

шая часть литературы по теории организаций, экономике организаций и организации производства и управления. Из совокупности свойств организации выделим наиболее важные:

1. Целенаправленность и ориентация на определённые цели.
2. Единый центр управления.
3. Организационная структура.
4. Организационная культура и регламентированное поведение.
5. Способность организаций выявлять и удовлетворять свои потребности, или способность выявлять и решать свои проблемы.
6. Способность к развитию.

Последнее свойство подчёркивают и достаточно подробно изучают многие исследователи. При этом под организационным развитием чаще всего они понимают структурные изменения. Так, Т. Парсонс, в своих исследованиях, противопоставлял процессы структурных изменений процессу уравнивания, «это различие проводится по признаку сохранения-разрушения границы» [2, с. 652]. Он считает, что «порядок очень реальное явление, но он и проблематичен. ...То, что порядок в системах действия основан на нормативном контроле, представляет из себя самое основное эмпирическое обобщение, которое... обросло всё новыми аргументами и иллюстрациями, особенно благодаря новым открытиям в области пограничной между биологическими и социальными науками» [2, с. 42–46]. Учёный констатирует, что устаревание механических теорий уже достаточно дискредитировало себя, и указывает на существование кибернетической и информационной теорий, появившихся в ряде научных работ.

В своих работах Т. Парсонс отмечает, что одним из важнейших свойств системы является то, что она обладает поведением. Сложные социальные системы облада-

ют способностью накапливать и передавать информацию и в них возникают процессы внутреннего самоуправления и самоорганизации. Благодаря этому система, подвергнувшись разрушительному воздействию, способна возвращать себе равновесие.

Некоторые учёные связывают организационное развитие с внедрением инноваций или социальных институтов [2, с. 42].

Другим важнейшим свойством является, способность организаций, подобно живому организму, быть целенаправленной системой, обладающей разумной деятельностью, которая проявляется в способности адекватно отвечать на вызовы окружающей среды, выявлять (распознавать) и удовлетворять социальные потребности. От этой способности зависит само существование организации.

Выстраиваемая под воздействием описанных выше свойств организаций, архитектура сложных социальных систем оказывает значительное влияние на качество управления, а следовательно, и на результаты их функционирования.

Оценка результатов деятельности с экономических позиций сложностей не вызывает. Сравнение фактических результатов с затратами ресурсов отражает реальное положение дел и является наиболее корректным и объективным индикатором оценки. Управление процессами развития не может быть суммой несвязанных регулятивных действий в сфере экономики, поскольку разрозненные мероприятия не способны привести к сбалансированному и социально ориентированному развитию муниципальных образований. «Ведь то или иное отличие от другого экономическое состояние народа возникает не просто из предшествующего экономического состояния общества, а из его предшествующего общего состояния» [3, с. 150].

Эффект от экономических преобразований складывается как совокупность социальных факторов, отражающих результаты переустройства среды жизнедеятельности населения. Достижимый эффект от работы социально ориентированной общественной системы может быть представлен в форме социального эффекта для общества (группы). Естественно, оценить его показателем прибыли или дохода невозможно. Показатель социальной эффективности может быть установлен как степень достижения определённого социального результата (цели). При этом совокупная значимость состоит в максимизации площади охвата решаемых задач при минимизации финансовых и ресурсных затрат.

Таким образом, решение социально-экономических проблем требует разработки определённого механизма межотраслевой координации, построенной на основе согласования интересов различных субъектов хозяйствования. Эффективное взаимодействие должно быть организовано с целью достижения качественно и количественно определённых результатов, добиться которых необходимо для улучшения условий жизнедеятельности системы на основе выработки адекватной экономической политики, способствующей экономическому росту. Преодоление тенденций дифференциации уровней социально-экономического развития, и хотя бы частичное решение проблем диспропорциональности развития тесно связано с возобновлением общей экономической активности, повышением эффективности хозяйственной деятельности, ростом производства, повышением доходов и уровня жизни населения и, в конечном счёте, повышением конкурентоспособности российской экономики в мировом контексте.

Литература

1. Фролов С.С. Социология организаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <http://lib.rin.ru/doc/i/15968p.html> (дата обращения 15.01.2010)
2. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер с нем. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

Д.В. МАСЛЕННИКОВ, доктор философских наук, профессор НОИР
D. Maslennikov, doctor of philosophical Sciences, Professor NOIR

«Злая тьма манихейская...»
(Гностицизм как источник культа зла в истории европейского общества)
«Evil darkness Manichaeon...»
(Gnosticism as a source of evil cult in history of the European community)

***Аннотация:** Автор исследует истоки гностицизма, его основные принципы и ветви, а также влияние гностицизма на развитие европейской культуры.*

***Abstract:** The author explores the origins of Gnosticism, its basic principles and branches, as well as the influence of Gnosticism on the development of European culture.*

***Ключевые слова:** христианство, гностицизм, духовная культура, мироздание, дуализм, плюрализм, богословие, христианская власть, добро, зло, власть, духовное пространство.*

***Keywords:** Christianity, Gnosticism, spiritual culture, the universe, dualism, pluralism, theology, Christian power, good, evil, power, spiritual space.*

Гностицизм – чрезвычайно сложное и, наверное, ещё недостаточно подробно изученное явление европейской культуры. И христианство, и гностицизм были формами синтеза наиболее значительных явлений духовной культуры прошлого. Однако синтез может быть двоякого рода. Он может осуществляться на основании постижения и выдвижения более глубокого основания такого, которое не заключено непосредственно ни в одном из синтезируемых элементов. При этом сливающиеся элементы существенно преобразуются, выявляя свою истинную природу. Таково христианство, в котором учение об умирающем и воскресающем Боге, эсхатологическая борьба доброго и злого начал мироздания, установление на земле божественного царства и другие моменты, содержание которых уже было развито в более ранних культурах, находят своё новое звучание в свете принципа торжества абсолютно духовного начала мирозда-

ния, преодолевающего дуализм добра и зла, духа и материи, души и тела.

Иное дело – та форма синтеза культур, которую предлагает гностицизм. Главное его содержание – в сохранении основного принципа предшествующей религиозности, достигшей в своём развитии состояния надлома. Этот принцип – дуализм. Практика же предшествующих культов получает здесь только синкретическое единство. Из прежних культов возможно восприятие как возвышенного, так и низменного, их иерархия может быть произвольна: там, где отсутствует монистический принцип, воцаряется в плюрализм многих, что и открывает дорогу произволу. Причастность последнему порождает иерархию посвящённых, тайну.

Христианская же церковь, напротив, видит своим долгом возведение истины каждому человеку.

Гностицизм представлял собой такую именно синкретическую

религиозную форму, которая наряду с христианскими мотивами включала в себя элементы зороастризма, иудаизма, ассирийских и египетских культов, а также многочисленные заимствования из астрологических, магических и герметических учений своего времени и из неоплатонической философии. Исторически сложились две ветви гностицизма: восточный (офиты, Саторпил, Василид, Кердон, Маркион, Вардесан, особой формой восточного гностицизма было манихейство) и западный (александрийская школа: Карпократ, Валентин).

За всем многообразием мифологической форм, в которые были облечены гностические учения, мы находим один важнейший принцип. А именно: абсолютный дуализм, противопоставление двух изначальных принципов мироздания – абсолютного добра и абсолютного зла, воплощённых в мире материи и в мире духа, в Боге и в дьяволе.

Для гностицизма недопустимо какое-либо смешение бога и сотворённой материи, которое отождествляется либо напрямую со злом (восточные гностики), либо с небытием (александрийские гностики). Из гностической «Библиотеки Наг-Хаммади» М.К. Трофимова приводит следующие тексты: «Тот, кто познал мир, нашёл труп, и тот, кто нашёл труп, – мир недостойн его... Тот, кто познал мир, нашёл тело, но тот, кто нашёл тело, – мир недостойн его».¹

Для объяснения сотворения мира привлекается посредник – демиург. В учении о демиурге – творце Вселенной – сказалось влияние неоплатонизма, восходящее к диалогу Платона «Тимей». Бог испускает из себя элементы своего существа – зоны, имеющие духовную природу. Демиург смешивает их с сотворённой им материей, и таким образом создаёт мир. Соответственно, демиург – создатель зла и господин в сотворённом мире. В традициях более поздних, но берущих своё начало от гностицизма, демиург зачастую напрямую отождествляется с дьяволом (у богомилов, к примеру, он носит имя Сатанаила). Человеческие души, являющиеся заключёнными в материи зонами, стремятся к соединению с изначальным божеством. В помощь им Бог посылает один из высших зонов, который гностики отождествляют с Христом. Христос, таким образом, для гностицизма – не Бог, но лишь одна из высших эманаций божества. Но и в качестве такового он не должен мыслиться смешанным с материей. Поэтому гностики настаивали на том, что природа Христа – чисто духовна. Его же присутствие в земной жизни – лишь фантом, призрак. (С подобным учением о бестелесной природе Христа выступил в IV веке Арий, внесший на долгие годы значительный раскол в христианскую церковь, породивший многие производные ереси.)

Но даже этот призрачный «Христос» не может даровать спасение всем людям: если для христианства – «перед Богом все равны», то важнейший постулат гностицизма состоит в изначальном неравенстве людей, в иерархии личностей. Практически всеми гностическими учениями человек понимался как микрокосм, состоящий из души и тела, в котором в различной степени отражались – Бог (духовное начало), демиург и материя. Вследствие этого гностики делили всех людей на три типа: пневматиков, в которых имел перевес дух из божественного мира; психиков, у которых имело место смешение духовного начала с материей; и соматиков, в которых господствовало материальное начало. Этические требования или практические правила относительно поведения людей у гностиков могли быть обращены только к психикам. Так «теоретически» узаконивалось деление людей на существ высшего и низшего порядка. Этой изначальной разделённостью всех людей оправдывалось наличие различных степеней посвящения в ранних гностических философско-религиозных общинах и, позднее, в религиозных организациях манихеев. Впрочем, нужно сказать, что это представление об изначальном неравенстве людей было весьма характерно для античной культуры. Наиболее ярко его выразил Платон в своём знаменитом диалоге «Федр».

Центральным вопросом гностической этики был вопрос об отношении к материи, плоти и её влечениям. В отношении этой проблемы среди гностиков уже имелись серьёзные различия: одни из них решали этот вопрос в духе аскетизма, другие выступали за «свободу плоти» в традициях эпикурейства – философского течения, очень влиятельного в эпоху поздней античности. Оба решения исходили из дуалистического воз-

зрения на мир и на материю, как источник зла или греха. Так, к примеру, Сатурнил и Маркион запрещали всякие для своих последователей чувственные наслаждения и удовольствия, в особенности в пище, отрицали брачную жизнь, которая, по их представлениям, вела к смешению с греховной материей. Другие (николаиты, большинство офитов, карпократиане) учили о том, что чувственность должна быть побеждена через удовлетворение её чувственными наслаждениями, поскольку нет ничего такого, что могло бы связать дух или победить его.

На практике нередко одна крайность переходила в другую. Например, своё основное требование «умертвления» плоти николаиты сначала стремились выполнить на пути строго аскетизма, а потом – на пути измождения в чувственных удовольствиях. Думаем, что именно в сочетании таких крайних подходах – основной источник противоречивости сведений об участниках средневековых еретических движений (богомилах, катаках, альбигойцах и т.д.), в которых мы можем встретить сообщения и о крайнем аскетизме, и, напротив, о крайней распущенности.

В целом же характерная черта гностицизма и духовно связанных с ним учений – отрицание материи, стремление уничтожить и подавлять всё чувственное, стремление, доходившее иной раз до организованного разрушения предметов материальной культуры (особенно святынь – храмов, церквей и т.д.) до массовых убийств и самоубийств. Сколь это разнится от светлого принципа христианской религии, утверждавшей посюсторонность Бога, воплотившегося в материи, принявшего образ совершенного человека! Для христианина материальный мир – воплощение воли Бога, а потому он требует почитания и восхищения, единственное зло – грех, но он коренится не в ма-

¹ Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. – М., 1979. – С. 44.

терии. Начало зла для христианина лежит всё же в области духовного – в свободе воли, отдавшейся во власть гордыни.

Согласно гностической доктрине, человек – пленник мира зла, и он мечтает освободиться из этого плена. Гностицизм указывает человеку путь к спасению, утверждая, что открывает ему его подлинную природу. Однако само это освобождение посредством достижения особого рода всеобъемлющего знания, так называемого «гносиса», носит относительный характер, поскольку само по себе знание не имеет нравственной природы. Таким уже образом гностицизм, по крайней мере, не исключает возможности развития заключающегося в нём мистического содержания в направлении культивирования его демонических начал. Эту возможность усиливал дуалистический характер гностицизма.

А.Ф. Лосев в своём обстоятельном исследовании гностицизма обращает особое внимание на «сатанизм» как на «исторически чрезвычайно важную и существенную сторону гностицизма в целом».² Это замечание тем более интересно для нас, поскольку в нём «сатанизм» гностицизма сопоставляется с «романтизмом», причём в проекции на последующее развитие культуры: «...Первый такой термин – «романтизм». Как здесь нужно понимать романтизм, об этом у нас уже было сказано выше, но о нём целесообразно вспомнить и сейчас... Действительно, что такое этот мир, который создаёт София? Мир создаётся здесь вовсе не в своей субстанции и, в частности, вовсе не как материальная вещь. В гностицизме мир есть ни что иное, как объективация субъективных переживаний самой Софии. Этот мир сам не знает ни своей сущности, ни своего происхождения. Он способен только вечно искать свою

истину и свою красоту и никогда не достигать ни того, ни другого. Но ведь это же и есть то, что в новой и в новейшей литературе именуется романтизмом. Это страстный уход в бесконечность, которую никогда нельзя достигнуть и которая в конце концов остаётся достоянием всё того же субъекта, уходящего в неизвестную, но смутно ощущаемую даль. В этом смысле гностицизм, несомненно, есть туманное пророчество новоевропейского романтизма».³ Поэтому, как нам кажется, не случайно в романтической литературе, начиная с Байрона, тема богоборчества, избранной личности, демонизма занимает столь существенное место. В культурологическом смысле корни как новоевропейского романтизма, так и новоевропейского сатанизма восходят к гностицизму эпохи поздней античности.

Противостояние гностицизма и христианства в духовном пространстве поздней античности особенно чётко прорисовывается по такому важнейшему, центральному для двух учений, вопросу, как вопрос о дуализме, т.е. о том, имеет ли мир одну или две первоосновы.

Святые Отцы и Учители Церкви Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Дамаскин, Епифаний Кипрский раскрывали логическую несостоятельность гностического мировоззрения, приводя два основных аргумента⁴. Во-первых, утверждая, что мир имеет дуалистическую природу, мы не можем удержаться на фиксации только двух субстанций (абсолютного добра и абсолютного зла): требуется указать третье, опосредствующее их начало, а также начало, опосредствующее это начало и т.д. Мышление, не возвысившееся до всеобщности своего предмета, есть недомыслие. Мышление, настаивающее на дуализме, есть отказ от самого мышления. Второе: если признать абсолютную

отрицательность (небытие, зло) самостоятельной субстанцией, то уместно будет признать её субстанцией единственной. В самом деле – если её природа состоит в отрицательном действии, то в безграничности времён она уже уничтожила положительную субстанцию, уничтожила себя. Тогда мир в сущности своей – ничто. А само «ничто» – «тайна бытия». Бытие оказывается для дуалистического мышления лишь видимостью, вечной помехой, тяготящей изначально несовершенный разум человека.

Отцы Церкви, настаивая на том, что нет особого начала небытия и зла, утверждая, что истинное понятие Бога и дуализм доброго и злого начала несовместимы, подчёркивали, что корень зла – извращение дьяволом и человеком высшего дара Бога – свободы. Свобода объявляется в христианском учении высшим даром Бога, сотворённым им сущностям. Но она же делает эти сущности из числа тех, которые обладают самосознанием (люди, ангелы, в Средние века иногда – и животные), лично ответственными за творимое ими зло.

В христианской патристике была заложена традиция этического понимания природы бытия, сближения его с Абсолютным Добром, Благом. Хотя уже для античного мышления общим было убеждение в том, что бытие есть нечто благое, однако в полной мере эта мысль укоренилась в позднеантичной культуре лишь вместе с христианством. Существенным звеном такого понимания стало понятие свободы, которое именно в христианстве раскрывает свою действительную всеобщность и полноту всех моментов. Вместе с этим небытие и зло понимается как нечто, не имеющее действительного бытия.

В противоположность гностицизму, в христианстве зло не может

² Лосев А.Ф. История античной эстетики. – М., 1992. – С. 303.

³ Там же. С. 303–304.

⁴ Творения Григория Богослова. Т. 4. – М., 1844; Творения Василия Великого. Ч. 1. – М., 1872; Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – М., 1992.

утверждаться как первоначало, как бытие, подобно тому, как это имеет место в отношении блага. Зло трактуется как результат действия свободной воли разумного существа, если она преступно расходится с волей Бога и с принципами установленного Им порядка бытия. Но это – последний акт свободы воли. Творя произвол, человек выпадает из лона свободного бытия.

Гностицизм принадлежал к числу тех духовных течений прошлого, которые потенциально могли стать мировой религией. Как и традиционное христианство, гностицизм сочетал в себе многие элементы духовной культуры, сформировавшейся в средиземноморском регионе. Он был лишён национальной ограниченности, содержал притягательные для человека эсхатологические мотивы. Наконец, гностические учения отличал очень высокий духовный потенциал: гностические писатели активно использовали классическое философское наследие.

Следует задаться вопросом, почему победила именно та форма христианства, которую мы знаем теперь как ортодоксально-католическую (принимая в расчёт и самоопределение православной церкви как «кафолической»), та форма, которая была в основных чертах определена на Вселенском Никейском соборе в 324 году н.э.? Если, став государственной религией, ортодоксальное христианство могло использовать государственный аппарат для борьбы против ересей, то в первые века нашей эры отцы церкви были лишены такой возможности. К тому же нельзя вообще переоценивать возможности использования государства церковью в течение первых двух третей первого тысячелетия (по крайней мере), так как, во-первых, многие представители государственной власти сами исповедовали еретические учения, прежде всего – арианство, а во-

вторых, власти не очень активно вмешивались тогда в церковные дела, так что приходилось прежде всего опираться на силу проповеднического слова и убедительность аргументации.

Дело, в конечном итоге, состояло в разной духовной ориентации этих учений. Видимо, гностические учения, а также развившиеся позже на их основе или под их влиянием религиозные формы не отвечали духовному запросу своего времени, прежде всего, из-за своего дуалистического содержания. Они, в отличие от церковной веры, не давали миру законченной формы нравственных ориентиров, оставляя его на распутье.

Вряд ли широкие массы были способны разобраться в тонкостях богословских и философских хитросплетений, но они не могли не почувствовать силы нравственной правоты, вдохновлявшей отцов церкви. Возможно предположить и то, что внутренний дуалистический надлом ересей делал их неспособными духовно «переплавить» наследие античных культур. В церковном христианстве обряд богослужения, архитектура храмов, логика богословия – всё было связано глубокими корнями с предшествующей культурой. Но здесь ничего не бралось без изменений, соответствующих новому горизонту видения истины. Из предшествующих цивилизаций воспринималось лишь то (или в основном то), из чего складывался фундамент будущего. В учении Церкви не могла не чувствоваться мощь движения, способного заложить этот фундамент.

Еретические же течения отличала неразборчивость и эклектика, тяготение к магическим и мистическим культам, эзотерическим учениям прошлого. Современнику часто было неясно, кому же служат в конечном итоге представители этих течений – Богу или дьяволу? И здесь проповеди Учителей и Отцов Церкви, в отношении которых не могли

возникнуть подобные сомнения, встречала благоприятная почва.

Потребовались, однако, века, прежде чем эта борьба завершилась духовной победой никейского вероисповедания, а еретические формы отошли на второй план культурной жизни общества, создав почву для распространения дуалистического мирозерцания и возникающих на его основе культовых практик.

Серьёзным испытанием для развивавшейся христианской культуры стало искушение манихейством, которое возникло при непосредственном влиянии гностицизма. (Может быть, не будет ошибкой сказать и более резко, определив манихейство как своего рода «экспортный вариант» гностицизма. Последний сам по себе был слишком рафинирован, чтобы стать религией, способной охватить широкие массы. Гностицизм скорее оставался тем духовным «бульоном», из которого питались и манихейство, и христианские ереси.)

Позже само манихейство оказало мощное влияние на формирование разновидности христианского вероучения, которое было главным конкурентом церкви в период становления её как государственного института, именно – арианства.

Основной религиозной традицией, в рамках которой утверждал своё учение Мани (216 – между 274 и 277 гг. н.э.), был гностицизм в его восточном варианте.

В целом сведения об основателе лжерелигии Мани (называемым также Манес или Манихей) весьма различны и зачастую противоречивы. При изложении истории возникновения манихейства и его основных постулатов мы будем пользоваться прежде всего трудами святого Епифания Кипрского, чьи полемические труды, направленные против различных ересей, всегда служили одним из важнейших источников.⁵ Важно и то, что Епифаний Кипрский был сравни-

⁵ Епифаний Кипрский. Творения. Спб, 1886.

тельно близок к Мани по времени своей жизни. Епифаний родился в 310 (по другим источникам, правда, в 322) году. В любом случае его отделяло от времени смерти Мани не более полувека.

Предысторию манихейства Епифаний возводит к первой половине первого века нашей эры. Примерно в это время близко к пределам Палестины жил некий купец по имени Скифиан, который благодаря удачным торговым экспедициям в Индию и Египет составил весьма значительный капитал. Епифаний отмечает, что Скифиан был знаком с индийскими учениями, хорошо знал греческий язык, отмечает влияние на него пифагорейцев. После многолетних путешествий по свету вернулся в родной город. Начав вести оседлый образ жизни, Скифиан развивает своё учение, изложенное им в четырёх книгах, носящих названия «Тайны», «Главы», «Евангелие», «Сокровища». Основные моменты его учения, разработанного под влиянием восточного гностицизма, предвосхищают ключевые положения манихейства.

Последователи Скифиана основали в Персии свою школу, наиболее значительным представителем которой был Мани. Ему приписывается авторство четырёх книг, излагающих содержание его учения: «Таинство Манихея», «Сокровище», «Малое сокровище» и «Об астрологии». Епифаний приводит цитату из первой книги Мани – вступительные слова: «Существовали Бог и материя, свет и тьма, добро и зло, совершено между собой противоположные, так что ни в чём друг с другом не имели общения».⁶ Изложим более подробно содержание учения Мани.

В соответствии с гностической традицией Мани признавал два безусловно самостоятельных первоначала, образующих два различных мира. Эти миры внутренне различны, имеют, как учил Мани,

сложную структуру и многообразные элементы. Элементы тёмного мира концентрируются в фигуре сатаны, который начинает борьбу с миром света, желая снять отрицательную природу зла, но не путём диалектического отрицания, как сказали бы мы сейчас, а путём непосредственного уничтожения мира света. Для борьбы с сатаной Бог создаёт лучезарного первочеловека или первого Адама. Именно он ведёт борьбу с сатаной. Видимо, здесь могли сказаться мотивы христианской легенды о борьбе архангела Михаила с дьяволом; если в монистическом учении христианства то, что не сам Бог, а ангел ведёт борьбу с князем тьмы, подчёркивает более высокую природу Бога по отношению к дьяволу, то в учении Мани: Бог и дьявол – лишь центральные элементы равноправных в системе мироздания царства.

В ходе этой борьбы – первочеловек побеждён, заточен на самое дно тёмного мира, откуда его приходится извлекать ангелам. По другой версии, первочеловека вывел из мира тьмы сам Бог, подав ему десницу. При этом он теряет частицы своей «светлой» природы. Для извлечения этих элементов из тьмы ангелами и создаётся наш мир в качестве средства для извлечения «светлых» элементов.

Мир состоит из смешения «светлых» и «тёмных» элементов, к последним относится вся материя и тело человека, душа же, напротив, состоит из элементов света. В этом манихейство несколько не расходится с ранним гностицизмом. Против человека, желая укоренения его в началах тьмы, ведут борьбу те же самые князья тьмы, которые вместе с сатаной боролись против первочеловека. Исход этой борьбы состоит в том, что «светлые» элементы постепенно выделяются из мира, так что в нём будут преобладать элементы тьмы (сродни христианскому учению о нравственном упадке мира

перед пришествием антихриста). Мир возгорится, и это будет означать окончательное разделение двух царств, в каждом из которых займут место люди соответственно своей природе.

В отношении Христа Мани, признавая его за явление Бога, отрицал, однако, его человеческую сущность. Епифаний указывает, что Мани разделял свойственный гностицизму обычай противопоставления Бога Ветхого Завета Богу Нового Завета. Важно при этом помнить, что право на адекватное толкование Евангелия Мани присвоил только себе, святотатственно отождествив себя со Святым Духом (видимо, поэтому в его учении всегда фигурируют только две другие ипостаси – Отец и Сын, если речь идёт о Боге).

Известно, что манихейская церковь имела несколько градаций посвящения, а религиозные обряды, о которых известно очень мало, напоминали христианские.

Главной чертой манихейства является доведённый до абсолюта и приобретший законченные формы дуализм. Характерно также отрицание главного пункта, на основании которого христианские мыслители обосновывали открывающийся человеку приоритет добра над злом: абсолютное воплощение Бога в земную природу человека. В манихействе речь идёт о личном спасении человека, а не об абсолютном нравственном выборе субъекта, ответственного за исход вселенской борьбы Добра и Зла. Для Манихея исход этой борьбы предопределён деятельностью более высоких сил, чем человек. Соответственно, в этическом учении манихейства постулируется социальная пассивность человека.

Если Зло вечно и равноправно с Добром, а во вселенской битве человек отвечает лишь за своё спасение, значит, его личное дело – кому он признаёт для себя лучшим служить: Богу или дьяволу, добру или

⁶ Там же, с. 260.

злу. Видимо, сам Мани призывал решить этот вопрос в пользу первого. Но объективно утверждаемая его дуалистическим учением нравственная неопределённость человека делает небезосновательными подозрения, что, по крайней мере, некоторые из его последователей могли решить этот вопрос иначе.

В целом всё учение манихейства носит антидуховный, антигуманный характер. Оно направлено против материальной природы человека, ведёт к мрачному аскетизму или к пренебрежению телесной стороной человеческой жизни, к пренебрежению вплоть до бездумного потакания всем влечениям чувственной природы. А в конечном итоге ведёт к телесной и духовной гибели человека. «Этот безумный Манес, желая устранить Бога от зла, напротив, приписал Ему вместе с тем большее зло. Он не стыдится осуждать всю тварь; взяв повод от бывающих с ним падений и простерши их одинаково на всё творение, он сделался скорее защитником и заступником зла, которое, как говорит, отвергает, а на самом деле вместо ненависти обращает к нему некоторую любовь и участие, когда даёт ему состоятельность и провозглашает оное вечным, всегда существующим с Богом и никогда не перестающим существовать».⁷

Более точную характеристику манихейству дать трудно! Оно является вполне последовательной, хотя и скрытой, формой апологетики абсолютного зла. Недаром там, где манихеям удавалось развить свою деятельность, с неизбежностью возникал культ зла, культ дьявола. Таковы те духовные последствия для истории европейской и восточной культур, которые имел гностицизм в лице своих последователей-манихеев, вульгаризировавших рафинированное учение ранних гностиков, но вместе с тем придавших ему своео-

бразную идеологическую форму.

Именно на основе манихейства сформировались ереси катаров, альбигойцев, павликиан и др., в связи с которыми в Средние века был широко поставлен культ дьявола. Понятие манихейства приобрело значение синонима ереси и дьяволизма. В последнем значении оно употреблялось ещё в XVIII веке.

Корень расхождения гностическо-манихейских учений и христианства можно также обозначить не только в богословском, но и в чисто философском аспектах.

Античная философия имела в целом два результата. Первый – практический: Аристотель воспитал Александра – того человека, который заложил политические основы нового мира. В этом мире синтез культур стал способом существования общества, а не спортивным явлением «на стыках» различных цивилизаций. Вторым результатом – теоретическим: был развит способ мышления, который позволил выразить в форме понятия смысл этого синтеза, логику духа, явившего в нём себя. Только «понятие» могло быть адекватно истине, открытой нам Воплощённым Логосом. Первооснова мира – Бог – раскрывается не как простая субстанция, но как Себя в Себе различающее Триединство, воплощающееся в истине человека – в Живом Логосе – и данное нам в Духе.

Но всякий синтез, тем более включающий синтез культур, имеет как положительную, так и отрицательную форму. Первая – это та, что восприняла в себя учение Церкви. Вторую мы связываем со значительным духовным движением начала новой эры – с гностицизмом и манихейством, как его практически ориентированной разновидностью. Мы видим, что по всем моментам гностицизм – полная противоположность христианству, настоящая антире-

лигия: христианство монистично, гностицизм дуалистичен; христианство понимает Божественную первооснову мироздания как внутренне различенное Единство, гностицизм – как две однородные сущности⁸; христианство возвышает природу как Божественное творение, гностицизм третирует её как «ничто», как порождение сатаны; для христианина Божественная Мысль, Божественный Логос воплощён в человеке, для гностика между человеком и Богом – пропасть; для христианина все люди равны перед Богом, для гностика изначально дифференциация людей; для христианина истина открывается духовно преображённой мысли, для гностика – от природы данной (правда, данной немногим) способности к мистическому созерцанию божественного; для христианина человек свободен, для гностика свобода – это только осознанная необходимость. К христианству неизбежно должна была обратиться мысль, вставшая на путь диалектического решения проблемы бытия, поставленной первыми античными философами (Парменидом). Гностицизм фиксировал отказ мышления от её решения.

Дуализм, таким образом, есть апологетика смерти. Античная философия показала путь, на котором разум может мыслить бытие в его единстве, мысля и одновременно не мысля «ничто». При этом последнее выступает в форме (хотя и не проявившейся как форма) абсолютной отрицательности, снимающей себя в положительность становящегося бытия.

Но для этого нужно было возвыситься до понимания мышления не только как абстрактной стихии (пусть даже всеобщей сущности бытия), но как мышления, имеющего ту же самую «материю», что и мышление конкретного человека. Именно этого-то пункта, развитого античной философией

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Абсолютно положительное «благо» и абсолютно отрицательное «зло».

в систему положительной (хотя и стихийной) диалектики, и не могли принять те, кто отрицал человеческую природу Бога, кто считал Христа призраком. Производные от гностицизма формы мировоззрения являются чистой апологетикой «ничто». Увы, не только теоретической, но и практической. Костры, кровавые религиозные войны, разрушенные храмы – вот плоды той борьбы, которую навязали в Европе утверждавшемуся монистическому христианскому мировоззрению дуалистические ереси. Дальнейшее развитие философии шло уже в силовом поле борьбы дуалистического и монистического мировоззрения. Отныне философия либо выступала как скрытая (по большей части) апологетика гностических принципов, либо стремилась найти новое, более глубокое основание философского монизма. Для этого ей пришлось не только восстановить всю глубину античной мысли, но и открыть в философском мышлении новое измерение, которые наиболее последовательно было выражено в немецкой классической философии.

В эпоху поздней античности синтез культур стал способом существования общества, а не спорядическим явлением «на стыках» различных цивилизаций. Но всякий синтез, тем более включающий синтез культур, имеет как положительную, так и отрицательную форму. Первая – это та, что восприняла в себя учение Церкви. Вторую мы связываем со значительным духовным движением начала новой эры – с гностицизмом. По всем моментам гностицизм – полная противоположность христианству, настоящая антирелигия: христианство монистично, гностицизм дуалистичен; христианство понимает Божественную первооснову мироздания как внутренне различное Единство, гностицизм – как две однородные сущности

(абсолютно положительное «благо» и абсолютно отрицательное «зло»); христианство возвышает природу как Божественное творение, гностицизм третирует её как «ничто», как порождение сатаны; для христианина Божественная Мысль, Божественный Логос воплощён в человеке, для гностика между человеком и Богом – пропасть; для христианина все люди равны перед Богом, для гностика изначально дифференциация людей; для христианина истина открывается духовно преображенной мысли, для гностика – от природы данной (правда, данной немногим) способности к мистическому созерцанию божественного; для христианина человек свободен, для гностика свобода – это только осознанная необходимость. Дуализм гностицизма, таким образом, есть апологетика бессмысленности бытия, апологетика смерти, теоретический источник столь значимого в истории европейской культуры культа дьявола. Для человечества является благом, что в своём историческом споре с христианством гностицизм оказался отодвинут на второй план позднеантичной культуры.

Однако культ дьявола в той форме, в какой он проявился в Европе XIII–XIV веков и позже, – это лишь наиболее яркая и наиболее откровенная форма поклонения и служения человека злу, но – не единственная. Отрицание смысла бытия, нигилизм, стремление к смерти и саморазрушению проявлялись и исторически проявляются по-разному. Самоуничтожение, «самонегация» личности парадоксальным образом связаны с самовозвеличиванием вплоть до прямого богоборчества. При этом искажаются, опошляются, теряются важнейшие понятия человека о мире и о себе: понятие свободы заменяет представление о произволе, право предстаёт как насилие, любовь подменяется страстью.

Место Бога в отвергнувшей его душе занимает пустота, небытие, которое, тем не менее, активно и субъективно. В мифологическом сознании – сегодня оно не менее типично, чем в древности – наделённое субъективностью небытие нередко приобретает черты дьявола, воплощающего в себе абсолютное зло.

«Такое зло есть одновременно и продукт раздвоения человека, – писал немецкий философ Рейнахрд Лаут, – и выражение его собственного Я... Такая жизнь во зле становится призраком жизни, потерявшей все концы и начала. Из-за отождествления со злом разрушается остаток добра в природе души. Растёт вера в иллюзорность и ложность ценностей. Терзание подтачивает всё, парализует волю равнодушием и ведёт к стагнации личности. В результате развиваются низменные и извращённые влечения: сладострастие, зависть, цинизм, неприязнь, хвастливость. Падший ангел, явившийся в огненном одеянии, становится жалким «ничтожеством», порочными способами поддерживающим свои жизненные стремления, пока совсем не погибнет. Оказывается, что зло, которое выступает как «более умный», «более глубокий и могущественный дух», на самом деле было только романтической фикцией, за которой скрывалось голое влечение к разрушению, жертвой которой должна была стать собственная сущность человека. “Бытие есть, а небытия вовсе нет” (Парменид). Однако можно оказаться в максимальной отдалённости от мира и Бога, от самого бытия. На этой добровольной обособленности и разрыве покоится сущность «преисподней». Неспособность к любви, безучастность к себе и ближним являются для души величайшей мукой. Только в смирении можно найти утешение при таких обстоятельствах».⁹

⁹ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – М., 1996. – С. 316.

Д.Б. Грызлов, ст. преподаватель НОИР
 Р.В. СКИДАН администрация Калининградской области
 А.В. ДЕМЕНТЬЕВ, ст. преподаватель НОИР
 D. Gryzlov, senior lecturer NOIR
 R. Skidan, the administration of the Kaliningrad region
 A. Dementiev, senior lecturer NOIR

Россия начала XX века: у истоков парламентаризма Russia in the beginning of XX century: at the origins of parliamentarism

Аннотация: Новые подходы к выборам в Учредительное собрание, рождённые новыми революционными потрясениями и войной, стали демократическим эпизодом, который в силу целого ряда причин и факторов не получил своего закрепления и развития в истории избирательного права.

Проблема заключалась в том, что действовавшее избирательное законодательство с его ограничениями и противоречиями не обеспечивало действительного волеизъявления населения страны. Незрелость гражданского общества в России, неразвитость его институтов, которые могли бы выражать интересы различных групп населения, включая и политические партии, низкий уровень правовой культуры в России, с одной стороны; косность и неспособность к развитию института самодержавной монархии, с другой, – всё это препятствовало эволюционному развитию государственного устройства Российской империи

Abstract: New approaches to the elections to the Constituent Assembly, born new revolutionary upheaval and war, became democratic episode that due to a number of reasons and factors have not received your pin and development in the history of suffrage. The problem was in the fact that the acting electoral legislation with its limitations and contradictions did not provide a valid expression of the will of the population. The immaturity of civil society in Russia, the underdevelopment of its institutions, which would Express the interests of various population groups, including political parties, the low level of legal culture in Russia, on the one hand; the inertia and failure to development of the Institute of autocratic monarchy, on the other hand, all this impeded the evolutionary development of the state structure of the Russian Empire

Ключевые слова: избирательное законодательство, выборы, Государственная Дума, Учредительное Собрание, голосование, ценз, государственное устройство, демократия, гражданское общество, политическая система.

Key words: electoral legislation, the election, the State Duma, the Constituent Assembly, voting, qualification, government, democracy, civil society, the political system.

В начале XX века избирательное законодательство России достигло такого уровня, когда в нём впервые появились детально регламентированные политические, организационные, материальные и юридические гарантии избирательных прав граждан. Положение о выборах в Государственную думу, несмотря на то что оно не обеспечивало подлинного демократизма выборов, явилось важной вехой на пути развития гарантий свободы выборов. Закреплённые в нём нормы в дальнейшем получили своё развитие в новых избирательных законах.

Введение в России законодательной выборной Думы было крупнейшим демократическим завоеванием, достигнутым в годы первой российской революции, несмотря на ограничения прав россиян, заложенные в Законе о выборах в Государственную думу, и ограничения прав самой Государственной думы

Это – важнейшее завоевание общества на пути к народовластию. Таким образом в России сложилась система, частично осуществлявшая принцип разделения властей со спецификой, присущей дуалистическому устройству: законодательная власть олицетворялась

императором, Государственной думой и Государственным советом, а высшая исполнительная – императором и Советом министров. В таком виде российская государственная машина, пытавшаяся приспособиться к чрезвычайным военным обстоятельствам (путем создания ряда особых совещаний с участием представителей общественности и делового мира для решения вопросов экономического обеспечения ведения военных действий), дожила до постигшей её в феврале 1917 г. катастрофы.

После Февральской революции 1917 г. в России возродилась идея Учредительного собрания как вы-

ражение одного из самых радикальных общедемократических требований, которое было великим символом всего освободительного движения, начиная с декабристов. Учредительное собрание предусматривалось как представительный орган для решения вопроса о государственном строе России вообще. Выборы членов Всероссийского Учредительного собрания в октябре 1917 – феврале 1918 г. – особая веха не только в истории отечественного избирательного права и процесса, но и российской государственности.

Требование созыва Учредительного собрания, основанного на началах всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном способе голосования, стало, пожалуй, наиболее важным лозунгом, который объединил разнородные политические силы и движения, подавляющее большинство российских общественных деятелей, участников многочисленных манифестаций, митингов и сходов. Уже 3 марта 1917 г. в рескрипте великого князя Михаила Александровича отмечалось: «Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облечённому всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»¹.

Идея созыва Учредительного собрания была поддержана и многократно подтверждена в бесчисленных заявлениях и резолюциях всех демократических, либераль-

ных, национальных партий, союзов, движений. Даже большевики, которые в каждом мероприятии Временного правительства усматривали «предательство народных интересов», из тактических соображений поддерживали идею созыва Учредительного собрания². Правые же справедливо полагали, что условия войны, революции и вызванного ими острейшего социально-политического кризиса – не лучшее время для созыва Учредительного собрания и решения стратегических вопросов конституционного устройства и социально-экономического развития России. По их мнению, выборы в Учредительное собрание следовало отложить до окончания войны. В дальнейшем эта идея стала центральным пунктом конституционных программ Белого движения – отложить выборы в новое Учредительное (Национальное) собрание до победы в Гражданской войне.³

В настоящее время проблемы исторических корней идеи-теории Учредительного собрания в России получили достаточно полное и всестороннее освещение в трудах профессора Л.Ф. Смирнова.⁴

Теоретические основы Учредительного собрания разрабатывали и обосновывали ведущие российские государственеды – профессора, принадлежавшие в основном к партии кадетов, такие как А.А. Боголепов, М.М. Винавер, В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, С.А. Котляревский, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде, А.Э. Нольде, Н.И. Лазаревский, А.И. Ивановский, В.В. Водовозов, К.Н. Соколов. Ими детально были проанализированы проблемы юридической природы

Учредительного собрания, порядка организации выборов, объёма полномочий, основных вопросов, подлежащих рассмотрению Учредительным собранием, включая проект Основных законов (Конституции) Российской республики, порядка открытия и работы Собрания.

Можно с полным правом утверждать что с издания Положения о выборах в Учредительное собрание начался новый этап в развитии избирательного права, отразивший складывавшиеся тенденции развития государственного устройства революционной России.

3 марта 1917 г. Временным правительством была обнародована декларация о его составе и задачах. Этим актом вводились выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и т.д.⁵ По смыслу упомянутый документ был равнозначен по меньшей мере закону, хотя его можно рассматривать как акт, устанавливающий основы общественного строя – миконституцию.

В основу деятельности Учредительного собрания было положено Положение о выборах в Учредительное собрание. Его разработка – заслуга Особого совещания, сформированного Временным правительством специально для этой цели. Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание являлось достаточно представительным учреждением, состав которого постепенно увеличивался. Если первоначально в Совещании было представлено более 60 человек, то к концу июля

¹ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. – М., 1996. – С. 144.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. – С.115, 187.

³ См. подробнее: Акт об образовании Всероссийской Верховной власти 26 (8)—10 (23) сентября 1918 года // Архив русской революции. – М., 1991. Т. 12. – С. 189–193; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932. – С. 65; Обращение к населению Верховного правителя адмирала А. Колчака 18 ноября 1918 года // Известия Министерства земледелия. – 1919. № 1. С. 4; Наказ А.И. Деникина представителям Добровольческой армии о целях ее борьбы (начало мая 1919 года) // Белое дело. – М., 1992. – С. 226.

⁴ См. подробнее: Смирнов Л.Ф. Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998; Его же: От Земских соборов – к Учредительному собранию // Журнал российского права. – 2000. № 1, 5, 10, 16, 17; Его же: Большие ожидания // Выборы. – 2001. № 4; Итог // Там же. № 5; Его же: Вступительная статья и комментарии к кн.: Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. – М., 1983 и др.

⁵ См.: Вестник Временного правительства. – 1917. № 1 (46).

(по подсчётам О.Н. Знаменского) – более 80, к сентябрю – около 110 человек.⁶

Особая роль в Совещании отводилась специалистам – известным юристам, которые имели опыт работы над проектами государственных законов. Среди них – В.В. Водовозов, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.А. Маклаков, Б.Э. Нольде и др. Кроме юристов, в состав Совещания вошли представители национальных групп и от отдельных регионов, армии и флота, «думских» и «внедумских» партий и различных общественно-политических и профессиональных организаций (Советов крестьянских депутатов, Советов рабочих и солдатских депутатов, Совета Всероссийских кооперативных съездов, Лиги равноправия женщин, Совета Союза казачьих войск и др.). Председателем Совещания Временным правительством был назначен известный юрист Фёдор Фёдорович Кокошкин.

Заседания Совещания открылись 25 мая 1917 г. Для более детальной проработки вопросов, связанных с подготовкой Положения о выборах в Учредительное собрание, Особое совещание образовало несколько комиссий: об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права, о системах избирательного права, о технической подготовке выборов, об избирательных списках и их обжаловании, о выборах в армии и флоте, о выборах на окраинах и т.д.

По обозначенным проблемам комиссии готовили доклады, которые выносились на рассмотрение всего состава Совещания. Принципиальнейшим вопросом (или «коренным», как назвал его А.С. Зарудный) явился выбор системы избирательного права. К началу ра-

боты Совещания (в марте–апреле) многие партии уже высказались за внедрение пропорциональной системы выборов. Однако такой подход вызывал и немало критических откликов. Окончательное решение оставалось за Особым совещанием, которое по вопросу о системах избирательного права образовало комиссию под председательством В.М. Гессена и товарища председателя А.Я. Гальперна. В её состав входили более 20 человек, среди которых были как известные правоведы, так и представители различных партий, общественных организаций и национальных групп.

Работа Особого совещания продолжалась до начала сентября 1917 г., и с августа шла параллельно с деятельностью Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Проект Положения о выборах разрабатывался и принимался не целиком, а по отдельным разделам или главам. 20 июля Временное правительство утвердило главы I–V раздела первого Положения, 2 сентября – главы VI–X раздела первого и раздел второй, 23 сентября – раздел третий, заключительный. Вслед за этим все три части были сведены воедино и опубликованы в виде брошюры в государственной типографии. Это был обширный документ, состоящий из 3 разделов, включающих в себя 15 глав и 258 статей.⁷

Положение о выборах в Учредительное собрание сумело учесть специфику регионов и политического развития России, менталитета её граждан, их чаяний и устремлений, явилось одним из наиболее демократических выборных актов среди аналогичных законов европейских и других стран. Как точно отметил Л.Г. Протасов: «Рассуждения по поводу закона о выборах во Всероссийское Учредительное

собрание кажутся праздными: всё равно ведь избирательная демократия в 1917 году не сработала. Однако этот исторический экскурс позволяет видеть в избирательной реформе 1917 года плод разумного компромисса, возобладавшего над узкопартийными интересами и амбициями»⁸.

Достаточно сложной была задача разработки избирательного законодательства и организации избирательного процесса. В этой связи профессор Б.Э. Нольде предупреждал: «...выборы в Учредительное Собрание не есть приглашение принять участие в совершении какого-то суда, какого-то особого политического таинства, а есть ответственная задача, которая оставлена здравому смыслу русского народа; пусть он трезво и спокойно обдумает дорогу, по которой должна идти его будущая власть, ибо, если он поторопится, если вместо служения свободе, справедливости и порядку Учредительное Собрание будет служить произволу, несправедливости и смуте, то ведь некому будет расхлёбывать кашу русской жизни, кроме как тому же русскому народу...»⁹

Абсолютно единодушны были российские учёные в определении демократического характера избирательного права, но высказывали различные точки зрения о самой избирательной системе – мажоритарной или пропорциональной. В частности, профессор В.В. Водовозов отмечал¹⁰: «Выборы будут производиться на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием. Право голоса будет распространено на женщин, не будут его лишены и военные, в том числе и солдаты, находящиеся в окопах. Спорны только некоторые частности закона, хотя и весьма важные, – например, вопрос о том, будут

⁶ См.: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. – Л., 1976. – С. 125.

⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т.9. / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1994. – С. 136–184.

⁸ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М., 1997. – С. 77.

⁹ Нольде Б.Э. Учредительное собрание и его задачи. – Пг., 1917. – С. 22–23.

¹⁰ Водовозов В.В. Учредительное собрание. – Пг., 1917. – С. 70.

ли выборы произведены по обычной системе избрания отдельных депутатов в отдельных округах по большинству голосов или по пропорциональной системе».

Подобные мысли высказывал и профессор К.Н. Соколов¹¹: «Насколько можно судить, будущая избирательная система для выборов в учредительное собрание рисуется у нас как всеобщее и равное избирательное право для лиц обо-его пола и со сравнительно и очень низким возрастным цензом. Весьма важным представляется, чтобы при составлении избирательного закона были приняты во внимание справедливые пожелания отдельных политических и национальных групп, и поэтому следует приветствовать решение Временного правительства привлечь к участию в работах организуемой им комиссии представителей всех, без исключения, существующих общественных организаций и политических партий».

Наиболее полно проблемы избирательного права по выборам в Учредительное собрание были освещены в работах одного из основных авторов избирательного законодательства профессора В.М. Гессена: «Русское Учредительное Собрание и выборы в него» и «Основы конституционного права»¹².

Анализируя различные избирательные системы, он отмечал: «...В настоящее время в среде наиболее влиятельных политических партий становится преобладающей мысль о предпочтительности, по сравнению с одноимёнными выборами, выборов по спискам: страна должна быть разделена на сравнительно небольшое число крупных избирательных округов; каждым округом избирается определённое, пропорциональное числу жителей, число депутатов...»¹³

И далее: «То, что, по общему правилу, признаётся существенным недостатком пропорциональной системы, а именно, чрезмерное влияние партийных комитетов на результаты выборов, – в условиях русской действительности может, по их мнению, оказаться её ценным преимуществом: на том уровне политического развития, на котором находятся в России широкие народные массы, партийная организация всеобщих выборов является необходимым условием их технической осуществимости. С другой стороны, только на основе пропорциональных выборов возможно соответственное представительство многочисленных и разнообразных групп, входящих в состав русского народа. О том, что эти группы должны быть соответственно представлены в Учредительном Собрании, казалось бы, двух мнений не может быть»¹⁴.

Эта точка зрения, далеко не бесспорная, в конечном итоге возобладавала, и в основу избирательной системы по выборам в Учредительное собрание была положена пропорциональная система.¹⁵

В итоге подготовленное Особым совещанием Положение о выборах в Учредительное собрание разительно отличалось от законов о выборах в Государственную думу. Новизна подходов объяснялась многими факторами объективного характера, общим политическим настроением общества в тот сложный период в жизни нашего государства, а также революционным настроением, характерным для большинства социальных слоёв в обществе.

В частности, был установлен возрастной ценз для избирателей – 20 лет, в то время как в Англии, США, Италии, Франции он равнялся 21 году, в Бельгии, Германии, Голландии, Испании – 25 годам. Избирательные права получили

женщины (в Англии, Германии, Франции и большей части штатов США они этих прав не имели). Избирательные права впервые в мире признавались за военнослужащими. Отменялись имущественный ценз, ценз оседлости и грамотности. Не было в Положении ограничений по принципу национальности и вероисповедания. Для избирателей нерусской национальности даже предусматривались дополнительные гарантии: возможность перевода избирательного бюллетеня на любой язык (ст. 60). Выборы были всеобщими, прямыми, равными. Отстранялись от участия в выборах лишь признанные в установленном порядке безумными или сумасшедшими, а также глухонемые, находящиеся под опекой. Лишались избирательных прав осуждённые к каторге (в течение 10 лет по отбытии наказания), ссылке на поселение, заключению в исправительном доме, тюрьме или крепости с лишением или ограничением прав состояния (в течение 5 лет по отбытии наказания); осуждённые за кражу, мошенничество или растрату, а также за деяния, имевшие целью нарушения свободы и правильности выборов в законодательные учреждения и органы самоуправления (в течение 3 лет по отбытии наказания); несостоятельные должники – «злонамеренные банкроты» (до истечения 3 лет после такового их признания в судебном порядке); военнослужащие – дезертиры либо осуждённые за ряд других воинских преступлений; члены царствующего в России дома.

Для реализации избирательного права лицо должно было быть внесено в избирательные списки соответствующего участка.

Для делопроизводства выборов в соответствии с Положением были образованы следующие виды

¹¹ Соколов К.Н. Учредительное собрание. – Пг., 1917. – С. 19.

¹² См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. – Пг., 1918.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ См.: Положение о выборах в Учредительное собрание. – Пг., 1917.

избирательных округов: 51 губернский и 10 областных, столичные (Москва и Петроград) и 9 особых округов (Аму-Дарьинский, Закавказский, Кубанско-Черноморский, Горско-Дагестанский, Степной, Ордынский, Приамурский, Прикаспийский и Китайской Восточной железной дороги), Фронтной и два флотских округа. Избирательные округа делились на участки.

В основе выборов лежала пропорциональная система, т.е. принцип избрания депутатов по партийным спискам, в соответствии с процентом поданных за список голосов, в отдельных же округах в порядке изъятия из общего правила применялась мажоритарная система.

Кандидатские списки подавались группами избирателей в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию не позднее, чем за 30 дней до дня выборов. Каждый из кандидатских списков должен был быть собственноручно подписан не менее чем ста лицами, пользующимися правом участия в выборах по данному округу. В списке указывались фамилия, имя, отчество и место жительства каждого из предлагаемых кандидатов. К списку прикладывались заявления всех кандидатов об их согласии баллотироваться в данном округе в составе данного списка. Число предлагаемых в списке кандидатов могло быть менее числа членов Учредительного собрания, подлежащих избранию в данном избирательном округе, но не должно было превышать указанное число более чем на половину.

Допускалось выдвижение одного и того же кандидата в нескольких округах, но не более чем в пяти.

Голосование производилось посредством подачи избирательных

записок. Каждая записка должна была содержать не более одного из заявленных по данному округу кандидатских списков, номер этого списка и название предложившей его организации. Учёт избирателей производился на основании именных удостоверений, соответствующих списку избирателей по каждому избирательному участку. Удостоверение вместе со списками кандидатов и конвертом доставлялись избирателю на дом не позднее, чем за семь дней до дня голосования. Вместе с тем подача голосов осуществлялась избирателями непосредственно на избирательном участке. Голосование длилось в течение трёх дней.

Порядок голосования устанавливался тайный, как правило, посредством избирательных бюллетеней («записок»), в исключительных случаях – посредством «баллотировки шарами или другими заменяющими их знаками».

Положение не предусматривало института отзыва депутатов¹⁶. Скрипилев Е.А. указывает¹⁷ на это как на недостаток Положения о выборах. Признавая позитивное значение этого института в целом, В.Б. Сергейчук справедливо обращает внимание, что для Учредительного собрания право отзыва не было актуальным в силу того, что оно предполагалось как разовый орган, собираемый на короткое время¹⁸. Данная позиция представляется более убедительной.

Подсчёт голосов избирателей, поданных за списки кандидатов, проводился по методу делителей д'Ондта. Число голосов, поданных во всём округе за каждый из кандидатских списков, делилось последовательно на числа 1, 2, 3, 4, 5 и т.д.; из полученных при этом делении частных выделялись наибольшие частные в количестве, равном числу членов Учредительного со-

брания, подлежащих избранию в данном округе; частные располагались в порядке убывания. Последнее из частных являлось избирательным знаменателем. Число членов Учредительного собрания, приходящееся на каждый список, определялось путём деления числа голосов, поданных за данный список, на избирательный знаменатель. Поименованные в каждом списке кандидаты зачислялись в состав членов Учредительного собрания в порядке внесения их в список, начиная с первого.

Положение о выборах было утверждено Временным правительством (что лишней раз указывает на сосредоточение в его руках законодательных функций), а в приложении к нему устанавливалось число мандатов депутатов Учредительного собрания: 700 мест для гражданского населения, 30 – для оккупированных районов и 125 – для армии и флота. Избирательными округами признавались губернии, с таким расчётом, чтобы один депутат представлял примерно 200 тыс. человек. Москва и Петроград были выделены в особые округа.¹⁹

В октябре 1917 г. Временное правительство в результате вооружённого восстания было низложено, и в очередной раз встал вопрос о создании новой системы высших органов государственной власти. Решение этого вопроса взял на себя II Всероссийский съезд Советов, собравшийся в Петрограде 25–26 октября 1917 г. Необходимо заметить, что вопрос легитимности данного органа власти вызывает большие сомнения. Это видно из первого обращения съезда, на котором «представлено громадное большинство Советов», а не населения, поскольку делегатов на съезд избирали территориальные (уездные и губернские, там, где

¹⁶ См.: СУ Временного правительства. – 1917. Ст. 916.

¹⁷ Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. – М., 1982. – С. 124.

¹⁸ Сергейчук В.Б. Гарантии свободы выборов депутатов Государственной думы. – СПб., 1997. – С. 37.

¹⁹ См.: Положение о выборах в Учредительное собрание (с приложением Наказа, расписания числа членов Учредительного собрания и постановлений Временного правительства). – Пг., 1917.

они были созданы) съезды Советов. В обращении также отмечалось, что «на Съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов»²⁰. Таким образом, даже многостепенные (в отличие от прямых, предусмотренных для выборов депутатов Учредительного собрания) выборы обеспечены не были: в преимущественно аграрной стране, 86% населения которой составляли крестьяне, для принятия важнейших решений, определяющих основы политического режима, был созван представительный орган власти, преимущественно состоявший из делегатов столичных (Москвы и Петрограда) Советов рабочих депутатов, Советов солдатских депутатов из воинских частей, защищавших подступы к Петрограду, и революционных матросов Балтики. Порядок проведения выборов, день выборов (12 ноября 1917 г.), а также день созыва Учредительного собрания (28 ноября 1917 г.) были определены до восстания. Большевики, уверенные в своей победе в ходе выборов в Учредительное собрание, придя к власти, не изменили этих сроков. Постановлением СНК от 27 октября дата проведения выборов была подтверждена.²¹

Однако их надеждам не суждено было сбыться: в ходе выборов большевики получили лишь 25% мест в Учредительном собрании (175 из 707). В ходе выборов в Учредительное собрание в результате применения пропорциональной избирательной системы было избрано 707 депутатов, из них: 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 16 меньшевиков, 17 кадетов, 2 народных социалиста, 87 представителей национальных партий и организаций. Таким образом, выборы по партийным спискам выявили реальный рас-

клад политических сил в стране. Естественно, что решение, принятое Учредительным собранием, не устраивало большевиков, и Декретом ВЦИК от 6 (19) января 1918 г. оно было распущено.²²

В итоге, новый избирательный закон по выборам в Учредительное собрание радикально отличался от всего прежнего избирательного законодательства России:

- был установлен самый низший в мире возрастной ценз для избирателей – 20 лет;

- избирательные права предоставлялись российским гражданам без различия пола, следовательно, и женщинам (подобный демократизм допускался в то время лишь в отдельных штатах Америки);

- впервые в мире избирательными правами наделялись военнослужащие;

- отменялись имущественные цензы, цензы оседлости и грамотности;

- уничтожались ограничения в избирательных правах по принципам национальности и вероисповедания;

- для групп избирателей нерусской национальности предусматривались дополнительные гарантии – возможность перевода избирательного бюллетеня («записки») на другой язык;

- избирательное право стало всеобщим и равным (ограничения были незначительны).

Одним из главных достоинств Положения является глава IX первого раздела, которая называется «Об ограждении свободы и правильности выборов». Глава включает в себя 23 статьи, из которых 18 устанавливают уголовную ответственность за нарушение норм избирательного законодательства. По степени юридической проработки содержащиеся в этой

главе нормы даже превосходят ныне действующее избирательное законодательство (например, ст. 102 устанавливала уголовную ответственность для духовного лица за попытку оказать влияние на выборы путём использования своего должностного положения. Такая норма в современном законодательстве отсутствует, хотя её существование было бы оправданным).

Примечательно, что, в отличие от практики правового государства, где отношения между государством и обществом строятся на основе договора, в основе российской структуры социальных отношений лежала вера в харизматического лидера. Этот харизматический отпечаток с самого начала носила и идея «хозяина земли русской», отражённая в Учредительном собрании.²³ Кроме этого, например, по аналогии с государственным устройством французской Третьей республики, Учредительное собрание должно вручить высшую исполнительную власть избранному им Президенту, облечённому широкими полномочиями (он не отчитывается перед Собранием, назначает Председателя Совета министров и министров, ответственных перед Учредительным собранием). Учредительное собрание ограничивается контролем над исполнительной властью на началах парламентского режима.²⁴

Завершая рассмотрение Положения о выборах в Учредительное собрание, необходимо отметить, что в сравнении с Положением о выборах в Государственную думу в нём существенно уменьшен объём полномочий, предоставленных Министерству внутренних дел в связи с проведением выборов. Вся полнота организационных полномочий принадлежала теперь Все-

²⁰ Обращение II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!» // Рабочий и солдат. – 1917. № 9.

²¹ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. – М., 1957. – С. 25–26.

²² См.: СУ. – 1918. № 15. Ст. 216.

²³ Горбунов В.П. Конституционные основы активного избирательного права в России: генезис, тенденции. // Социально-гуманитарное знание. 1999. № 2. С.255-256.

²⁴ См.: Полякова Ю. Что такое Учредительное собрание или почему парламентаризм в России не пустил корни // Российские вести. 1993. 10 апреля, с.2.

российской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и системе нижестоящих, подчинённых ей комиссий, а также городским и поселковым управам. Роль Министерства внутренних дел ограничивалась охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности (статьи 70 и 71).

В целом, характеризуя данный избирательный закон, трудно не согласиться с мнением, высказанным С.И. Чистяковым: «Положение о выборах в Учредительное собрание было вершиной буржуазной демократии. Очевидно, что оно принципиально отличалось и от законов по выборам в Государственную думу»²⁵. Таким образом, избирательное право России на этом этапе было самым демократичным в мире, что обусловлено прежде всего его всеобщностью и равенством, низким возрастным цензом, отсутствием имущественного ценза и ценза оседлости.

5 января 1918 г. Учредительное собрание начало свою работу и провозгласило Россию «демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные»²⁶. 6 января 1918 г. Декретом ВЦИК Учредительное собрание было распущено, а демонстрация, организованная в его поддержку, была разогнана рабочими и солдатскими отрядами²⁷.

В начале XX столетия историческая форма государства в России трансформировалась в особый тип монархического конституционализма, возникший на переломном этапе перехода от абсолютизма к тоталитарному государству. Будучи по форме правления дуалистической монархией, царский режим после революции 1905 г.

фактически представлял собой мнимый конституционализм, занимая промежуточное положение между более или менее развитыми формами монархического конституционализма западных стран и однозначно традиционалистскими режимами Востока. Для этого типа организации власти был особенно характерен режим личного правления монарха, который всё более непосредственно опирался на институты чрезвычайного положения и силовые структуры власти.

В этой ситуации новые подходы к выборам в Учредительное собрание, рождённые новыми революционными потрясениями и войной, стали демократическим эпизодом, который в силу целого ряда причин и факторов не получил своего закрепления и развития в истории избирательного права. Важнейшими из числа этих факторов стало отсутствие реального социального и национального согласия в российском обществе того периода, которое могло бы найти своё отражение в результате общенациональных выборов.²⁸

Особенности дальнейшего развития института выборов высших органов государственной власти в нашей стране во многом были обусловлены теми же традициями политико-правовой практики и характером правосознания населения, которые определили и противоречивый, неоднозначный итог реформ дореволюционной России.

История развития российского государства в начале XX столетия свидетельствует об отсутствии социального и национального согласия в российском обществе того периода. Именно в силу отсутствия такого рода согласия выборы в Государственные думы также не реализовали себя в качестве механизма формирования органа, выражающего интересы

гражданского общества, способного активно и эффективно противостоять самодержавию, способного ускорить процесс перехода от монархической к конституционной монархии. Вместе с тем проблема заключалась и в том, что действовавшее избирательное законодательство с его ограничениями и противоречиями не обеспечивало действительного волеизъявления населения страны. Незрелость гражданского общества в России, неразвитость его институтов, которые могли бы выражать интересы различных групп населения, включая и политические партии, низкий уровень правовой культуры в России, с одной стороны; косность и неспособность к развитию института самодержавной монархии, с другой, – всё это препятствовало эволюционному развитию государственного устройства Российской империи, что было бы настоятельно необходимо для разрешения накопившихся острых социальных, национальных, экономических и идеологических противоречий. Революционный взрыв в феврале – октябре 1917 г. привёл к Гражданской войне – историческому аналогу «войны всех против всех» Гоббса и к деградации государственности.

С учётом исторического опыта становится очевидно, что институт выборов в дореволюционной России проявил себя скорее не как элемент нарождающейся российского парламентаризма и конституционализма, но как своеобразный «индикатор» соответствующих тенденций развития общества. Выборы в высшие органы государственной власти не стали формой экспликации общественного согласия, фиксирующей определённый статический срез динамического процесса общественного договора, именно в силу глубокого кризиса самого об-

²⁵ Российское законодательство X–XX веков. Соч. в 9-ти т. Т. IX. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., 1994. – С. 135.

²⁶ Учредительное собрание. Россия. 1918: Стенограмма и другие документы. – М., 1991. – С. 160.

²⁷ Исаев И.А. История государства и права России: Полный курс лекций. – М.: Юрист, 1995. – С. 278.

²⁸ О политико-правовых аспектах выражения социального согласия см.: Эфирова С.А. Социальное согласие: тоталитарный и демократический варианты // В контексте конфликтологии. – М., 1999. – С. 163–168.

щества, весьма и весьма далёкого от действительного ценностного и институционального согласия.

К такому выводу можно прийти после знакомства с историей разработки и реализации законодательства о выборах в Государственную Думу.

Первые выборы в Государственную думу в России явили собой сложную, подчас противоречивую картину, в которой переплелись попытки законодателей ограничить сферу действия своих же законов, попытки местных властей одновременно подстроиться под «старые» и «новые» тенденции в курсе правительства, попытки самого правительства применить новую тактику, и стремление прогрессивной части избирателей опередить «половинчатый» выборный закон.

Как убеждают нас исторические и историко-правовые исследования российских и зарубежных учёных, на протяжении многих десятилетий в недрах российского общества зрели и постепенно оформлялись конституционные и парламентские настроения, крепло осознание неизбежности преобразований политико-правового устройства России. Это стало одной из причин того, что в начале XX века её государственный строй

претерпел изменения: появилось новое политическое учреждение — Государственная дума — первое в истории страны представительное учреждение парламентского типа. С её появлением начался противоречивый, так и не завершившийся процесс превращения абсолютной монархии в конституционную. И хотя в России, в отличие от западных стран, не успели сложиться устойчивые парламентские традиции, общество не сумело усвоить урок гражданственности на этом коротком пути, с момента появления Государственных дум, с полным основанием можно говорить о факте зарождения российского парламентаризма, опыт которого, включая и опыт по разработке правовой базы выборов и контролю за их организацией, требует серьёзного и пристального изучения.

Особенности дальнейшего развития института выборов высших органов государственной власти в нашей стране во многом были обусловлены теми же традициями политико-правовой практики и характером правосознания населения, которые определили и противоречивый, неоднозначный итог реформ в дореволюционной России.

С началом процессов политической модернизации и формирова-

ния новой политической системы в нашей стране стало возможным адекватное отражение реального состояния и тенденций исторического и политического развития общества, открылась перспектива исследования различных правовых институтов и явлений, среди которых — главный элемент демократического конституционного устройства — институт демократических выборов. При этом несомненный интерес общества к данному вопросу вызван важностью ценностного измерения власти, от верного осмысления которого зависит определение политического курса страны, утверждение в общественном правосознании новых принципов правоотношений, отвечающих интересам всех социальных групп населения Российской Федерации. Выборы имеют долгосрочный политический и социальный эффект, поскольку оказывают влияние на формирование демократической правовой культуры, создают почву для воплощения в жизнь ценностей и принципов политического плюрализма, способствуют свободному функционированию институтов гражданского общества, дальнейшему развитию начал правовой государственности.

М.В. ДАНИЛЕНКО, аспирант НОИР

M. Danilenko, PhD student NOIR

Либеральные и неолиберальные концепции права в Западной Европе (XX век)

Liberal and neo-liberal concept of law in Western Europe (XX century)

Аннотация: Автор приходит к выводу, что «в 70-е годы либерализм вступил в полосу самого серьёзного за последний период кризиса, в основе которого лежало разочарование в «классическом» либерализме и в программах «государства всеобщего благоденствия» как системы государственно-монополистического регулирования. Под влиянием демократического подъёма либеральная идея подверглась серьёзному переосмыслению: была сделана попытка примирить либеральные ценности индивидуализма и принцип равенства, «автономность личности» и перераспределение доходов. Сегодня либерализм, оставаясь доминирующей моральной и политической идеологией Запада, обретает ярко выраженные эгалитарные черты».

Abstract: The author comes to the conclusion that «in the 70-ies liberalism has entered a period of the most severe during the last period of the crisis, which was based upon the disappointment in the «classical» liberalism and programmes «of the welfare state as a system of state-monopoly regulation. Under the influence of democratic rise of the liberal idea was subjected to serious re-estimation: an attempt was made to reconcile liberal values of individualism and the principle of equality, «autonomy of the individual» and the redistribution of income. Today liberalism, remaining the dominant moral and political ideology of the West, becomes pronounced egalitarian character».

Ключевые слова: гражданское общество, государство, либеральные идеи, демократия, право, политическая борьба, тоталитаризм, авторитарные режимы, справедливое распределение, неравенство.

Key words: civil society, the state, liberal ideas, democracy, law, political struggle, totalitarian, authoritarian regimes, fair distribution, inequality.

Становление правового государства и гражданского общества в современной России, развитие и конституционное закрепление основных демократических норм, свобод и прав личности делает актуальным обращение к истории либеральных политико-правовых учений, в которых эти идеи впервые обретали свою конкретность, методологически выверенный научный фундамент и теоретическую завершённость.

Всё разнообразие факторов, стимулирующих современное развитие гражданского общества и апелляцию к нему, во-первых, порождает различные формы реального гражданского общества. Во-вторых, сочетаясь с различными социальными и идеологическими позициями, оно становится источ-

ником многообразия подходов к проблеме гражданского общества и трактовок самого понятия.

Резко возросшая к концу XX в. эмансипация личности от государства, сокращение ареала прямого командного воздействия последнего, энергичное развитие и усложнение горизонтальных социальных связей и сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть, в автономную систему активизировали процесс вытеснения «локковской» точки зрения на гражданское общество «токвилевской». В современной ситуации, по мнению сторонников последней, идентификация гражданского общества с государством (пусть даже и с государством правовым) теряет какой-либо практический политический

смысл, ибо эта идентификация лишает понятие гражданского общества собственного самостоятельного содержания, ставя под сомнение саму потребность в данном понятии. В контексте ведшейся в XVIII в. политической и теоретической борьбы, фронт которой пролегал по линии оптимизации соотношения естественных и социально-политических, гражданских прав, в условиях зачаточного развития внеэкономических гражданских образований этот изъят «локковского» подхода не имел первостепенного значения. В нынешних же обстоятельствах он резко бросается в глаза.

Естественно поэтому, что в конце XX в. становится доминирующей в западной общественной науке мысль о том, что гражданское

общество есть сфера свободного (экономического и иного) взаимодействия равных граждан, которые делегируют политической сфере задачу обеспечения целостности социума, сфера активности, включающая экономическую, политическую и культурную формы человеческого поведения вне поля действия официальности, а несколько другими словами – оно охватывает личную, семейную и деловую жизнь, то есть «домашний мир», область экономики, культурную деятельность и политическое взаимодействие, организуемые на основе частных, добровольных соглашений между индивидуальностями и группами вне прямого контроля государства. Её поддерживают теоретики самых различных идейно-политических ориентаций, хотя нередко при конкретизации внутреннего содержания этой сферы они кое в чём и расходятся между собой.

Такое представление о гражданском обществе имеет сегодня ряд принципиальных преимуществ. Оно предполагает наличие у понятия собственного специфического содержания, дающего его существованию смысл. Только при таком подходе встаёт вопрос о составе и особых функциях гражданского общества (а также отдельных его элементов) и становится возможным его конкретный систематический анализ. Этой трактовкой выделяется и выдвигается в центр внимания вопрос о соотношении личности и общества, раскрываясь одновременно как вопрос о соотношении гражданского общества и государства.

Другой вопрос, что такое выделение гражданского общества не должно означать разделения социального пространства на два тщательно отгороженных друг от друга поля и понимания независимости гражданских институтов как полного их отрыва от государственных механизмов. Общество есть единое

целое, между различными его сферами неминуемы и необходимы взаимосвязь и взаимодействие. Государство в силу присущей ему функции структурирования социальных отношений неизбежно влияет на жизнь автономной частной сферы уже тем, что создаёт те или иные, благоприятные или неблагоприятные, условия для её развития и функционирования.

С другой стороны, гражданское общество выполняет функцию механизма сцепления социума, соединения частного и общего интереса, посредничества между личностью и государством. В борьбе за ликвидацию тоталитарных или авторитарных политических режимов в отношениях гражданского общества к государству на первый план выступает момент противоборства и стремления к высвобождению из-под его эгиды. Однако этот момент не следует преувеличивать (а тем более абсолютизировать), ибо речь идёт о противоборстве гражданского общества не с государством вообще, но именно с данным государством. И само это противоборство есть степень в процессе нормализации отношений между ними, достижения состояния плодотворного взаимодействия.

Качественно иной, чем в сравнительно недалёком прошлом, уровень развитости, разветвлённости и роли гражданского общества на современном этапе порождает новые акценты в подходе к этой проблематике на Западе. Среди работ, посвящённых ей, всё больший удельный вес обретают работы не общетеоретического характера, но направленные на изучение разнообразных конкретных элементов гражданского общества, их взаимоотношений друг с другом и с государственными механизмами. Особенно отчётлив этот процесс в странах, где осуществляется переход от авторитаризма к демократии и где процесс развития гражданского общества и формирования

его разнообразных институтов происходит особенно энергично, в частности в Испании¹.

В этой связи стоит отметить также, что новая ступень в развитии гражданского общества, появление новых влиятельных форм гражданских организаций, особенно таких, как современные социальные движения, при вполне естественной сосредоточенности внимания на этих формах, породили у некоторых западных исследователей искушение отождествить сферу гражданского общества со сферой социальных – в узком смысле этого слова (внеэкономических и внеполитических) – отношений. У этой тенденции имеются и другие корни, о чём – несколько ниже.

В то же время «локковская» трактовка гражданского общества вовсе не сходит в современных условиях на нет. Более того, в характере нынешней социальной действительности её сторонники стараются почерпнуть доводы в её пользу. Само активное развитие структур и институтов гражданского общества и наличие прямо пропорциональной зависимости между этим развитием и степенью демократизации политического строя рассматривается ими как основание использования понятия гражданского общества для характеристики стран, обладающих высоким уровнем правовой и политической культуры.

Ставя эту трактовку в контекст нового цивилизационного этапа, ряд аналитиков постиндустриального общества рассматривают гражданское общество как определённое состояние социума, отвечающее требованиям и нормам современной цивилизации. Уровень цивилизованности становится в этом случае критерием развитости общества, степени его превращённости в гражданское общество. Такова, в частности, позиция К. Поппера, исходящего из того, что

¹ История современной зарубежной философии. – СПб., 2007.

² Цит. по: Иностранная литература. – 1993. № 4. – С. 240.

«если мы хотим остаться людьми, мы должны двигаться вперед к гражданскому обществу».²

Сходной позиции придерживается и Р. Дарендорф, рассматривающий историю гражданского общества не только как процесс обретения и расширения людьми их гражданских прав, но и как становление социокультурных предпосылок для реального использования людьми этих прав, для полного участия их в жизни общества. Дарендорф, как и ряд других авторов, ставит вопрос о движении международного сообщества в рамках новой цивилизации к мировому гражданскому обществу.³ В этом общем контексте следует воспринимать и идею «посткапиталистического гражданского общества», развиваемую на Западе некоторыми представителями постлиберального и постмарксистского направлений общественной мысли.

Это общество призвано базироваться не на приоритете заинтересованности граждан в экономических свободах, но на приоритете «нематериалистических ценностей».⁴ Установка ложная уже потому, что гражданское общество имеет своим неотъемлемым фундаментом независимость экономической деятельности. Хотя она формировалась не без влияния определенных сдвигов в современном обществе, связанных с повышением значимости информации, культуры в социальной жизни, морально-психологических мотивов в действиях предпринимателей. Естественным следствием такой установки становится и своеобразное, отмеченное коренным внутренним противоречием, представление о содержании категории гражданского общества,

С одной стороны, идея постбуржуазного гражданского общества выступает как самоновейшая ха-

рактеристика современного, и особенно перспективного состояния социума в целом. С другой, она идентифицируется с определенной сферой социума, сведенной к собственно социальным отношениям, не включающим в себя ни экономических, ни политических структур. Таким подходом гражданское общество на деле не возвышается до некоего духовного уровня, но, скорее, заземляется, сводясь к области текущих житейских интересов и соответствующих им мелкомасштабных организаций бытового назначения. Поэтому логично предположить, что гражданское общество, лишённое прочного материального стержня, рискует снова оказаться поглощённым государством.

В современной политико-правовой теории выделяются два направления либерализма: либерально-прагматическое (Г.Л. Харт, В.Д. Росс, Ч.А. Причард, Дж. Роулс) и принципиально либералистское (Дж. Гоу, О. Гирк, Д. Хайек).⁵ С точки зрения правовой теории особого внимания заслуживает позиция американского социолога и политолога Роулса, который, не принадлежа целиком ни к одному из этих направлений, развивает свою собственную оригинальную концепцию, восходящую к классической традиции.

Ключевой проблемой неолиберализма 70–80-х годов был вопрос о справедливости.⁶ Интерес к ней был своеобразным ответом на угрозу со стороны рыночной экономики и связанных с нею неравенства, безработицы, несправедливости, а также экологической угрозы. Дж. Роулс основывает теорию справедливости на аристотелевской концепции распределяющей справедливости, взятой в несколько упрощённом виде (благо, существующие в обществе,

должны распределяться на основании взаимных требований людей и на основании максимально возможного равенства). Роулс использует конструкцию-понятие «первичные блага», которые подлежат распределению. В их число он включает свободу, равные возможности, определённый уровень материального достатка. Все эти «первичные блага» обеспечивают человеку «самоуважение»; они в то же самое время суть условий, которые обеспечивают человеку его автономию, его самостоятельность, в том числе и самостоятельное распоряжение такими благами.

Существенное значение он придаёт установлению принципов справедливого распределения. Первым таким принципом Роулс считает требование, чтобы каждый человек в равной степени обладал основными правами и свободами. Система индивидуальных прав и свобод должна совпадать с всеобщей свободой, причём свобода должна быть максимизирована, её ограничение может быть оправданно только в целях её лучшей защиты: «свобода может быть ограничена только ради свободы».⁷ Второй принцип – требование равенства как равного обладания свободой и равного распределения благ (исключения из этого правила допустимы здесь только в целях выравнивания уже сложившегося неравенства). Этот принцип конкретизируется как принцип равных возможностей, нацеленных на максимальное устранение неравенства, возникающего или сложившегося на базе богатства или рождения. Каждый человек должен иметь равные возможности в стремлении получить определённый статус в обществе.

Категория справедливости характеризуется Роулсом как правильность, добросовестность, бес-

³ Кохин Н.В. Дарендорф. – Воронеж, 1999. – С. 56.

⁴ Матвеев С.А. Коэн: социальный идеал // Социальные и политические парадигмы перестройки. – Томск, 1989. – С. 37–38.

⁵ Тарабанов С.А. Основные направления современного либерализма // Социальные и политические парадигмы перестройки. – Томск, 2008. – С. 56–57.

⁶ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997. – С. 320–321.

⁷ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. P. 302.

пристрастность, как своего рода «процессуальная справедливость», которая обеспечивается при помощи правовых норм, соответствующих принципу правления справедливого закона. При этом очень существенна роль конституции, которая определяет основные распределительные процедуры, с наибольшей вероятностью приводящие к созданию справедливого и устойчивого порядка. Такая функциональная роль конституции поддерживается и усиливается при помощи обычных законов.

По Роулзу, основу справедливости составляет «базисная структура общества». Это система общественных правил, определяющих схему действий, которая заставляет людей поступать так, чтобы производить большее количество выгод и выдавать на каждое обоснованное конкретное требование надлежащую долю из общественного дохода.

Новизна подхода к решению проблемы справедливого распределения у Роулза состоит в применении метода «модели». Например, он предлагает смоделировать ситуацию, когда люди делают выбор в состоянии неведения относительно стартового неравенства. Таким образом сначала избираются принципы социальной справедливости, а затем на их основе строится экономический и социальный порядок. Эта модель называется у него «метод вуали».

До настоящего времени интерпретация социальной справедливости базировалась на равенстве возможностей и вознаграждении за одинаковый труд. На деле люди оказываются наделёнными разными способностями, получают неодинаковое образование, воспитание, наследство, ставят перед собой разные задачи, имеют разные потребности. Следовательно, «социальная справедливость»

может означать, в лучшем случае, равенство исходных шансов, но и это трудно реализуемо в действительной жизни. Поэтому попытка установить социальную справедливость должна сводиться к устранению определённых крайних проявлений неравенства возможностей.

Роулс предлагает иной подход к справедливости. Действительно, несправедливость, когда одни живут в нужде, а другие процветают, но нет никакой несправедливости в том, что большие блага заработаны одними людьми, а не другими. В этом заключается «принцип различия», предлагаемый Роулсом. Принцип различия предполагает оправдание социального и экономического неравенства, если оно:

- 1) разумно принимается обществом как выгода для каждого,
- 2) реализуется в условиях доступности для всех независимо от положения в обществе.

«Хотя распределение богатства и дохода не должно быть равным, оно осуществляется для блага каждого, и в то же время позиции авторитета и командной должности должны быть достижимы для всех».⁸

Роулс пытается доказать, что если какое-либо неравенство в богатстве или организация власти способно улучшить положение каждого по сравнению с исходной ситуацией, то оно вполне оправданно и согласуется с общей концепцией справедливости. «Последняя не налагает ограничений на то, какой вид неравенства допускается, она только требует, чтобы была улучшена позиция каждого».⁹

Роулс убеждён, что общество не может существовать без неравенства – оно обусловлено биологической природой человека. Свою задачу он видит в том, чтобы возродить веру в возможность разумного руководства моральным выбором людей в современных

условиях. В концепции Роулса несправедливость и неравенство предстают как органические части справедливо устроенного общества. Неравенство включается им в понятие должного.

В целом это сугубо умозрительная и академическая теория, но её несомненной ценностью является идея неотъемлемых основных прав индивидуума. Роулз признаёт, что общественная система должна создавать равные условия для всех, должен быть достигнут переход от равенства возможностей к равенству результатов.

К концу XX века весьма остро встала проблема неадекватности традиционной трактовки основных либеральных ценностей. Наступило глубокое разочарование в социально-антропологической доктрине «классического» либерализма в целом. Многие исследователи, в частности Дж. Тинберген¹⁰ и Р. Нойек¹¹, говорили о «смерти» утилитаристского рационализма, являющегося мировоззренческой основой теории демократии либерализма XVIII–XIX веков. В 70-е годы либерализм вступил в полосу самого серьёзного за последний период кризиса, в основе которого лежало разочарование в «классическом» либерализме и в программах «государства всеобщего благоденствия» как системы государственно-монополистического регулирования. Под влиянием демократического подъёма либеральная идея подверглась серьёзному переосмыслению: была сделана попытка примирить либеральные ценности индивидуализма и принцип равенства, «автономность личности» и перераспределение доходов. Сегодня либерализм, оставаясь доминирующей моральной и политической идеологией Запада, обретает ярко выраженные эгалитарные черты.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Tinbergen J. *Liber Amicorum Verloren van Themaat*. Deventer, 1982.

¹¹ Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*. N.Y. 1974.

В.В. БОГДАНОВ, доктор философских наук, профессор,
Таганрогский государственный педагогический институт
V. Bogdanov, doctor of philosophical Sciences, Professor,
Taganrog state pedagogical Institute

Категория диалектического противоречия и социальное прогнозирование¹ Category dialectical contradiction and social forecasting

Аннотация: В данном контексте нас пока интересует роль диалектического противоречия в философском предвосхищающем познании. И первое, на что обращает внимание диалектика в постановке особенного вопроса о возможности прогнозирования социальных процессов, состоит в противоречивом характере самого прогнозирования. Диалектическая максима не позволяет односторонне абсолютизировать ни одного конечного определения мысли. Для обыденного рассудка же задача прогнозирования состоит в предвосхищении будущего на основе объективной (научно обоснованной) методологии. Для диалектики прогноз представляет собой логику имманентного развития содержания в соответствии с имеющимися предпосылками.

Abstract: In this context, we are interested in the role of a dialectical contradiction in philosophical anticipating knowledge. And the first thing that draws the attention of the dialectic in the special statement of the question about the possibility of forecasting of social processes, is contradictory nature of the prediction. Dialectical Maxim does not allow itself to absolutize any final determination of thought. For ordinary mind is the problem of forecasting is in anticipation of the future on the basis of objective (evidence-based) methodology. For dialectics forecast is immanent logic of the development of the content in accordance with the existing premises.

Ключевые слова: философские категории, общество, социальные противоречия, диалектика, противоречия, сущность, развитие, всеобщие идеи, культура, природа, метафизика, социальная система, социальное прогнозирование.

Keywords: philosophical category, community, social contradictions, dialectics, contradictions, essence, development, General ideas, culture, nature, metaphysics, social system, social forecasting.

Наиболее часто понятие социального противоречия используется исследователями в отношении сферы личного бытия конкретного общества. Между тем в классической традиции диалектики Г. Гегеля не случайно категория противоречия относится к сфере сущности. Противоположности на уровне анали-

за сферы бытия только переходят друг в друга, каждая противоположность имеет смысл только по внешнему отношению к другой, вне её находящейся. Определённость одной стороны обнаруживается в содержании другой. Разумеется, их выделение необходимо, хуже, когда останавливаются на констатации этой вне-положенности.

Констатация противоречий, возникающих на уровне бытия социума, имеет совершенно иную эвристическую направленность, нежели противоречий, относящихся к сущности. Если остановиться на первых и сразу начинать практическое их освоение и преобразование, то в результате и возникают те самые афоризмы: «левая рука

¹ Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2010) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3.4842 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – В.В. Попов, доктор философских наук, профессор.
The study, in which is written the article, made with the financial support of the Analytical departmental target program “Development of scientific potential of high school” (2009-2010) of the Ministry of education and science of the Russian Federation. The project RNP “Methodological and logical-semantic basis of research of social contradictions and transitional periods in the development of modern Russian society”. The scientific project Manager – V.V. Popov, doctor of philosophical Sciences, Professor.

не ведает, что делает правая», «высунешь голову – хвост завязнет», «хотели как лучше...» и т.д.

Сфера сущности в диалектике Г. Гегеля тоже является односторонней, но более развитой, так как сфера бытия в сущности содержится как снятый момент. Противоречия сущности обнаруживают суть противопоставлений бытия. В буквальном смысле слова, сущность – это особенность всеобщего, рефлексия всеобщего. И противоречие здесь находится только в содержании. Если определяющими друг для друга являются моменты, то отношение ещё не развито. Для такого противоречия бессмысленно исключать противопоставление иной формы. Противонаправленность в сущности есть условие её собственного существования. В таком социальном анализе уже не избавляются от противоборствующих сторон, а наоборот, всячески развивают силы с противоположным знаком, преобразуя их в необходимую форму и условие собственного развития.

Философский анализ диалектики в обществе превращается в пустой схематизм и подгонку, когда не опирается на необходимые предпосылки. Согласно популярному афоризму К. Поппера: «Любое развитие можно подогнать под диалектическую схему, и диалектик может не опасаться опровержения будущим опытом... ошибочен не просто диалектический подход, ошибочна сама мысль о теории исторического развития, представление, согласно которому целью научной социологии являются крупномасштабные исторические прогнозы» [1, с. 118]. Этот вывод в его первой части отчасти заслужен именно потому, что в течение длительного времени сторонники диалектического материализма были рады любой популяризации как отдельных принципов диалектики, так и любому упоминанию её положений вне зависимости от контекста. В результате упоминание диалектики превратилось в сорное выражение, которое внеш-

ним образом используют по привычке, механически или умышленно, выхолащивая всякий смысл, для придания большей видимости наукообразности. Разумеется, суть диалектики от этого пострадать не может, а на внешнее употребление появляются столь же внешние опровержения. «Подогнать» действительно можно что угодно и под «что» угодно, с той лишь оговоркой, что «подгонка» и есть внешнее одностороннее фиксирование похвостности и подведение под него любого содержания. Поэтому опровергать эту мысль К. Поппера нет необходимости, так как она правильна.

Если же по сути мысли о связи диалектики с любым развитием, то и здесь К. Поппер прав. Подобные «критические» высказывания, очевидно, должны указывать на необходимость отрицательного отношения к диалектике. Но и здесь К. Поппер не противоречит Г. Гегелю, который, как раз, настаивает на том, что ни один метод, ни одно содержание не могут быть признаны абсолютно прочными (включая диалектику, а равно системно-структурный анализ, синергетику, как и критицизм самого К. Поппера), а всегда должны быть соотнесены с конкретным содержанием, по отношению к которому они только и имеют смысл, и должны быть сняты в более развитом содержании. Получается, что К. Поппер в этой первой части совершенно прав, и, пытаясь отвергнуть диалектику, утверждает именно атрибуты диалектического рассмотрения. Это самоубийственный довод, т.е. противоречие, но уже относящееся к обычной логике аргументации.

Прогнозируемость процессов предполагает наличие объективных процессов, обладающих высоким уровнем регулярности и опирающихся на всеобщие «правила игры» всех его членов. (Отклонения в правах разных категорий граждан по факту, а не декларативно, не должно превышать статистической погрешности.) Уровень

достоверности и глубины информации определяет соотношение определённости и неопределённости исследуемого объекта. Поэтому неопределённость в общественных отношениях не должна культивироваться искусственно. Скрытие объективной информации только кажется законченным суждением. На самом деле оно вызывает обратный эффект – переинтерпретацию. Скрывать те действия, которые служат интересам большинства общества, никто не будет, соответственно, сложность в получении информации, оценку управляемыми ситуациями, как неопределённой вполне очевидным образом, граждане в обществе и исследователи дешифруют как направленную в противоположную интересам большинства народа сторону (иначе бы не скрывали). Такая двойная переинтерпретация имеющейся информации и вовсе превращает прогноз в субъективную оценку. Диалектический анализ объекта в любом его состоянии предполагает в прямом смысле целостность, охват всей тотальности его моментов (по крайней мере, в поле зрения познающего субъекта), при этом все включённые в систему моменты и каждый в отдельности воспроизводит в себе единый принцип.

Всеобщие идеи становятся базовым регулятором частных идей, когда последние встречаются затруднение. В результате те, кто по должности должен реализовывать всеобщее, занят устройством частной жизни, и наоборот, невозможность у населения реализовать частные интересы возрождает интерес к всеобщим идеям (свободы, справедливости). Последние же интересуют людей только тогда, когда они уже нарушены. Соответственно, в отношении тех, свободу кого нарушить трудно, их внимание к этой идее в силу её «естественного» наличия крайне незначительно. Это кажется замкнутым кругом, так как реализовывать всеобщую свободу будет заинтересован тот, кто её не имеет, но если

последний займёт общественное положение, которое предполагает реализацию свободы естественным образом, у него пропадёт интерес к её воплощению. На самом деле закрепление подобных выводов и будет с точки зрения диалектики односторонней метафизикой рассудка. И достоинство диалектики не в том, что она якобы придерживается неких абстрактных схем (тезис – антитезис – синтез), а в том, что она признаёт видимостью любое закрепление принципа вне его содержательного наполнения и отнесённости к общей сущностной природе.

Проблема противоречия в социально-философском контексте часто инициируется исследователями в избыточно широком смысле. Так несоответствие целей и результатов реформ иногда называют противоречиями. Противоположный результат также нередко называют противоречием. Речь может идти как о несовместимости разных интересов, действий, тенденций, так и о необходимом единстве различных, в том числе и противоположенных, интересов, целей, поступков, идей. Между тем выявление противоречия может свидетельствовать как о необходимости реформирования объекта, коррекции вектора деятельности, так и о ложности принимаемых решений. Несовместимыми в социальной среде могут быть как действия, так и пассивность в тот момент, когда цель не реализуется. Наконец, прежде чем вообще соотносить знание с предметом и фиксировать его соответствие или несоответствие, как показывает анализ современных работ, не лишним оказывается соотнести понятие с его определением и следствиями из него вытекающими. (Так, к примеру, задача построения правового государства может исходить из предпосылки, что нынешнее государство «пока ещё не правовое».) Но тогда понятие государства будет использовано без необходимой связи с правом, что для многих социальных теорий

является «круглым квадратом», т.е. институт власти вообще не является государством. А в этом случае, согласно предупреждению И. Канта, закон силлогистического тождества просто не действует [2, с. 162–163] и предварительно нужно уточнить либо категориальный аппарат, либо рассматривать природу уже не государства.

Социальные противоречия играют двойственную роль: с одной стороны, они являются следствием проводимых в обществе преобразований, с другой стороны, социальные противоречия в известной диалектической методологии сами выступают причиной модернизации. Первые зависят от быстроты, глубины реформирования и возникают, когда инновационные процессы встречают сопротивление противоположно направленной и психологически мотивированной интенции самосохранения, устойчивости, консерватизма. Сами по себе они безотносительны к содержанию и воплощаются в бесконечных формах внешнего проявления, реализуя по сути лишь одну мотивацию – продлить ранее считавшуюся эффективной технологию выживания. Противоречия, вытекающие из диалектического анализа содержания, напротив, являются постоянными спутниками любой фазы социального бытия и предстают скорее сигналами набирающей обороты тенденции. Если первые обнаруживаются в переходные периоды и вызывают ответную реакцию, направленную на их сглаживание, то вторые являются движущей силой любого процесса, проходят необходимые фазы вызревания и, наконец, снимаются в рамках более развитой формации, но не исчезают, а приобретают новую форму, соответствующую содержанию, обнаруживая свой преходящий, исторически обусловленный характер.

Ещё одним важным замечанием, неучёт которого представляется особенно распространённым, когда говорят о диалектике, состоит в следующем. Особенностью

мышления является уже заложенная в самой его природе проблема. Мышление всегда первоначально фиксирует в различении, разъединении моменты объекта, которые на самом деле связаны друг с другом. Так семя и дерево видятся совершенно различными, хотя, по сути, представляют одну и ту же природу. Это различие может доходить до полного противопоставления, хотя на самом деле это лишь различие ступеней, стадий, форм или органических моментов одного и того же, как это, например, зачастую имеет место в противопоставлении души и тела. Человек первоначально убеждён, что ему абсолютным образом противостоит и даже враждебна внешняя природа, как и весь окружающий мир. И понадобится ещё немало времени и сил, чтобы увидеть как себя необходимым моментом природы, так и наоборот, сознать природу как свой собственный и необходимый момент, своё другое.

Та же самая первоначальная кажимость принципиального различия и даже противопоставления обнаруживается в отношении человека и общества. Это кажущееся кардинальным различие не является в собственном смысле слова ошибкой или заблуждением, хотя для сознания это сначала выступает как противоречие. Это противоречие только кажущееся, так как оно зависит не от желания или нежелания субъекта. Оно является необходимым выводом первого этапа развития сознания. Дело тут не в том, чтобы видеть противоречие между реальным положением дел и его представленностью в сознании и требовать, чтобы либо одно (представление), либо другое (реальность) были истинными. Дело в том, что хотя тело человека в действительности есть несамостоятельный момент целого – мыслящего человека, но первоначально оно с необходимостью должно быть представлено как отличное от его мышления.

Познать затем в единстве можно лишь то, что первоначально уже

выступило как различное. А это значит, что без различающего рассудка никогда не возникнет соединяющий разум. Поэтому в равной степени верным будет, что дух и тело противоположны для рассудка. Если бы это было не так, то рассудок бы ошибался. Как и наоборот, только после прохождения этого первого этапа (рассудочного различения) будет столь же абсолютно верно для разума сказать, что есть единое мыслящее тело, и нет в действительности ни тела человека, ни его мышления самих по себе. Таким образом, фиксируем ещё раз, абсолютное различие, противопоставление и несводимость их друг другу (недопущение противоречия) является единственно истинным на первом этапе – рассудка. Это нужно, для того чтобы получить определённую (в её основе даже слышится требование поставить «предел») предмета.

Только после этого, но столь же необходимо увидеть единство, тождество того, что было различно – в разуме. Только в таком порядке получает положительную определённую диалектика. Отсюда яснее становится причина многих бесплодных споров, которые уже в зачатке не могли достичь положительного результата. Две спорящих стороны могут просто подходить к предмету с различных ступеней освоения предмета. Один, уже зная о существующих для представления и рефлексии различиях, ищет и находит тождество различённого. Другой, столь же кропотливо, честно и убеждённо только постигает многообразие различного в объектах мышления и настаивает на их несводимости. Это только кажущееся противоречие между их позициями является лишь различием стадий рассмотрения. Каждая сторона права для своего этапа познания, их методы и содержание тождественны друг другу.

Однако совершенно иная ситуация возникнет и противоречия из кажущегося превратятся в реальные, если каждая сторона возведёт

свою точку зрения в единственно верную и окончательную. Если, познавая содержательное единство предмета на этапе разума, субъект забудет о том, что пришёл к своей точке зрения тождества, он через этап рассудочного постижения различия и будет сообщать другим своё открытие, минуя возвращение к рассудочному противопоставлению, он с той же необходимостью, оторвав результат от пути его получения, сам превратит всеобщее в особенное и конечное определение. «Ибо суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не превратилось ещё в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию. Точно так же различие есть скорее граница существа дела» [4, с. 20]. Поэтому для него не должно быть обидно заслуженное обвинение в формально-логическом противоречии, так как, разорвав форму с содержанием, результат с путём его получения, он говорит противоположное тому, что хочет высказать. Всеобщим, положительно диалектическим, спекулятивным является только такое единство, которое содержит в снятом, подчинённом виде как всё особенное (различие, доходящее до противоположения), так и путь этого отождествления.

В равной степени ошибку будет допускать тот, кто, лишь начав постигать определённую некоторого содержания, увидев множество различий, закрепляет это своё знание в качестве единственно истинного. На ступени рассудка выводы кажутся особенно прочными, так как они имеют форму достоверности. Эта форма присуща обыденному сознанию и во многом опирается на здравый смысл. А поскольку большая часть мыслительной деятельности человека (кроме той, в которой человек профессионально специализиру-

ется) опирается именно на достоверность (чувственную, данную авторитетом и пр.), постольку оторваться от неё, выйти за неё, снять удаётся в лучшем случае в профессиональной сфере. Рассудок крепок в первую очередь своей массовой распространённостью, а значит, его преодоление во многом затруднено психологическими барьерами – нежеланием, «хлопотностью» идти против мнения большинства. А значит, существенной, наиболее удобной для выхода за рамки рассудочного противопоставления оказывается ситуация, когда противопоставление максимально обострено, доходит вплоть до принципиального формализма.

Переходя на единичности, когда абсолютный альтруист в своём неудержимом порыве отдаёт посторонним людям всё, даже самое необходимое для своей семьи, жизни и чести, он справедливо оценивается как эгоист, отождествивший голый односторонний принцип со своим Я, и действующий исключительно ради него. В этой абсолютизации уже нет различия между альтруистом и эгоистом, но главное – в его предельности обнаруживается его голая видимость противопоставления. Поэтому-то Г. Гегель и считал, что в исторические периоды крепости народного рассудка, когда его положения находят удовлетворение и подтверждение в жизни, он доволен собой – в культуре не прогрессирует дух, отсутствует её всеобщее выражение в философии.

Внимание к диалектическому противоречию в социальном познании в рамках статьи связано, в первую очередь, с перенесением акцента от распространённого объяснения процессов в обществе через воздействие внешних причин к попытке выявить внутренние основания, потенции, присущие любому обществу, с целью его прогнозируемого устойчивого развития. Мыслить разумно-диалектически в самом широком смысле понимают как необходимость учитывать все связанные с объектом обстоя-

тельства и углы зрения, не возводить в абсолют ни одного особенного теоретического положения. Немецкий философ, признанный классик диалектической традиции мышления Г. Гегель отмечал: «Многоопытным образованным государственным человеком, например, является тот, который умеет найти середину, обладает практическим умом, т.е. поступает согласно всему объёму подлежащего случаю, а не согласно одной его стороне, находящей своё выражение в одной максиме» [1, с. 8]. Это распространённое толкование не учитывает, однако, некоторых необходимых атрибутов, связанных с природой диалектического противоречия.

Абсолютны не законы и принципы, а то, ради чего они создаются. Таким образом, пока не выступила сущность как отношение единой природы существенным будет различие и даже противопоставление. Противоположение выступает только для человеческого мышления как устойчивое различие, да и то на определённых этапах его становления. Кажущиеся прочными противопоставления на деле обнаружат свою неистинность либо вовремя в головах политиков, обладающих возможностями и волей для их преодоления, либо естественным путём, достигнув крайности. В действительности же существует единство различённого в себе. Но сначала необходимо познать природу этих противоположных моментов, увидеть в них единое содержание, чтобы использовать это различие в интересах целостности этого содержания.

В реальности же вся история человеческого общества была свидетельством того, что осознавалось это единство всех человеческих слоёв и прослоек только тогда, когда в реальности одностороннее обособление их интересов не достигало крайности и не принимало форму наличного бытия, когда распад и антагонизм принимали буквальную внешнюю форму. Это не значит, что отсутствовали поли-

тики, которые бы осознавали обострения социального противоречия. Такие люди находились всегда, но их осознание в равной степени опиралось на другие противоречия, от которых зависела уже реализация их программ. Во все времена, от отвлечённых мыслителей до действующих политиков, всегда находились люди, которые осознавали неистинность существующего социального противопоставления. Однако осознать ложность пути и применить активную волю для ликвидации ложного противопоставления, как ни банально, вещи не просто разные. Даже ставшее ничтожным внешне противоречие тут же сталкивается с гораздо более сложным внутренним противоречием между чувственностью и психикой, с одной стороны, рассудком и разумом, с другой. Понимать, что другой человек имеет ту же природу и отдать ему то, что могло бы достаться мне – должно иметь очень веские основания. Теперь уже это противоречие должно быть снято разумом, чтобы вновь увидеть ничтожность и этого противопоставления. Но этот «круг кругов» не беспорядочен.

То, что социальная философия пытается выявить будущее развитие общества в его чистоте и идеальности, само по себе ещё не является утопичным. Однако нормативное знание в социальной философии очень часто подводится под модальность долженствования. Но долженствование это то, чего пока ещё нет. И в этом случае различие между идеально мыслимым и реально существующим касается уже бытия. Философия опирается только на бытие, на то, что есть, но является в своей особенной форме. «Долженствование» в социальной философии как слово употребляется, но связано это скорее с не всегда разработанным категориальным аппаратом. Если речь идёт о том, что в каком-либо обществе должно следовать тем или иным курсом, то речь идёт не о том, чего нет, а том, что есть, но форма чего не соответствует со-

держанию, цели средствам, результатом затраченным ресурсам. Это позволительно говорить ровно в том же смысле, как мы бы говорили в геометрии ученику, что он должен изменить положение линейки, если хочет получить правильный квадрат, то есть изменить форму того, что уже есть.

Философия во всей своей классической традиции была противником предвосхищающего знания, но и здесь требуется уточнение. Если философ говорил о том, что, следуя тем или иным путём, мы с необходимостью получим тот или иной результат, то хотя такое высказывание при совпадении с реальностью и было формальным предсказанием, но ни один философ от таких предвосхищений не отказывался. Связано это с тем, что в философии не брались делать прогноз развития общества в силу того, что никогда нельзя учесть всех участников и их влияние на результат. Однако вполне можно сказать, чем закончится то или иное изменение, в случае, если известна природа объекта и этап становления, на котором он находится (при допущении, что обстоятельства, участники и вектор останутся прежними). Однако и в этом случае речь идёт не о философском, а о позитивном, специально-научном прогнозировании.

Философия опирается на всеобщие основания, которые имеют место и находятся на определённой стадии развития в конкретном обществе. Диалектика выявляет не единичное, а всеобщий принцип во всяком единичном. Противоречие здесь не является указанием на ошибку, как это справедливо в опытных науках о предметах, которые разрушаются при наличии в них противоречия. Живое и мыслящее не просто переносят противоречие, но его наличие всегда свидетельствует об объективной незавершённости и направленности движения. Это внутреннее противоречие нельзя устранить, так как обе противоположности в равной степени касаются одной

и той же природы реально существующего и в равной степени необходимы, на его развитие можно либо влиять с целью ускорения или смягчения последствий (при наличии необходимых объективных предпосылок, обстоятельств и субъектов), либо оставить развиваться стихийно само по себе.

В обоих случаях предсказуем результат и менее предсказуема его особенная форма и ещё менее – временной интервал его, за который он способен с необходимостью выступить в наличном бытии. В этом плане марксизм не был утопическим учением и сомнительным оказался лишь принцип, который оказался в основе выявляемых им противоречий – материальное производство, а не свобода, которая при предпосылке развития производства приобретала бы всё большую значимость. Без этого основания материальное либо служит только природно-чувственному, либо объявляется самодостаточным критерием. И дело не в том, что одно материально, а другое – идеально, это столь же преодолеваемое, а не абсолютное противоречие, а в том, что стоит хотя бы на время (в методических целях) забыть, отвлечься оттого, ради какого основания выделяются противоречия (а сам К. Маркс несколько не сомневался в абсолютности свободы по отношению к технике) – и в результате весь интерес перемещается на внешнее: бесконечный рост орудий труда, техники и т.д. Есть даже пример технически развитого общества, в котором свободу предположили, пусть даже на каком-то этапе, второстепенной.

Возможно, кто-то спросит в позитивистском порыве, а где те абсолютные критерии, по которым можно однозначно решить, когда права субъективная точка зрения, а когда точка зрения объективного закона, то саму эту постановку вопроса можно считать противоречивой. Это значит, что сознание требует какого-то внешнего критерия, т.е. внутреннее пытается

мерить внешним. У сознания есть одно абсолютное основание, из которого как из сущности оно исходит – свобода. Только благодаря свободе человек способен выявить необходимые средства достижения цели и только в том случае, если и самой конечной целью будет реализация свободы. Если же дух выдвинет в качестве цели чувственное, единичное, субъективное, то и здесь создастся иллюзия, что цели можно достигнуть максимально кратким и эффективным путём, который он при определённых способностях рассудка и благоприятных внешних обстоятельствах способен достичь. Однако возникнет лишь видимость преодоления противоречия. Произвольная цель породит произвольные средства, и вместе они выступят противоречием к всеобщей свободной природе духа. Результатом будет лишь, в лучшем случае, воспроизведение противоречия, а в худшем – его обострение.

На деле это будет означать, что, если человек достиг субъективных благ посредством не утверждения, а попрания чьей-то свободы, то те, кого он лишил каких-либо возможностей, воспринимают его метод как всеобщий (в силу его эффективности), и теперь уже они попытаются его воплотить вопреки интересам первого. В эмпирической действительности узурпатор рискует как тем, что рано или поздно «экспроприатора экспроприруют», так и тем, что его дети будут вынуждены расти в среде несвободных граждан, для которых его свобода так же мало значима.

Все политические средства, правовые нормы хороши только в той мере, в какой они позволяют осуществлять прогресс в понятии свободы. Особенных противоречий в обществе много, но все они сводятся к одному – между всеобщими принципами и ценностями и частными природными склонностями и потребностями отдельного человека. Любое оправдание политики имеет только один критерий – каждый шаг и каждое средство

либо служат реализации основной человеческой потребности – свободы всех членов общества, либо нет. Тот факт, что некоторые благие цели осуществлялись дьявольскими средствами, говорит, как раз, о наличии этого основного противоречия. Способ реализации целей не являлся свободным, соответствующим целям. Разумное противоречие всегда опирается на одно содержание (свободу), а её моментом выступает необходимость.

Дело не в самих лозунгах, их утопичности или реалистичности, а в соответствии целей и средств. Можно обнаружить множество противоречий в обществе, которые выделены авторами в различной иерархической последовательности. Диалектика предполагает их имманентное развитие, исходя из природы человека и общества, то есть в их отношении к всеобщей потребности в свободе. Если таковая природа отрицается, то действия приобретают характер случайных, субъективных. Диалектическое рассмотрение социального противоречия и направлено на выявление соотношения моментов меры, субъективного и объективного наличествующего в любом конкретном обществе. Общество всегда находится в переходном состоянии, его же динамика в определённые периоды свидетельствует лишь о степени остроты тех противоречий, которые имели место в предшествующий относительно спокойный период, и именно по этой предшествующей динамике вполне достаточно оснований, чтобы видеть соотношение сил к моменту обострения и необходимый результат этого обострения.

Однако в данном контексте нас пока интересует роль диалектического противоречия в философском предвосхищающем познании. И первое, на что обращает внимание диалектика в постановке особенного вопроса о возможности прогнозирования социальных процессов, состоит в противоречивом характере самого прогнозирования. Диа-

лектическая максима не позволяет односторонне абсолютизировать ни одного конечного определения мысли. Для обыденного рассудка же задача прогнозирования состоит в предвосхищении будущего на основе объективной (научно обоснованной) методологии. Для диалектики прогноз представляет собой логику имманентного развития содержания в соответствии с имеющимися предпосылками. Результат прогноза уже предполагается не как соответствие мысли и реальности (истина), а как единство определённого и неопределённого, всеобщего и особенного, устойчивого и изменчивого, причём таким образом, что результат является лишь мысленным вычлениением моментов реализованного и становящегося в разной степени приближения в соответствии с тем моментом, с которым соотносится мысленно остановленный во времени процесс. Одностороннее удержание момента объективности, необходимости тут же превращает прогноз в абстрактный расчёт, а концентрация внимания на моменте субъективности заменяет прогноз планированием.

Более эвристичным представляется использование самого термина – прогноз – как самостоятельного момента, присущего теоретической конструкции наряду с ретроспекцией. То есть сама теоретическая концепция есть единство двух моментов: снятия момента историчности и стратегического полагания аподиктической необходимости. Позиция наблюдателя определяется здесь не по отношению к истине или лжи, а в соответствии с абстрагированными точками предшествующего и последующего. Элемент прогноза заложен в любой теории либо в

виде рефлектируемых из теории следствий (пассивно вытекающий момент), либо в виде соответствия теории тем или иным целевым и ценностным установкам (активно рефлектируемая стратегия их достижения в соответствии с исторически сложившимися условиями, которые уже всегда в наличии). Дело даже не в вероятностном, неопределённом характере предсказания из-за неизвестности всех вводных, а в принципиальной субъективности выбора сторон, ступеней того, что соотносят.

Несамостоятельность и неабсолютность прогноза связана с тем, что нет абсолютной точки отсчёта, указывающей, какой момент будущего должен быть связан с каким моментом прошлого. Сама темпоральная характеристика является искусственно обособленной идеализацией материальной природы, не дающей абсолютных элементов соотношения и несамостоятельная по отношению к протяжённости. Время – «это введённая человеком абстрактная мера длительности протекания процесса, понятие, основанное на измерении длительности одного процесса делением на другой. Буквально, время – это количество частей одного процесса в другом, длительность протекания которого мы измеряем» [3, с. 24]. Прогноз, таким образом, является здесь, в первую очередь, способом соотношения необходимых предпосылок и элементов теории к её следствиям в строго определённых условиях и является проявлением стратегической способности мышления, неотъемлемым моментом формы мышления.

Вопрос об истинности прогноза лишь в некоторой степени применим к неживой природе, где противоречие получает заверше-

ние в устойчивом балансе или поглощении одной стороны, а затем вновь возникает под воздействием внешней силы. Уже в живой природе противоречие удерживается, и любое относительное равновесие в тот же самый момент является движением к выходу из равновесия. В социальной системе уже моменты относительной стабильности являются ничем иным, как активной и постоянно действующей, выходящей из равновесия энергией, возбуждающей энергию противоположенных стремлений активных субъектов. Только на первый взгляд может показаться антиномией, что социальная стабильность – это лишь искусственно выбранный угол зрения на постоянную и исключительно активную борьбу с собой и миром всех участников общественной системы. И наоборот, кризис социальной системы – есть результат бездеятельности, потери энергии жизни ключевыми игроками этой системы, и бездеятельное созерцание этого опасного покоя другими участниками.

Кризис порождают обе стороны. Изменения в социальной системе, реформы, революции являются по своей сущностной природе реакцией на успокоенность, бездействие, безжизненность функционально значимых элементов социальной структуры. Это для отдельных людей в обществе эпоха перемен является периодом несчастий. Для социальной системы катаклизмы, связанные с отчуждением от человечности, являются единственным способом побороть смертельную болезнь бездеятельности, вынужденной платой за пассивность с целью спасения человеческого рода, принуждение человечества к пробуждению, к активной социальной жизненной позиции.

Литература

1. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. – 1995. № 1. – С. 118–138.
2. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике... // Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
3. Поздняков А.В. Роль науки в управлении государством // Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем. – М., Томск: РАН, 1999. – 224 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994. – 423 с.

М.А. ГАСАНОВ, аспирант факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
M. Gassanov, student of the faculty of political science,
Saint-Petersburg state University

Проблема отношения обычного и позитивного права в системе местного самоуправления дореволюционной России

The problems of normal and positive rights in the system local government pre-revolutionary Russia

Аннотация: Естественное и позитивное право развиваются, обогащая друг друга. И то и другое определяется особым характером юридических норм, специфической природой правосознания, правовой культуры, которые могут быть и несовместимы, и гармонизировать друг с другом. В исследовании этого вопроса исключительно значим исторический опыт Российской империи, развитие которой было связано с интеграцией в государственно-правовое пространство различных народов, стоящих на разных ступенях социального развития, обладавших типом правовой культуры и обычного права, различавшихся по количественным, и по качественным параметрам.

Abstract: A natural and positive law develop, enriching each other. Both are determined by the special nature of legal norms, the specific nature of legal consciousness and legal culture, which can be incompatible, and in harmony with each other. In the study of this issue is extremely important historical experience of the Russian Empire, the development of which was connected with the integration into the state and legal space of different peoples, standing in different stages of social development, with the type of legal culture and customary law, which varied by quantitative and qualitative parameters.

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, политическая модернизация, правовые акты, официальный статус, местное самоуправление, государственный уклад, лояльность, общественное управление в казачьих войсках.

Key words: natural law, positive law, political modernization, legal acts, official status, local government, state structure, loyalty, public management in the Cossack armies.

Правовая жизнь любого общества – исключительно сложное явление, которое предполагает не только систему регуляторов социальных отношений, закреплённых в форме письменных установлений, но и всю полноту норм, как правовых, так и моральных, а также традиций, обычаев, укладов жизни. В обычном праве фиксируется позитивный опыт правовой жизни, без которого невозможно существование государства, и законодатель должен

не отвергать, а стремиться учитывать этот опыт, находить оптимальные формы его гармонизации с действующим и развивающимся законодательством.

Таким образом, естественное и позитивное право должны развиваться, обогащая друг друга. И то и другое определяется особым характером юридических норм, специфической природой правосознания, правовой культуры, которые могут быть и несовместимы, и гармонизировать друг с другом.

Выявить условия их взаимодействия, его конкретное содержание, формы проявления, предложить конкретные меры по их гармонизации – важная задача юридической науки¹.

Здесь исключительно значим исторический опыт Российской империи, развитие которой было связано с интеграцией в государственно-правовое пространство различных народов, стоящих на разных ступенях социального развития, обладавших

¹ Ср.: Шапсугов Д.Ю. Обычное право и его роль в развитии общества // Обычное право в России. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 252.

типом правовой культуры и обычного права, различавшихся по количественным, и по качественным параметрам. Нужно отметить, что позиция государственной власти империи по данному вопросу не всегда была последовательной, она отражала общие колебания правительственного курса по отношению к социально-экономической и политической модернизации². Так, в XVIII в. государство предпочитало не вмешиваться в сложившуюся систему регулирования правоотношений, касающихся внутренней жизни различных этносов и субэтносов России: народов Средней Азии, Северного Кавказа, Сибири, казачества³. Начиная с конца того столетия, принимается ряд указов, направленных на регламентацию основных норм социальной жизни этих слоёв населения, а также разрабатываются «модельные» правовые акты, в которых существующие нормы обычного права частично узакониваются, частично отвергаются. Основное содержание нормативно-правовых документов того периода связано со стремлением упорядочить отношения государственной власти и местных обществ, упрочить влияние императорской администрации, упорядочить сбор налогов и т.п.

Новый этап был связан с реформами Александра II, направленными на развитие буржуазных общественных отношений, формированием институтов гражданского общества, модернизацией правовой системы России. В этот период интенсивно развивается законодательство в области местного самоуправления. Если в период подготовки реформ высказывались мнения об обычном праве как временной мере до разработки общей

системы законов, то впоследствии основной линией правительственного курса стало охранение системы обычного права при усилении государственного надзора и расширении практики корректирующей деятельности Правительствующего Сената. В ряде случаев, например, в отношении отдельных судебных функций крестьянского мирового схода, обычное право приобретало статус права позитивного. Эту особенность взаимосвязи обычного и позитивного права отмечал выдающийся дореволюционный правовед Л.И. Петражицкий: «Официальный статус обычного права приобретает тогда, когда орган публичной власти признаёт это право в деловом быту, в торговле, где разные притязания, не предусмотренные торговыми законами, заявляются и удовлетворяются на том основании, что так принято в торговле и т.д.»⁴.

Характерна в этом отношении история взаимодействия обычного права казачества и системы правовых государственных установлений.

Особенности обычного права казачества определяются характером его исторической эволюции, местом и ролью в становлении российской государственности. Первоначально возникнув как общественное образование особого рода вне пределов княжеской власти, казачество могло институционализироваться лишь в формах общественного самоуправления. Вплоть до начала XVI в. казаки не имели постоянной военной и политической поддержки со стороны неокрепшего Московского государства, что во многом предопределило складывающийся казачий

общины, который пронизывал все стороны общественной жизни, все формы гражданского быта⁵.

Одной из составляющих политики первого российского императора в отношении казачества было стремление к безусловному и чёткому включению его в сферу влияния правительства России. Указом Петра I от 3 марта 1721 г. «О введении донских и прочих казаков в военную коллегия»⁶ Войско Донское переводится в подчинение Военной коллегии Российской империи, что фактически означало юридическое включение казачества в вооружённые силы страны на правах и обязанностях регулярных войск. В рамках своей общей государственно-правовой политики Пётр также стремился поставить самоуправление казачества на «регулярную основу» и тем самым в значительной мере подчинить «вольных казаков» государственному контролю⁷.

Начиная с Екатерины II, переселившей запорожцев на Кубань, эта политика шла по нарастающей линии, что, естественно, отразилось и на взаимосвязи обычного и позитивного права. Так, особенностью правовой базы самоуправления запорожских казаков было отсутствие писаных законов: «В Запорожской Сечи не существовало никаких писаных законов – ни законодательного кодекса, ни специального органа для его выработки и применения. Суд, самоуправление, административные распоряжения и пр. – всё держалось на обычае и воле народа или всего войска, которая проявлялась на народных собраниях или Войсковых радах»⁸.

После формирования из запорожцев Черноморского казачьего

² Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России. – М., 2005. – С. 4.

³ Ср.: Ломакина И.Б., Дашин А.В. Обычное право и правовой обычай: от социальной монономии к правовой нормативности. – СПб, 2005. – С. 100–103.

⁴ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб, 2000. – С. 442.

⁵ См.: Копанева О.И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ). – СПб, 2003. – С. 19–20.

⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. 1830. № 3752.

⁷ Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. – Саратов, 2003. – С. 26–27.

⁸ Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1995. – С. 14.

войска действие норм обычного права сохранялось в полном объёме, однако правительство принимает меры к их кодификации, закреплению в правовых документах, где фиксируется и приоритет общероссийского законодательства. В 1794 г. войсковые власти составили положение о Черноморском войске, названное «Порядок общественной пользы»⁹. Данный, сравнительно небольшой по объёму, документ включает в себя 25 пунктов. Уже пункт 1 указывал на значение общероссийской законодательной базы управления казачьим войском и казачьего самоуправления: «Да будет в сем войске войсковое правительство, навсегда управляющее войском в точном и непоколебимом основании всероссийских законов и без малейшей отмены...»

Указ императора от 25 февраля 1802 г. «Об учреждении в Донском и Уральском войсках Войсковых Канцелярий, а в Черноморском – Войскового Правительства и о зависимости оных по делам воинским и гражданским»¹⁰ содержал основные положения о структурной реорганизации казачьих войск: Донского, Уральского и Черноморского. Согласно Указу 1802 г., войсковое правительство формировалось как из назначенных центральным правительством, так и выборных от казаков офицеров. «Подобная смешанная схема позволяла обеспечить, с одной стороны, контроль центральной власти, а с другой – сохранить, хотя и частично, традиционную выборность в казачьем войске. Единственной ячейкой местного самоуправления в Черноморском войске остаются станичные общества, деятельность которых выражалась в станичном сходе, наделённом распорядительной властью, и станичном правле-

нии, являвшемся местной исполнительной властью»¹¹.

Важной вехой в законодательной регламентации общественных процессов в среде казачества стало утверждённое императором 26 мая 1835 г. «Положение об управлении Донским Войском»¹². По сути дела, это Положение служило своеобразным «полигоном» обкатки новых форм управления и самоуправления всех существующих и вновь создаваемых казачьих войск. Окончательно регламентировался порядок выбора должностных лиц, усилился административный контроль за местным самоуправлением, нормы обычного права могли существовать лишь в рамках норм, закреплённых, прежде всего, в данном документе.

Окончание Кавказской войны и общие потребности приспособления государственного строя к меняющимся в ходе реформ социально-экономическим условиям побудили власти к скорейшему пересмотру системы управления казачьими областями Северного Кавказа с целью «устройства гражданского быта населения»¹³.

2 октября 1865 г. императором были утверждены временные правила о порядке рассмотрения проектов новых положений о казачьих войсках и временный штат канцелярии Комитета для пересмотра казачьих законоположений. С открытием этого комитета были закрыты все учреждённые в казачьих войсках местные комитеты, за исключением Комитета для составления положений о Терском и Кубанском войсках, ввиду их особой важности.

Комитет начал заседать 5 ноября 1866 г. в присутствии императора Александра II, который обратился к его участникам со сле-

дующими словами: «Вы собраны сюда для того, чтобы с вашей помощью разъяснить истинные ваши нужды и пользы. Нынешние положения о казачьих войсках устарели и во многом требуют пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг отечеству, сохранили и на будущее время своё воинское назначение... Но я, вместе с тем, желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их значение было, сколько возможно, согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благосостояния. Казачье население, отбывая по-прежнему военную свою обязанность, может и должно в то же время пользоваться общими для всех частей Империи благами гражданского благоустройства...»¹⁴ Таким образом, основной акцент должен был делаться на вопросе реформирования правовых основ гражданского управления и самоуправления казачков.

Разработка нового законодательства о казачьем самоуправлении были связана с определёнными трудностями, относящимися к вопросам кодификации действующего законодательства. Положения, определяющие организацию гражданской жизни казачества, включая и вопросы самоуправления, были включены в Полный Свод Законов Российской Империи, издания 1857 г. Интенсивное нормотворчество в период великих реформ шестидесятых годов XIX в. потребовало дополнительной систематизации действующего законодательства. Поэтому в дополнение к своду законов 1857 г. было издано три «продолжения»: в 1863, 1864 и 1868 гг. А с 1 января 1865 г. издавались ежегодные сборники правительственных распоряжений по казачьим войскам.

⁹ Данный документ приводится в работе: Туренко А.М. Исторические записки о Войске Черноморском. – Киев, 1887. – С. 21–27.

¹⁰ ПСЗ. Собр. I. Т. XVII. № 20156. О подготовке этого документа см.: Туренко А.М. Исторические записки о Войске Черноморском. – С. 53–60.

¹¹ Савченко М.С. Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России (конец XVIII – начало XX в.). – Волгоград, 2000. – С. 16–17.

¹² Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. – СПб, 1856. Т. X. – С. 453–639.

¹³ Савченко М.С. Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России. – С. 18.

¹⁴ Всеподданнейший отчет Главного управления ирегулярных войск за 1866 г. – СПб, 1867. – С. 13–14.

Конец 60-х годов был ознаменован также и реформами Главного управления иррегулярных войск. 1 января 1869 г. было утверждено новое Положение о Военном министерстве, согласно которому Главное управление иррегулярных войск, «заведывая всеми делами по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск, сосредоточивало в себе делопроизводство по законодательной, строевой, хозяйственной, судебной, межевой и административной частям сих войск»¹⁵.

По положению 1869 г. вопросы местного самоуправления казачьих общин были распределены между третьим – хозяйственным – отделением (дела, относящиеся к «гражданскому благоустройству иррегулярных войск», к рассмотрению и проверке войсковых приказов общественного призрения, городских и земских); четвертым – межевым и статистическим – дела по устройству новых казачьих станиц; пятым – судным – отделением Главного управления (дела по рассмотрению жалоб на мировые учреждения в казачьих войсках). 27 октября 1879 года Главное управление иррегулярных войск было переименовано в Главное Управление казачьих войск¹⁶.

При разработке основ законодательства об управлении и самоуправлении казачества зако-

датель стремился к тому, чтобы включить всё население казачьих территорий в складывающуюся систему местного самоуправления, исходя из общих принципов законов о местном самоуправлении, принятых в шестидесятые годы XIX в. Это отчётливо видно в следующем высказывании, содержащемся во Всеподданнейшем отчете по Военному министерству за 1868 г.: «Главная мысль, которой руководствуется Военное министерство в предположениях своих о преобразованиях в казачьих войсках состоит именно в том, чтобы объединить, сколько возможно, казачье сословие с другим, совместно с ними обитающим, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрации»¹⁷.

Стремление унифицировать систему местного самоуправления и на этой основе объединить казачье население с прочим населением выразилось, прежде всего, в преобразовании в 1870 г. станичного управления на началах, установленных для крестьянского населения положением от 19 февраля 1861 г. Выработанное на этих началах «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» после рассмотрения его в Государственном Совете было утверждено императором 13 мая 1870 г. и тогда

же введено во всех войсках, кроме Уральского¹⁸. Этот закон фактически поставил казачьи области в положение областей с управлением, сходным с управлениями русскими губерниями¹⁹. Ограничение своеобразия обычного права казаков означало дальнейшее снижение его влияния, окончательное установление приоритета позитивного права.

Это, однако, отнюдь, не означало негативного отношения правительства к обычному праву, которое являлось одним из определяющих факторов формирования гражданского общества, лояльного государству. Речь шла лишь о том, чтобы обеспечить надёжный механизм административного контроля, гарантирующего эту лояльность²⁰.

Таким образом, мы видим, что традиции российской государственно-правовой политики обычное и позитивное право не только не исключают, но и напротив – предполагают друг друга. Их взаимосвязь была обусловлена непосредственно историческим развитием правовых систем. В свою очередь, на теоретическом уровне она опосредована общим источником позитивного и обычного права, который, следуя традиции классической правовой мысли от Ульпиана до Новгородцева, можно обозначить как естественное право.

¹⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. XLIV. № 46611.

¹⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. LIV. № 60046.

¹⁷ Всеподданнейший отчет по Военному министерству за 1868 г. – СПб, 1869. – С. 39.

¹⁸ ПСЗ. Собр. второе. Т. XLV. № 48354.

¹⁹ Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 14.

²⁰ Ковалева А. Обычное право в российской правовой жизни. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2005. С. 19.

А.В. Фаизов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы НОИР
A. Faizov, Ph.D., associate professor of the Department of Social work of the NOIR

Историографический обзор высших властных структур российской монархии второй четверти XVIII века

Historiographical overview of the history of Russian monarchy higher authorities in the second quarter of XVIII century

Аннотация: В статье рассматривается процесс изучения в отечественной историографии проблемы развития высших государственных учреждений власти в России в эпоху дворцовых переворотов

Abstract: The article considers the process of study problems development of public institutions of higher power in Russia during the palace coups in the Russian historiography

Ключевые слова: Историография истории Российской империи XVIII в., эпоха дворцовых переворотов, историография органов высшего управления, историография высших учреждения власти, Правительствующий Сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция при высочайшем дворе, Совет при императоре.

Keywords: the historiography of the Russian Empire in the XVIIIth century, Period of palace coups, the historiography of the institutions of higher authority, the Governing Senate, the Supreme Privy Council, the Cabinet of Ministers, Conference at the Imperial Court, the Council under the emperor.

В первой четверти XVIII века в результате административных реформ Петра I в России сформировалась новая система властных учреждений. Известный дореволюционный историк русского государственного права А.Д. Градовский назвал эти управленческие органы «учреждениями прочными и сильными», «которые в зародыше обещали спокойную и правильную систему организации»¹. Но это не совсем верно. Петровская организация управления, неоднократно перестраивавшаяся уже своим создателем и остававшаяся при нём внутренне недостаточно скоординированной, после Петра I потребовала для своего усовершенствования значительных правительственных усилий.

Эффективность подобного рода мероприятий существенно снижалась вследствие сложных экономических и придворных условий в стране, а также – наличия слабых правителей. Поэтому политика послепетровских правительств в данном направлении не отличалась продуманностью и последовательностью. В частности, в эпоху дворцовых переворотов постоянно изменялось положение высших государственных органов, через которые самодержавие осуществляло прямое управление страной. Например, петровский Сенат то утрачивал статус высшего государственного учреждения, то снова получал его, одновременно возникали, затем исчезали и появлялись вновь высшие инстанции в виде особых советов при монар-

ших особах. Столь своеобразное и динамичное положение высших государственных учреждений вызвало в историографии несколько противоречивые оценки и цель данной статьи – проанализировать историю проблемы развития высших государственных органов в послепетровскую эпоху (1725-1762 гг.).

Уже в дореволюционной исторической науке проявился устойчивый интерес к вопросам функционирования государственных учреждений. Хотя деятельность высших органов управления 1725-1762 гг. привлекла значительно меньше внимания, чем история высших государственных учреждений эпохи Петра I или Екатерины II. Период дворцовых переворотов рассматривался как

¹ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 142.

промежуточное и переходное время между царствованиями этих двух монархов. Тем не менее, проблемы существования высших органов в послепетровское время также подвергались анализу. Более того, в рамках всего комплекса работ, в которых достаточно обстоятельно рассматривалась данная проблематика, даже сформировались две основные точки зрения относительно причин изменений в петровской системе высшего управления после смерти её создателя.

Сторонники первой точки зрения исходили из высокой оценки (в некоторых случаях – идеализации) реформ Петра Великого, что приводило к негативному восприятию последовавшей за его царствованием эпохи. В правление преемников Петра I, по их мнению, происходило не что иное, как искажение петровского наследия. В качестве примера негативных изменений в положении петровских государственных учреждений приводился постоянный «упадок» Сената. Данный высший орган, как отмечали эти авторы, постепенно утратил множество своих преимуществ под воздействием «происков» временщиков и фаворитов. Последние же узурпировали власть Сената для своих советов, возникавших около правящей особы. Причём исключение обычно делалось для царствования императрицы Елизаветы². Наиболее последовательно эта точка зрения нашла свое отражение в работах А.Д. Градовского. Он указывал, что Верховный тайный совет и Кабинет министров, были «установлены в противность Сенату», а сами яв-

лялись не чем иным как результатом придворных влияний «партий, восставших против учреждений Петра Великого» и добивавшихся «разрушения» созданной им системы. Только при Елизавете Петровне, по его мнению, произошло «отречение от политики партий, искаживших учреждения» великого преобразователя, что выразилось в восстановлении Сената в той силе, какую он имел при Петре I³. Суждения подобного рода вызвали возражения В.В. Ивановского. Этот исследователь отмечал, что «против петровских учреждений со всей возможной энергией и силой» выступило старое родовитое дворянство, которое и добивалось ослабления Сената. Причём попытки Елизаветы Петровны восстановить его в прежнем значении, по его мнению, не увенчались успехом⁴. Некоторое своеобразие свойственно концепции А.С. Парамонова, уточнявшего, что в царствование императрицы Анны Ивановны изменения в положении высших государственных учреждений происходили «случайно, по взгляду правительства», тогда как Екатерина I и Петр II «дали отдельным личностям, стоявшим на ступенях высшей власти, широкий простор к произволу»⁵.

Сторонников второй точки зрения на причины изменений в петровской системе высшего управления отличало более рациональное (или даже – критическое) отношение к результатам петровских реформ. Отсюда следовало признание закономерности последовавших после смерти первого императора трансформаций в созданной им государственной

системе. В частности, закономерным считалось и то умаление значения Сената, которое имело место в период 1725-1762 гг.⁶. Например, Ф.М. Дмитриев считал вполне естественным существование в послепетровскую эпоху советов при особе государя, которые он называл «министерствами». Правда, по его мнению, деятельность высших органов данного типа приводила к бесконтрольности управления. Причинами же такой ситуации, как он полагал, были не только «личные цели и стремление к безответственности, но и потребность в администрации более действенной, нежели коллегиальная, а неумение согласить личную администрацию с правами Сената довершало остальное». Весьма оригинальным был взгляд исследователя на проблему изменений в положении Сената. Он был убеждён в том, что этот высший орган, исходя из своих сословно-корпоративных настроений, совершенно неправомерно претендовал в эпоху дворцовых переворотов на ведущую роль в государстве. При этом Ф.М. Дмитриев отмечал, что Сенат сосредотачивал в своих руках два несоединимых «рода власти»: высшую административную и высшую надзорную функции⁷. М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что возникновение Верховного тайного совета, Кабинета министров и Конференции при высочайшем дворе было обусловлено объективной необходимостью; так как созданный Петром I Сенат не получил того «политического» значения, каким обладала упразднённая Боярская дума, что было осознано уже первым импе-

² Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.). М., 2002; Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911; Нольде А.Э. Двухсотлетие Правительствующего Сената // Журнал министерства юстиции. 1911. № 2; Александров М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. Пг., 1919.

³ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8. Ч. 2. С. 268, 270, 273, 274.

⁴ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 292, 440.

⁵ Парамонов А.С. О законодательстве Анны Иоанновны: Опыт систематического изложения. СПб., 1904. С. 45, 61.

⁶ Вицын А. Указ. соч.; Беляев И.Д. Указ. соч.; Латкин В.Н. Указ. соч.; Лютиш А. Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России: введение в русскую историю XIX века. М., 1910; Уланов В.Я. Высшие органы управления // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. В шести томах. Т. 4: XVIII век. М., 1992; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.

⁷ Дмитриев Ф.М. Сперанский в его государственной деятельности, с общим очерком истории внутреннего управления в XVIII в. // Русский архив. 1868. № 10. С. 1558, 1562-1565, 1551-1552, 1554.

ратором, который учредил в 1720 г. Тайный совет⁸. Одним из наиболее критичных исследований по отношению к петровским высшим и центральным органам управления была работа «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» П.Н. Милокова. Автор отмечал, что ««верховные господа» тайных советов, сенат и коллегии не были поставлены в определенное иерархическое отношение к друг другу и не получили точного разграничения этой деятельности...». Эти и другие недостатки петровских реформ, по мнению историка, должны были исправлять его ближайшие наследники. Причём меры, принятые уже при Екатерине I, не изменили «судьбы реформы», поскольку их инициировали те же лица, что проводили государственные преобразования при жизни Петра I. Он был убеждён и в том, что появление Верховного тайного совета, как и подобных ему высших органов, было закономерным: «оно является ответом на потребность, ранее сознанную и не уничтожившуюся с его уничтожением...»⁹.

Итак, дореволюционные историки, избравшие объектом своих исследований проблемы функционирования государственных учреждений, уделили достаточно много внимания истории высшего управления эпохи дворцовых переворотов. Однако проблемы становления, развития и функционирования высших учреждений 1725-1762 гг. затрагивались в их трудах, главным образом, в рамках общего обзора истории российских государственных органов. Поэтому их выводы во многом складывались под влиянием работ А.Н. Филип-

пова и отчасти Б.Л. Вяземского. Первый из них развил концепцию Ф.М. Дмитриева о непригодности коллегиального устройства как основания для органов исполнительной власти, а также суждение М.Ф. Владимирского-Буданова о необходимости создания в послепетровской России особого высшего органа с «политическими» функциями, которыми прежде обладала ликвидированная Петром I Боярская дума. Другими словами, А.Н. Филиппов был убеждён в объективных причинах возникновения Верховного тайного совета, который, с одной стороны, был примером «более живого действия личного начала в управлении», а с другой – являлся «учреждением с политическими задачами». Но появившийся под воздействием исторической потребности Совет, тем не менее, не смог в полной мере удовлетворить её. Данный правительственный орган «в качестве учреждения политического, – как отмечал исследователь, – твёрдо и неуклонно проводил лишь одну идею – идею собственного верховенства, действуя в делах активного управления и суда без всякого плана и порядка». Это «в свою очередь не могло не отразиться дурно на истории преобразования всех учреждений вообще и Сената в частности»¹⁰. Позднее, рассуждая о причинах учреждения при Анне Ивановне Кабинета министров, историк замечал, что они, как и в случае с Верховным тайным советом, имели глубокий характер, а потому называл их «органическими». Хотя он признавал и существенное влияние на образование данного высшего органа «личных счётов и временных обстоятельств»¹¹. Указывая на

схожесть Верховного тайного совета и Кабинета по месту в системе власти и функциям, исследователь подчёркивал, что последний «производя громадные перемены во всех сферах тогдашнего управления, влияя на деятельность всех учреждений... очень мало изменял что-либо в юридических основаниях этого строя и характере «должности» этих учреждений»¹². Вместе с тем, он сделал вывод о расширении с течением времени полномочий Кабинета и выделил в его развитии три этапа 1) 1730-1735 гг.; 2) 1735-1740 гг.; 3) 1740-1741 гг. (период регентства Бирона и Анны Леопольдовны). Гранью между первыми двумя этапами он считал указ от 9 июня 1735 г., приравнявший подписи трёх кабинет-министров к подписи государыни и, таким образом, значительно увеличил пределы их полномочий. На третьем этапе Кабинет претерпел значительные изменения и «сделался», как полагал А.Н. Филиппов, «ничем иным, как советом регентств»¹³.

В 1909 г. была опубликована работа Б.Л. Вяземского «Верховный тайный совет». Её автор предложил своё видение возникновения данного высшего органа. Как исходное положение у него фигурирует мнение современника, фельдмаршала Б.Х. Миниха, поддержанное А.Д. Градовским, о том, что между самодержцем и созданной Петром I административной системой сформировался некий пробел, и для его устранения первый император учредил должность генерал-прокурора¹⁴. Развивая данный тезис, историк отмечал, что после вступления на престол императрицы Екатерины I произошло «ослабление верховной

⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов на-Дону, 1995. С. 257-258.

⁹ Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 542, 506.

¹⁰ Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета. Ч. 1.: Сенат в правление Верховного тайного совета. Юрьев, 1895. С. 5, 481-482.

¹¹ Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев, 1898. С. 29-30.

¹² Филиппов А.Н. Введение к I тому // Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731-1740 гг. Т. I (1731-1732 гг.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. CIV. С. XXXVII.

¹³ Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. С. 33, 46-47.

¹⁴ Миних Б.Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997. С. 284; Градовский А.Д. Собр. соч. Т. I. С.168.

власти», отчего этот пробел увеличился, что в свою очередь должно было повысить значение генерал-прокурора П.И. Ягужинского. Но рост властных полномочий П.И. Ягужинского не мог устраивать ни Екатерину I, ни её советников (и, прежде всего, А.Д. Меншикова) поэтому обнаружившийся «излишек власти» императрица передала Верховному тайному совету, который, по его мнению, таким образом, превратился в «коллективного генерал-прокурора»¹⁵.

В дореволюционной историографии наряду с исследованиями, в которых основное внимание уделялось проблемам функционирования государственных учреждений, положение высших органов власти 1725-1762 гг. рассматривалась также в работах, посвящённых общероссийской проблематике¹⁶. Для этих обобщающих исследований в целом характерен больший интерес к проблемам деятельности Сената, чем советов при особе государя. Последние представляли в этих сочинениях как некие случайно возникшие органы, которые лишили сенаторов законных полномочий. Среди общих работ следует особо отметить много томную «Историю России с древнейших времён» С.М. Соловьёва. Поскольку с появлением данного

исследования в научный оборот был введен основной комплекс источников по истории высших государственных учреждений¹⁷.

Помимо разногласий по вопросу о закономерности тех изменений, которые происходили в петровской системе высшего управления в 1725-1762 гг., в дореволюционной исторической науке имели место споры и относительно характера того влияния, которое советы при особе государя оказали на абсолютную власть монархов. В ходе решения этой проблемы сформировались две основных точки зрения. Сторонники первой из них (А. Вицын, А.Н. Филиппов, М.Ф. Владимирский-Буданов, А. Лютш, В.Я. Уланов и др.) были убеждены в том, что советы при монарших особах несколько не ограничивали власти российских правителей, а лишь реализовывали её вместо самодержцев, не желавших заниматься государственными делами¹⁸. Сторонники второй точки зрения (Э.Н. Берендтс, П.Н. Милуков, Б.Л. Вяземский и др.) полагали, что, сам факт учреждения советов при особе государя или деятельность этих высших государственных органов установили пределы для самодержавной власти¹⁹. В частности Э.Н. Берендтс заявлял, что «только пылкая фантазия

или лицемерие может говорить о самодержавии в России в эпоху 1725-1762 гг.»²⁰. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей, не участвуя в дискуссии по проблеме ограничения самодержавной власти императорскими советами, были уверены в том, что во главе Российской империи в эпоху дворцовых переворотов оставались абсолютные монархи²¹.

Таким образом, дореволюционная историография, так или иначе, затрагивала в своих исследованиях историю высших государственных учреждений периода 1725-1762 гг. При рассмотрении отдельных проблем, связанных с развитием высших органов управления, обнаружилось весьма существенное расхождение во взглядах, касающиеся причин появления советов при государе и изменений в положении Сената. Кроме того, спорным оказался и характер влияния этих советов на самодержавную власть.

Советская историография уделяла недостаточно внимания эпохе 1725-1762 гг. (нередко этот отрезок времени просто игнорировался). Более того, советские учёные даже предлагали отказаться от самого термина «эпоха дворцовых переворотов», заменяя его понятием «вторая четверть XVIII века»²².

¹⁵ Вяземский Б.А. Верховный Тайный Совет. СПб., 1909. С. 2-7.

¹⁶ Вейдемейер А. Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. СПб., 1835; Арсеньев К. Царствование Петра II // Труды Императорской Российской Академии. Ч. 2. СПб., 1840; Щебальский П.К. О России, какою ее оставил Петр I // Рус. вестник. 1858. № 1; Лешков В.Н. Черты управления в России по указам XVIII века (1725-1762 гг.) // Рус. вестник. 1863. Т. 46; Семевский М. Шесть месяцев из русской истории XVIII века. Очерк царствования императора Петра III // Отеч. записки. 1867. № 7-9; Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989; Щебальский П. Чтение из русской истории. Вып. IV. М., 1874; Петр II Алексеевич // Настольный энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 6. М., 1899; Петр III Федорович // Настольный энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 6. М., 1899; Ешевский С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны // Ешевский С. В. Сочинения по русской истории. М., 1900; Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 2. СПб., 1904; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993; Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII вв. СПб., 2002; Павлов-Сильванский Н.П. Мнения верховников о реформах Петра Великого // Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII-XIX вв. СПб., 1910; А.Г. Елисавета Петровна. Очерк ее жизни и царствования // Русский архив. 1911. № 1; Валишевский К. Преемники Петра. М., 1990; Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1990; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 томах. Т. 4. М., 1998; Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.

¹⁷ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т. 18-25. М., 1963-1965.

¹⁸ Вицын А. Указ. соч.; Филиппов А. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета; Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч.; Латкин В.Н. Указ. соч.; Лютш А. Указ. соч.; Уланов В.Я. Указ. соч.

¹⁹ Берендтс Э.Н. Указ. соч.; Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого; Вяземский Б.А. Указ. соч.; Валишевский К. Преемники Петра.

²⁰ Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 66.

²¹ Соловьёв С.М. Указ. соч.; Ключевский В.О. Указ. соч.; Платонов С.Ф. Указ. соч.; Любавский М.К. Указ. соч.; Вейдемейер А. Указ. соч.; Арсеньев К. Указ. соч. Ч. 2; Щебальский П. Чтение из русской истории. Вып. I; Ешевский С.В. Указ. соч.; Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 4; Вернадский Г.В. Указ. соч.; Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч.; Романовский В.Е. Указ. соч.; Нольде А.Э. Указ. соч.; Градовский А.Д. Указ. соч. Т. 8. Ч. 2; Парамонов А.С. Указ. соч.; Беллев И.Д. Указ. соч.

²² Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 48.

Если данный период и подвергался анализу, то объектом исследования, как правило, становились проблемы классовой борьбы и социально-экономического развития. Применительно к истории государственных учреждений на первый план выступали так называемые карательные органы, являвшие собой эксплуататорские и полицейские проявления абсолютистского дворянского государства²³. Проблемы истории высших государственных органов эпохи дворцовых переворотов фактически оказались вне поля зрения советских исследователей. Они лишь отчасти затрагивались в общих курсах истории России, в учебной литературе, а также в работах, посвящённых реформам первой четверти XVIII в. и особенностям истории российского абсолютизма. В данных исторических трудах период 1725-1762 гг. в целом характеризовался как время «дворянской реакции» на реформы Петра I, как эпоха бесконечной борьбы между отдельными группировками феодалов за преобладание. Причём отмечалась роль фаворитизма, правительственной олигархии высших чиновников, ужасы бироновщины и т. д. Но всегда подчёркивалось укрепление в России 1725-1762 гг. абсолютной монархии и усиление «централизаторских» и «бюрократических» тенденций в развитии имперского государства. Высшие государственные учреждения эпохи дворцовых переворотов пред-

ставали в сочинениях советских историков то как «традиционные насиженные места вельмож»²⁴, то, как проявления «политического господства сменявших друг друга группировок»²⁵. В частности, отмечалось падение значения петровского Сената вследствие деятельности императорских советов. Относительно последних указывалось, что они были созданы фаворитами и получили безграничные полномочия, но не ограничили самодержавной власти государей²⁶. Несколько иначе функционирование высших государственных органов 1725-1762 гг. оценивалось М.Н. Покровским. Он доказывал, что Верховный тайный совет сразу же после учреждения ограничил власть императрицы. Кабинет министров исследователь называл «крепостной «конторой» большой барской вотчины», а елизаветинский Сенат, как ему представлялось, «очень напоминал собою» Верховный тайный совет²⁷.

Отметим также опубликованные в 1957 г. «Очерки по истории СССР», которые были посвящены проблемам развития России во второй четверти XVIII столетия. Особенностью данной обобщающей работы было то, что она включала специальный раздел по истории государственных учреждений. Его автор, Б.Г. Слицан, как и часть дореволюционных исследователей, утверждал, что Верховный тайный совет и Кабинет министров появились в системе центральных

органов власти в силу исторической необходимости. Поскольку петровская государственная система, по его убеждению, требовала учреждения в целях повышения эффективности решения «классовых задач чиновничье-дворянского государства» более узкого, чем Сенат, органа власти. Однако чем была вызвана эта потребность, он не указывал. Различие между этими высшими учреждениями, по его мнению, заключалось в следующем. Верховный тайный совет был учреждён в интересах «более широких слоёв дворянства» в противовес аристократическому Сенату, а Кабинет министров возник как государственное орудие иностранных временщиков²⁸.

Итак, при недостаточном внимании советских авторов к периоду 1725-1762 гг. оценки деятельности высших государственных учреждений в эти годы оказались весьма различными. Хотя, безусловно, преобладающим было мнение о том, что императорские советы возникали возле правящих особ в результате борьбы за преобладание внутри класса феодалов и вопрос об их исторической необходимости, таким образом, снимался.

На современном этапе развития отечественной исторической науки стали появляться исследования, специально посвящённые эпохе дворцовых переворотов, которая перестала восприниматься как период безвременья, застоя и дворянской реакции. Напротив,

²³ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М., Л., 1943. С. 152; Самойлов В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. 1948. № 6; Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России IX-XVIII вв. М., 1986; История народного хозяйства СССР. Курс лекций. М., 1960; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964; Голикова Н.Б. Указ. соч.; Сизиков М.И. Центральный столичный полицейский аппарат России в 1732-1740 гг. // Армия и полиция в аппарате эксплуататорских государств. Сб. ученых трудов. Вып. 23. Свердловск, 1973; Сизиков М.И. Политический режим и полиция в России в 40-60-е гг. XVIII в. // Правовые идеи и государственные учреждения: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1980; Сизиков М.И. Торговый надзор полиции в России 40-60-х гг. XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983; Сизиков М.И. Полиция Российской империи в середине XVIII в. // Государство и право. 1993. № 11.

²⁴ Воронский В.В. О природе абсолютизма // Воронский В.В. Сочинения. Т. 1. М., 1933. С. 200.

²⁵ Ершkin Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 99.

²⁶ Политическое развитие России в 50-е гг. XVIII в. // Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия во 2-й половине XVIII в. М., 1956; Краткая история СССР. Ч. 1. М., Л., 1963; История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. I. Т. 3. М., 1967; Мавродин В.В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725-1773 гг.). Л., 1964; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. // Правовые идеи и государственные учреждения: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1980; Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI-XVIII вв.) // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма. М., 1989.

²⁷ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1967. Кн. 1. С. 625; Кн. 2. С. 12, 40.

²⁸ Слицан Б.Г. Указ. соч. С. 270, 272, 275-276.

современные авторы пытаются более взвешено оценить и понять конкретные мероприятия пре-емников Петра I. В основном это работы, в которых анализируются проблемы внутренней политики послепетровских правительств, а также деятельность российских правителей и государственных «мужей». Но в данных исследованиях уделяется внимание и проблемам развития высших органов государственного управления²⁹. Наиболее существенный вклад в изучение высших учреждений эпохи дворцовых переворотов связан с работами Е.В. Анисимова. Он провёл исследование внутриполитического курса Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Главной причиной возникновения советов при особе государя, по его мнению, была необходимость активизации и повышения результативности управления в сложных экономических условиях при незначительном участии в управленческом процессе царствующей особы. В то же время Сенат, как отмечал данный исследователь, не мог в полной мере возглавить руководство страной, поскольку был «слишком разъеден язвами бюрократии»³⁰. Определяя характер взаимоотношений императорских советов и самодержавных монархов, Е.В. Анисимов сделал следующий вывод. В основу советов при особе государя была положена, по словам историка, «столь характерная

для самодержавия более раннего времени, но более усложнённая система «поручений». В рамках этой системы данные высшие органы действовали именем монарха, но последний мог в любой момент вмешаться в устоявшуюся практику их деятельности и изменить её по своему усмотрению. При этом он указывал, что на тех же основаниях (система поручений) функционировала и власть фаворитов, которые также могли влиять на ход государственных дел³¹.

Кроме того, следует отметить статью Д.Н. Шанского «К характеристике высших государственных учреждений России XVIII века (20-е-60-е гг.)». Её автор полагал, что советы при особе государя являлись «одноплановыми необходимыми элементами политической системы абсолютной монархии»³². Этот исследователь разрабатывал, прежде всего, проблему преемственности между отдельными императорскими советами.

Таким образом, в современной историографии вновь активизировался интерес к послепетровской эпохе, что имеет своим следствием и возобновление процесса изучения высших органов власти. При рассмотрении проблем деятельности высших государственных учреждений 1725-1762 гг., в последнее десятилетие преобладает, по сути дела, точка зрения Е.В. Анисимова. Суть его концепции заключается в том, что советы при особе государя были вызваны к

жизни необходимостью ускорения процесса разрешения управленческих задач, а сами были полностью подконтрольными монархам органами. Отметим, что многие вполне справедливые предположения этого исследователя намечены пока лишь в общих чертах.

В целом изучение проблем, связанных с функционированием высших государственных учреждений эпохи дворцовых переворотов, имеет давние традиции. Углубление анализа этой проблематики, как свидетельствует опыт развития дореволюционной науки, приводит к появлению различных точек зрения относительно целого ряда вопросов. Например, спорными оказываются причины появления советов при особе государя, расширявших свою власть за счёт полномочий Сената, по-разному, определяется характер влияния императорских советов на абсолютную власть российских правителей. Поэтому встает задача формирования такой концепции развития высших государственных учреждений 1725 – 1762 гг., которая бы учитывала всё многообразие мнений. Вместе с тем, изучение данной проблематики должно расширить и уточнить наши представления по проблеме эволюции монархии в эпоху дворцовых переворотов, экономического потенциала послепетровской России, прояснить насколько реформы Петра I были восприняты российским обществом.

²⁹ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М., 1986; Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725-1740. СПб., 1996; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Геллер М.Я. История Российской империи. В двух томах. Т. 2. М., 2001; Мыльников А.С. Испытание чудом: «Русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы». Л., 1991; Павленко Н.И. Полудержавный властелин: Историческая хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М., 1991; Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII в. М., 1994; Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Соратники Петра. М., 2001; Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002; Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2002; Мыльников А.С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002.

³⁰ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. С. 81.

³¹ Анисимов Е.В. Россия в «Эпоху дворцовых переворотов» // Власть и Реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 159-160.

³² Шанский Д.В. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е-60-е гг.) // Государственные учреждения в России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 133.

Е.Г. НЕДАЙВОДИНА, аспирант,
Юридический институт, г. Санкт-Петербург
E. Nedayvodina, graduate student, Law Institute, St. Petersburg

Политико-правовые взгляды мировоззрения Екатерины II как один из источников идей русского конституционализма

Political and legal views of the worldview of Catherine II as one of the sources of the ideas of Russian constitutionalism

***Аннотация:** В XVIII в. единственным источником права в Российской империи становится закон, который по содержанию, способу возникновения и силе действия был в немалой степени противоположен прежнему праву Московской Руси. Реформаторский характер понятия о законе, как правильно объяснённой воле государя, должен был проявиться, по мнению Екатерины II, в новых формах.*

Важным элементом законодательной политики Екатерины было стремление учитывать уровень правовой культуры и правосознания населения России.

***Abstract:** In the eighteenth century, the only source of law in the Russian Empire becomes a law, which in content, method of origin and force of action was to a large extent contrary to the former law of the Moscow Rus. The reformist character of the concept of law, explained how the will of the sovereign, was to be exercised, according to Catherine II, in new forms.*

An important element of the legislative policy Catherine was the desire to take into account the level of legal culture and legal awareness of the population of Russia.

***Ключевые слова:** государственно-правовая политика, правосознание, законодательная практика, право, обычай, уклад жизни, государственность, законотворческая деятельность, отечественная история.*

***Key words:** state-legal policy, legal conscience, legal practice, law, custom, lifestyle, politics, legislation, national history.*

В процессе развития основ правового государства и гражданского общества актуализируется проблема взаимной ответственности государства, общества и личности. Права и свободы гражданина становятся главными ориентирами государственно-правовой политики. Актуализация проблемы построения правового государства в нашей стране сформировала потребность в углублённом изучении и исследовании российской истории, поскольку любые новации в области отношения государства и общества должны учитывать национальные традиции.

Кроме того, история отечественных учений о государстве представляет собой богатый арсенал идей и концепций, без знакомства с которыми, без учёта их слабых и сильных сторон, достоинств и недостатков невозможна сколько-нибудь серьёзная разработка современных государствоведческих и социально-экономических проблем. Болезненный процесс реформирования российской государственности во многом объясняется относительно слабым знанием отечественной истории, традиций и устоев российского государства и общества.

В России XVIII в. теоретическая правовая мысль и законотворче-

ская деятельность монархической власти находилась под влиянием идей западноевропейских просветителей естественно-правового направления, особенно в вопросах отношения гражданина, общества и государства. Двойственность источника правовых идей и мировоззренческих установок обусловили присутствие как консервативного, так и либерально-реформаторского направлений в правосознании и законодательной практике Екатерины II.

Общепризнанным фактом считается то, что, вступив на русский престол, Екатерина II уже была в достаточной степени знакома с

идеями ведущих европейских мыслителей своего времени и именно они составляли основу её мировоззрения. Ведущими же мыслителями XVIII в. принято считать тех, кого обычно определяют как просветителей, и, следовательно, именно идеи просветителей, а шире – политико-правовая философия Просвещения была идейной основой политики Екатерины. Немало подтверждений сказанному содержится в многочисленных оценках тех или иных сочинений, данных самой императрицей, в разного рода принадлежащих ей текстах декларативного характера, в факте её многолетней переписки с Вольтером, Дидро, Гриммом и др.¹ Значительное, более того – определяющее воздействие просветителей на мировоззрение Екатерины является очевидным.

Не вызывает сомнения то, что в истории российской политико-правовой мысли XVIII в. важнейшим документом является Наказ императрицы Екатерины II Комиссии об уложении (Уложенной комиссии)², в котором декларируются общеевропейские начала государственного и правового устройства общества. О созыве «Комиссии по составлению нового свода законов» было объявлено Указом от 14 декабря 1766 года. Комиссия составлялась из избранных представителей и была открыта указом от 30 июля 1767 года. Первоначально она заседала в Москве, затем в Санкт-Петербурге до 1774. Наказ Екатерины II – произведение, идеи которого заимствованы императрицей из трудов Ш. Монтескье «О духе законов», Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Энциклопедии Д. Дидро и Д'Аламбера и т.д., явилось для российской теоретической общественно-правовой мысли определённым этапом. Текст Наказа был направлен делегатам в

качестве руководства и зачитан в Успенском соборе в Москве

Французских просветителей, кроме теоретических аспектов, волновало явление преступности, ставшей серьёзной проблемой в связи с изменением уклада жизни европейского населения: ростом населения городов, процессом люмпенизации и т.п. Несмотря на то что ко времени правления Екатерины II русская общественно-правовая мысль сделала качественный скачок от средневекового менталитета к секуляризованному мировосприятию Нового времени, для России второй половины XVIII в. подобные проблемы ещё не были столь актуальными. Однако Екатерина II считала законодательный материал Уложения царя Алексея Михайловича и нравы «Древней Руси» устаревшими, недостойными европейского государства и полагала как можно скорее переделать весь уклад российской жизни на европейских лад. То, что не удалось завершить Петру I, предполагала учинить императрица, возложив в начале своего правления на себя продолжение реформаторской миссии.

Официальная идеология екатерининской эпохи представляет естественно-правовые идеи западноевропейских просветителей о рациональной системе организации государства, о совершенствовании человека и регулировании общественных отношений путём введения «разумных законов». Хотя большая часть текста ее Наказа³ – это обычный перевод трактатов французских просветителей, концептуально труд Екатерины II сформулировал принципы новой правовой системы и идеологии «просвещённого абсолютизма». Наказ не есть закон, в нём изложены рекомендации императрицы законодательной комиссии при организации, определении, разработке

функций и компетенции различных государственных органов.

В XVIII в. единственным источником права в Российской империи становится закон, который по содержанию, способу возникновения и силе действия был в немалой степени противоположен прежнему праву Московской Руси. Реформаторский характер понятия о законе, как правильно объяснённой воле государя, должен был проявиться, по мнению Екатерины II, в новых формах: 1) законы, т.е. «те установления, которые ни в какое время не могут перемениться» (однако монархи законами манипулировали по своему усмотрению, и уважения к праву и закону у широких масс населения не было); 2) уставы и указы, т.е. «временные учреждения»; 3) указы – частные установления.

Важным элементом законодательной политики Екатерины было стремление учитывать уровень правовой культуры и правосознания населения России. В XVIII в. законы нередко переводились с немецкого и шведского языков, содержали непонятные народу термины, аналогов которых в русском языке не было, сам дух законов был чужд широким массам населения Российской империи, для которых Соборное Уложение 1649 года царя Алексея Михайловича было более близко и понятно. В своём Наказе Екатерина II указывает на этот факт и рекомендует «воздержаться от узаконений, с общим народом умствованием несовместных», «когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онаго добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями»⁴. Однако императрица стремилась

¹ Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. – М., 1990. – С. 463.

² ПСЗ. Т.18. № 1294.

³ ПСЗ. Т.18. № 12949.

⁴ Там же. С. 384.

создать новое законодательство, а не приводить в порядок старое.

Полагая, что «Россия есть европейская держава», Екатерина II стремилась доказать это в своем Наказе: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и привнесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чужих областей. Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашёл тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»⁵.

Единственно возможной формой правления в России императрица считала самодержавную монархию: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства», и даже более того – «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно»⁶.

Необходимо отметить и самый радикальный проект Екатерины II, который сохранился в подготовительных записках к Наказу, – постепенную отмену крепостного права, так как «противно христианской религии и справедливости делать рабов из людей, которые все получают свободу при рождении». Приемлемым способом освобождения крестьян Екатерина полагала следующий: «Поставить, что как только отныне кто-нибудь будет продавать землю, все крепостные будут объявлены свободными с минуты покупки её новым владельцем, а в течение сотни лет все или, по крайней мере, большая часть земель меняют хозяев, и вот народ свободен»⁷. Императрица выступает также против жестоких наказаний и пыток.

Екатерина II предполагает установить новые понятия и уклад жизни путём введения прогрессивных законов. Методологической установкой здесь выступает глубокое убеждение императрицы в том, что если объяснять бездействие неподготовленностью умов в российском обществе, то «нельзя установить и самого полезнейшего дела». Пафос бывшей анхальт-цербстской принцессы разделяли многие адепты естественно-правовой концепции в век Просвещения.

Взгляды Екатерины ни в коем случае не носили отвлечённый, чисто теоретический характер и она никогда не помышляла о механическом перенесении на русскую почву теорий западного происхождения. Знакомство с идеями просветителей утвердило её в мысли, что царствовать – значит не просто исполнять миссию, возложенную Богом, но обладать особыми качествами, позволяющими осуществлять сложную работу управления обществом, требующую определённых знаний и навыков. При этом, как будет видно из дальнейшего изложения, Екатерина предусматривала и введение в российскую политическую систему элементов представительных учреждений. Но в чём же тогда видела императрица принципиальное отличие монархии, самодержавия от республики?

У Монтескье Екатерина могла прочесть следующее утверждение о монархии: «Самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя, ... благодаря этому государство получает большую устойчивость...» Там, где нет сословий, считал мыслитель, «государство либо народное, либо деспотическое»⁸. Причём особую роль Монтескье отводил

дворянству как ограничителю власти монарха. Таким образом, отсутствие в государстве обличённого особыми правами и привилегиями дворянства – также залог деспотизма.

Формирование сословий европейского типа в качестве гарантии от деспотического правления стало, как свидетельствует текст Наказа, центральным пунктом реформаторской программы Екатерины. Причём акцент был сделан на третье сословие, которому просветители отводили особую роль в государственном устройстве. Характерно в этом отношении составленное М. де Буляром в 1763 году и известное Екатерине «Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина». В нём, в частности, говорилось, что «всякая держава, в коей не находится третьяго чина, есть несовершенна, сколько бы она ни сильна была», ибо «третий чин» играет важнейшую роль в экономике, развитии наук и культуры и является «душой общества»⁹.

Проблема третьего сословия сознавалась уже авторами проекта елизаветинского уложения, однако Екатерина вовсе не собиралась автоматически переносить на русскую почву французскую модель. Некоторые особенности её понимания сословного устройства общества, пригодного для России, выразились, в частности, в той терминологии, которой она пользовалась. Так, используя в своих французских текстах слово «etat», а в русских – «род», она писала (например, в письмах к г-же Жоффрен)¹⁰ не о третьем сословии, которое во Франции объединяло всех свободных людей, кроме дворянства и духовенства, а о среднем («etat citoyen»), изначально отвергая, таким образом, идею

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. – С. 405.

⁷ Там же. С. 426.

⁸ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. – С. 209, 176.

⁹ Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993. – С. 218.

¹⁰ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России. – М., 2001. – С. 301.

формирования самостоятельного сословия из духовенства, в то время как самостоятельным сословием, по её мысли, должно было быть крестьянство.

Согласно советской историографической традиции сословный строй воспринимается как строй, предполагающий социальное неравенство, строй, при котором, следовательно, невозможны и гражданские свободы. Между тем Наказ декларировал, что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»¹¹. Спустя почти 30 лет в черновиках нереализованных законодательных проектов читаем своего рода пояснение к этому положению: «Всероссийской империи всяких чинов и состояния людям суд и расправа да будет всем равна»¹². Таким образом, на первый взгляд, возникает основание упрекнуть Екатерину в лицемерии, в несоответствии деклараций реальной политике. Однако вторая приведенная цитата, несомненно, раскрывает содержание первой: речь идёт о том, что нарушение закона влечёт за собой равное наказание вне зависимости от сословной принадлежности. Сама Екатерина никакого противоречия здесь не ощущала. Как отмечал немецкий историк Д. Герхард, в XVIII столетии «привилегия выполняет для индивидуума и для сословия ту же функцию, какую в современном мире, со времени Американской и Французской революций, и только с тех пор, исполняет основополагающее представление о равенстве перед законом, равном гражданстве, о правах человека и гражданина»¹³.

Что касается свободы («вольности» на языке XVIII в.), то в

Наказе (ст. 38) Екатерина вслед за Монтескье утверждала: «Вольность есть право всё то делать, что законы дозволяют»¹⁴. Монтескье писал о свободе естественной и политической, замечая при этом, что первая предпочтительнее, но её можно достичь лишь в небольших государствах. В крупных же странах монархи должны стремиться к установлению ограниченной законами политической свободы, которая также служит гарантией от деспотии и анархии. В своих выписках из книги Д'Аламбера «Анализ Духа законов» Екатерина записала: «Политическая свобода в отношении к гражданину состоит в безопасности под защитой закона, или, по крайней мере, в мысли о такой безопасности, которая гражданину позволяет не бояться своего соседа»¹⁵.

Подобное толкование равенства и свободы самой Екатериной, как и просветителями, противопоставлялось социальному равенству и всеобщей свободе в том значении, какое они приобрели в ходе Американской и Французской революций. Екатерина же непосредственно под влиянием событий Французской революции заявляет, что «равенство – чудовище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем»¹⁶. Это её выражение прямо перекликается с написанным много позже Г. Гегелем об эпохе якобинского террора, когда, как он считал, свобода личности стала новой добродетелью, заменяя мораль, нравственность, традиции, идеологию¹⁷.

При всём разнообразии точек зрения по отдельным вопросам, существовавших в рамках Просвещения, одно, несомненно, было общим для всех его авторов – вос-

ходящие к теоретикам естественного права XVII в. представления о Законе, его месте в политическом устройстве и роли в преобразовании государства. Этими представлениями определялись обязанности и функции монарха.

«Власть свою государь получает от своих же подданных, – говорилось в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, – и она ограничена естественными и государственными законами. Естественные и государственные законы – это условия, на основании которых подданные подчиняются или считаются подчинёнными государю. По одному из этих условий он не может своей властью уничтожить акт или договор, предоставляющий ему эту власть, ибо она дана ему по их выбору и с их согласия»¹⁸. В качестве примера понимания монархом своих обязанностей энциклопедисты приводили Генриха IV, который служил Екатерине одним из образцов для подражания. Основная обязанность государя – забота о благе подданных посредством установления справедливых законов, которым он и сам должен подчиняться. Однако эти законы вовсе не должны быть везде одинаковыми: «Они должны соответствовать физическим свойствам страны, её климату... качествам почвы, её положению, размерам, образу жизни её народов... степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям...»¹⁹ Эта мысль Монтескье также была твёрдо усвоена Екатериной и неоднократно повторена ею в различных документах.

Вместе с тем законы неоднородны по своему значению. Суще-

¹¹ ПСЗ. Т. 18. № 12949. С. 389.

¹² РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 212 об.

¹³ Цит. по: Griffiths D, Catherine I Charter: a Question of Motivation // Canadian-American Slavic Studies. 23. № 1. Spring 1989. P. 74

¹⁴ ПСЗ. Т. 18. № 12949. С. 395.

¹⁵ Записки императрицы Екатерины II. – С. 620.

¹⁶ Там же. С. 729.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. С. 466–467, 314.

¹⁸ История и Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л., 1978. – С. 90–93.

¹⁹ Монтескье Ш. Указ. соч. – С. 168.

ствуется основной, «фундаментальный» закон – «всякий главный закон государственного устройства». Основные законы – «договоры между народом и тем или теми, кому он передаёт верховную власть, каковые договоры устанавливают надлежащий способ правления и предписывают границы верховной власти. ... такие законы вовсе не делают верховную власть неполной, напротив, они её улучшают и вынуждают государя творить добро...» Основной закон – «закон общественного блага, от которого государь не может уклониться, не пренебрегая в большей или меньшей степени своим долгом»²⁰.

Для обеспечения общественного, «общего» блага недостаточно, однако, чтобы только государь соблюдал основной закон страны, необходимо, чтобы законы соблюдали и его подданные. Отсюда ещё одна, так хорошо сознававшаяся Петром Великим обязанность государя – воспитание подданных, их просвещение, забота об образовании, распространении знаний. Одновременно это направление политики – ещё один неперемный атрибут идеала просвещённого монарха, философа на троне, который так стремилась воплотить Екатерина.

Чтение императрицей Монтескье, несомненно, повлияло на формирование черт тактики её политической деятельности в целом и реформаторской в частности. «Благоразумный законодатель, – писал философ, – должен выбрать «косвенные меры», направлять удары не на непосредственную и потому защищённую политическую цель. Следует преобразовать те звенья, которые только косвенно затронут главное в системе государства»²¹.

Отсюда тактика постепенности, сознание необходимости тщательно готовить всякое нововведение, ибо «если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого»²².

«Я разбираю обстоятельства, советуясь, уведывая мысли просвещённой части народа, – говорила Екатерина своему статс-секретарю В.С. Попову, – и потому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперёд я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я моё повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приурочено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей волей, не размышляя о следствиях...»²³

Было бы неверным полагать, что все описанные выше постулаты, усвоенные Екатериной и составившие основу её политической программы, имеют лишь один источник – философию французского Просвещения. Собственно, сама эта философия была в значительной мере развитием идей теоретиков естественного права XVII в. – Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Т. Гоббса и др., в свою очередь восходящих к «протестантской этике». Именно в ходе Реформации и в рамках протестантизма произошла эволюция понятия *Vita contemplative* – аскетического идеала средневековья – в *Vita activa*, что привело и к изменению в представлениях о роли монарха. Если в средние века долгом монарха считалось обеспечение лишь духовные стороны жизни подданных,

забота о том, чтобы они вели истинно христианский образ жизни и готовились к Страшному суду, то теперь в сферу его забот стали входить и мирские, светские вопросы материального благополучия населения. Такие изменения диктовались и конкретно-историческими обстоятельствами Европы после Тридцатилетней войны и военной революции.

Как пишет один из современных исследователей екатерининской эпохи, в разделённой политически и конфессионально Европе «каждое государство, большое и маленькое, чтобы максимизировать свою мощь и избежать зависимости от соседей, стремилось как в можно большей степени полагаться на собственные ресурсы для обеспечения своих военных, политических и судебных институтов»²⁴. Распространение интересов государства на более широкие сферы жизни общества вело к усилению его контроля за ними. Именно на этой почве возникло и понятие «полицейское государство» – *Polizeistaat*, хорошо известное Екатерине.

В XVIII в., как замечает Гриффитс, словосочетание «полицейское государство» ещё не успело себя скомпрометировать и пользовалось хорошей репутацией. Оно означало лишь «государство, в котором правитель заботится о благосостоянии подданных и стремится создать его путём активного вмешательства в их повседневную жизнь. Как таковое оно представляло шаг в сторону от сравнительно слабой политической организации средневековья к более жёстко организованному и регулируемому обществу»²⁵. Основу полицейского государства составляет хорошо организован-

²⁰ История и Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – С. 88.

²¹ Монтескье Ш. Указ. соч. – С. 550.

²² Там же. С. 567.

²³ Записки императрицы Екатерины II. – С. 647.

²⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. – М., 1993. – С. 72.

²⁵ Griffith D. Catherine II: The Republican Empress. P. 334–335.

²⁶ РСЗ. Т. 21. № 15430.

ная, эффективно действующая полиция, заботящаяся не только об общественной безопасности, но и о здоровье общества, соблюдении санитарных норм, норм морали, трудовых отношений и пр. Всё это нашло впоследствии воплощение в екатерининском Уставе благочиния²⁶ 1782 года, но уже в Наказе, как бы перефразируя известное выражение Петра из Регламента Главного магистрата 1724 года – «полиция есть душа гражданства», императрица замечала, что «часто разумеется под названием полиции порядок вообще в государстве» (ст. 527)²⁷.

Активное использование Екатериной достижений европейской мысли и европейского опыта обосновывалось также следующим зафиксированным Наказом положением: «Россия есть европейская держава». И далее: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, введя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашёл тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»²⁸.

Как видим, это рассуждение тоже восходит к Монтескье, пытаясь связать особенности климата со свойственными ему «нравами». Однако на сей раз российские условия оказываются сходными с европейскими. Что стоит за этим рассуждением – просто плохое знание климатических особенностей России, столь отличных от большей части Европы, или намеренное искажение истины, лицемерие, желание «подогнать» действительность под теорию? Скорее всего, и то и другое понемногу. Но здесь опять необходимо вспомнить об умышленно декла-

ративном характере Наказа, формулировавшего основные принципы будущего законодательства, а реальная картина, существовавшая в сознании императрицы, была, видимо, сложнее.

Неплохо знавшая политическую историю европейских стран, Екатерина не просто видела перед собой некие модели, пригодные для использования, но вполне ясно представляла процесс их складывания, а следовательно, могла оценить достаточно критично. Да и сочинения просветителей, выступавших с острой критикой старого режима, должны были настроить её на скептический лад. Наконец, в самом Наказе, как уже упоминалось, говорилось (опять же вслед за Монтескье), что новые законы должны соответствовать «нравам» народа: «Естественные законы – это те, особое устройство которых ближе всего подходит склонностям того народа, для которого они сделаны» (Ст. 5 Наказа)²⁹.

Естественно-правовая концепция и идеи Просвещения находились в фокусе общественного внимания не только в Европе, но и в России. Все рассмотренные нами мыслители и правоведы, включая в этот ряд и саму императрицу, испытывали на себе влияние этих идей и представлений, что не могло не сказаться на характере и направлении законотворческой деятельности основных субъектов российской политики. Вместе с тем Екатерина II в своих действиях на реформаторском поприще должна была соотноситься с реалиями российской действительности, степени зрелости общества и его готовности к назревшим переменам, опытом законодательной и правоприменительной деятельности своих предшественников.

Развитие российской государственности находилось на ступени

формирования сословной организации общества. С этим немаловажным фактором приходилось считаться всем законодателям XVIII в., от Петра I до Екатерины II. Наличие сословий, классов, больших социальных групп в обществе является показателем его зрелости, но вместе с тем требует специального внимания законодателя, органов управления государства к проблемам социального и правового регулирования отношений между ними, гражданином и государством. Вместе с тем следует отметить, что именно положение сословия в качестве опосредующего звена в отношениях гражданина и государственной власти придаёт ему одновременно консервативный и органический характер.

Знакомство с правовыми и политическими аспектами мировоззрения Екатерины II убеждают нас в том, что она отдавала себе отчёт в важности целенаправленной разработки социальной политики и её правовой основы, понимала его значимость для проведения успешной государственной и социальной политики. Заслуга Екатерины Великой, на наш взгляд, состояла как раз в том, что она наряду с общегосударственными мерами поставила вопрос о правовом регулировании сословного положения подданного во главу угла своей законодательной политики.

Взгляды Екатерины во многом определили ход мысли других русских просветителей второй половины XVIII в., в том числе и участвовавших тем или иным образом в работе Уложенной комиссии. Ряд из них делал достаточно решительные шаги в сторону идей конституционализма.

Так, прямой сторонник конституционной монархии М.М. Щербатов полагает, что нельзя ставить государя выше всех законов (государственных, нравственных,

²⁷ ПСЗ. Т. 18. № 12949. – С. 427.

²⁸ Записки императрицы Екатерины II. – С. 544–545.

²⁹ ПСЗ Т. XVIII, № 12966, С. 497–498

церковных). «Самовластие» представляется М.М. Щербатову неприемлемой формой правления, «понеже сие есть мучительство, в котором нет иных законов и иных правил, кроме безумных своенравий деспота. Я порицаю самой состав нашего правительства, – пишет Щербатов, – называя его совершенно... самовластным и таким, где, хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силе вельмож уступают»³⁰.

Далее М.М. Щербатов указывает, что для самодержавной России необходим законодательный орган – Сенат, который бы объединял достойнейших представителей родовитого дворянства как опору и залог прогрессивного развития государства: «...нужно государю иметь совет, сочинённый из мудрейших и более знания имеющих в делах людей своего народа, которые должны ему представить то, что может служить счастьем государств и отсоветовать, колико возможно, в вещах, предосудительных государству и клонящихся к самовластию»³¹.

Свои конституционно-монархические взгляды представитель «натуральной юриспруденции» С.Е. Десницкий – один из крупнейших авторитетов российского правоведения – изложил в трактате «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), который непосредственно предназначался Уложенной комиссии. В своём сочинении он обосновал необходимость установления парламентской формы правления в Российской империи, не исключая, однако, наличие монарха. Парламент – Правительствующий Сенат, по мысли С.Е. Десницкого, должен обладать всей полнотой законодательной власти: издавать указы, определять бюджет государства, размеры пошлин, контролировать расходы двора и губернских органов власти. Только Сенат вправе вступать в соглашения с государствами, объявлять войну, заключать мир и т.п. Российский парламент должен

был состоять из 600–800 человек, избирающихся в губернских округах³².

По мысли российских просветителей, гарантией гражданской свободы является политическая свобода. Таким образом, идеи конституционализма приобретают достаточно определённые очертания. Во-первых, сферу личной свободы, субъективного права – гражданский строй. Во-вторых, сферу государственной власти – административную систему. В-третьих, сферу децентрализации, самоограничения государственной власти путем её разделения между различными государственными органами – конституцию.

Работы русских просветителей XVIII в., к числу которых с полным правом можно отнести и Екатерину II, заложили основы последующего генезиса идей русского конституционализма вплоть до принятия в 1906 году Основных государственных законов Российской империи, которым предстояло сыграть историческую роль первой русской конституции.

³⁰ Щербатов М.М. Сочинения князя М.М.Щербатова. Т. 1. – СПб. – С. 229.

³¹ Там же. С. 337.

³² См.: Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978. – С. 271.

А.Ю. РУСАКОВА, аспирант Юридического института,
г. Санкт-Петербург

A. Rusakova, post-graduate student of Institute of Law, Saint-Petersburg

Социальная стратегия в государственно-правовой политике Российской империи последней трети XVIII века

Social strategy of the state legal policy of the Russian Empire the last third of XVIII century

Аннотация: Екатерина II не считала предоставление дворянству гражданской свободы дарованием ему особой привилегии. Она полагала, что “Жалованная грамота”¹ 1785 года должна восприниматься как начало развития гражданского строя в России. Доказательством этому служит её намерение издать в том же году закон, в силу которого все российские подданные, которые будут рождаться, начиная с этого года, с рождения будут свободными людьми, к какому бы сословию ни принадлежали их родители.

Законы, касающиеся различных групп городского населения, не были изолированным, тем более случайным фактом в законодательной деятельности Екатерины II и составляли важное звено в организованной ею работе по изданию более совершенного, чем ранее, законодательства Российской империи.

Abstract: Catherine II did not consider the provision of nobility civil liberties by giving it special privileges. She believed that “a Patent from” 1785 should be seen as the beginning of development of civil service in Russia. The proof of this is its intention to publish in the same year, the law by which all Russian nationals who will be born, starting this year, from birth will be free people, what would bar any belonged to their parents.

Laws relating to different groups of the urban population, were not isolated, the more random fact in the legislative activity of Catherine II and was an important link in an organized its work on the publication of more perfect, than earlier, the laws of the Russian Empire.

Ключевые слова: социально-правовые идеи, просвещение общества, цензура, просвещение, свобода, средний класс, экономическое развитие, государственное стимулирование, законы о дворянстве, социальная политика, крепостной строй, либерализм.

Key words: socio-legal ideas of the enlightenment society, censorship, education, freedom middle class, economic development, government incentives, laws on the nobility, social policy, serf system, liberalism.

В целом говорить о сколько-нибудь целенаправленной государственно-правовой политике по регулированию социальных процессов в XVIII веке можно лишь с очень большой долей условности и с очень значительными оговорками. В эпоху Просвещения только зарождались научные представления об обществе, закономерностях его развития и о возможностях государства воздействовать на эти процессы. Наиболее глубокие исследования

закономерностей отношения общества и государства были сделаны уже на исходе столетия в трудах Канта и вряд ли с ними были знакомы люди, реально решавшие судьбы государств и народов.

Вместе с тем можно уверенно выделить, как минимум, два направления социальной политики, которые проводились Екатериной II сознательно, и для которых разрабатывалась серьезная правовая база. Это, во-первых, политика в области просвещения общества

и, во-вторых, стремление к формированию среднего класса в России. И в том, и в другом случае императрица опиралась на соответствующие социально-правовые идеи Монтескье и Руссо.

Правда, просветительская деятельность Екатерины не была вполне последовательной. Здесь можно выделить два этапа, водоразделом между которыми стала Французская революция.

Если в начале своего правления Екатерина II способствовала рас-

¹ ПСЗ. Т. 22. № 16188.

пространению в государстве просвещения, гласности в обществе, многое сделала для развития журналистики, то после Французской революции она всё больше внимания начинает уделять вопросам контроля за распространением печатной продукции. Не следует забывать, что ещё в 1763 году по её указу Академия наук, а затем и Московский университет были наделены функциями цензуры. 1 марта 1771 года был издан Сенатский указ, ставший «первым цензурным законом по книгопечатанию гражданскому», но пока «для одних лишь книг на иностранных языках».² 15 января 1783 года был издан Указ Екатерины II «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках с освидетельствованием оных от Управы благочиния». В указе прямо оговаривались функции цензуры, которые возлагались на управы благочиния.³ К началу девяностых годов в екатерининском окружении всё отчетливее вызревала идея необходимости систематической цензуры и специального цензурного органа.⁴ Наконец, 16 сентября 1796 года последовал указ Екатерины II Сенату, который официально учреждал цензуру как постоянно функционирующий институт.⁵ В 1796 году была учреждена Московская духовная цензура, находившаяся в непосредственном ведении Синода. Он же утверждал её состав. Котович А. в книге «Духовная цензура в России» относит именно к этому времени появление в стране «организованной духовной цензуры».⁶

Гораздо более последовательной была деятельность Екатерины по созданию законодательных основ для формирования в России среднего класса.

Значение среднего класса для стабильности и процветания общества, его устойчивого экономического развития было хорошо известно ещё со времён Аристотеля. Однако в эпоху Просвещения утверждалось представление о возможностях государственного стимулирования его развития. При общем стремлении поддерживать торговлю и промышленность, составлявшим важный момент экономической политики в Российской империи, внимание правительства в первую очередь было направлено на положение городского купечества. В этом проявлялась социальная составляющая государственно-правовой политики Екатерины II, целенаправленно стремившейся к созданию «среднего сословия».

Образование жизнестойкого «среднего сословия», включённого в социальную структуру общества наряду с дворянством и крестьянами, относилось к предпосылкам развития обширной социально-экономической политики. Первоначально её разработкой и проведением должна была заниматься Комиссия о коммерции, основанная императорским Указом от 8 декабря 1763 года.⁷ При этом наибольшие проблемы возникали при примирении интересов государства и отдельных сословий, а также между сословиями: купечеством, крестьянством и дворянством.

В Комиссии активно разрабатывался вопрос о возможном право-

вом статусе «третьего сословия». В своей записке член комиссии Г.Н. Теплов, один из ведущих советников Екатерины по этим вопросам, фактически констатировал, что петровская социальная политика для торгово-промышленного населения не привела к принципиальным изменениям в его статусе.⁸ Важной мыслью Г.Н. Теплова было признание того факта, что в России нет условий для возникновения «третьего класса» людей, ибо он может появиться только при наличии свободы. Отмечу, что понятие «вольный», «свободный» присутствовало в праве XVIII века как синоним беглого, нарушителя законов, которые требовали от подданных, чтобы они постоянно находились на службе, в тягле или в крепостной зависимости.⁹ Более того, активное поощрение предпринимательства с помощью пожалования крепостных подорвало базу расширения рынка свободных трудовых ресурсов. Негативно эта ситуация влияла и на сознание предпринимателей из недворян. Оно не кристаллизовалось как сознание буржуазное, отличное от сознания других категорий населения, его ценности лежали в кругу ценностей привилегированной части общества – дворянства. Именно поэтому первое, о чём мечтал разбогатевший предприниматель, – это стать дворянином, повторить путь Демидовых и графов Строгановых. Кроме ощущения социальной комфортности, это давало и реальную выгоду.

Выход из создавшейся ситуации общей несвободы Г.Н. Теплов видел, в частности, в том, чтобы крестьянин-ремесленник имел

² Нотович О. Исторический очерк нашего законодательства о печати. – СПб., 1873. – С. 36–37. Ср.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – СПб., 1862. – С. 16–18.

³ ПСЗ. Т. VI. № 15634.

⁴ См.: Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М., 1905. – С. 8–9.

⁵ Указ от 16 сентября 1796 г. «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец цензур в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможене, и об упразднении частных типографий» // ПСЗ. Т. XXIV. № 17508.

⁶ Котович А. Духовная цензура в России: 1799–1855 гг. – СПб., 1909. – С. 4.

⁷ ПСЗ. № 11985.

⁸ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России. – М., 2001. – С. 129.

⁹ Там же. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 198.

право выкупиться у помещика и стать членом сообщества свободных мастеров. Только эта мера «возвысить, кажется, может всем рукоделиям в государстве искусство, а напоследок произведёт между дворянством и крестьянством третий стаи людей, то есть мещанской». Здесь, как и в дворянском вопросе, имелось в виду издание «фундаментальных» законов: «Положить надобно за главное основание и то, чтоб единожды учреждённые и постановленные порядки действие своё непрерывное имели».¹⁰ В установлении таких «фундаментальных» законов о «третьем сословии» самодержавная власть не видела тех ловушек, которые ей расставляли аристократические радетели «фундаментальных» законов о дворянстве. Близки Екатерине II были и мысли о конструировании общества, образовании с помощью законодательства, помимо дворянского сословия, и «среднего рода людей». В здании «законной монархии» «средний род людей» был бы «вторым этажом» между дворянством и крестьянством.

Логичная стройность задуманного плана самым удачным образом совпадала с вполне реальными ожиданиями выгод для казны от институционализации положения купцов и ремесленников. Эти мысли перекликались с разрабатываемой в то же время реформой школы: весной 1764 года императрица одобрила идеи И.И. Бецкого о создании такой школы, которая бы позволила через качественно новое воспитание образовать «третий чин» общества.¹¹

В 1769 году под руководством и при непосредственном участии Екатерины II был разработан проект положения «О среднем роде людей», или правовом статусе мещанства. К этому сословию от-

носились лица, занимающиеся наукой и несущие службу (белое духовенство, учёные, чиновники, художники); лица, занятые торговлей и промыслами (купцы, фабриканты, заводчики, владельцы судов и мореплаватели); прочие лица (ремесленники, мещане, работные люди).¹²

Согласно этому проекту, «средний род» людей располагал полной личными правами, правом на жизнь, безопасность и имущество. Предусматривались судебные права, права на неприкосновенность личности вплоть до окончания судебного разбирательства, на защиту в суде. Мещане освобождались от общественных работ, их запрещалось переводить в крепостное состояние. Они имели право свободного переселения, передвижения и выезда в другие государства, право на свой внутрисословный суд, обзаведение домами, право выставить вместо себя замену по рекрутскому набору.

Мещане имели право владеть городскими и загородными домами, неограниченное право собственности на принадлежащее им имущество и наследование. Они получали право владеть промышленными заведениями (с ограничением их размеров и числа работающих на них), организовывать банки, конторы и прочее.¹³ Но в целом учреждение Комиссии о коммерции, как и других аналогичных институтов, не привело к сколько-нибудь заметным результатам в области законодательства. Это стало одной из причин созыва «Комиссии об уложении». В своём Наказе комиссии Екатерина, фактически, признавала, что «среднее сословие» в городах со своей коммерческой, ремесленной, художественной и научной деятельностью будет государству не менее полезно, чем дворянство.

Она поставила перед Комиссией задачу определить тех лиц, которые не входили ни в дворянство, ни в крестьянство, и, соответственно, должны были относиться к «свободному сословию». Стоит отметить, что под свободой при этом понималась не политическая свобода в современном смысле этого слова, а лишь «вычёркивание» из тягловой повинности. Екатерина II, таким образом, стремилась создать привилегированное третье сословие со всеми принадлежащими ему правами и обязанностями для подъёма общего благосостояния в государстве.

По результатам работы Комиссии по уложению были проведены глубокие реформы в области управления и самоуправления городов, которые во многом закрепляли положение «среднего сословия». Идея создания нового среднего сословия, которое, «пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни к хлебопашцам», вошла в ст. 379 Наказа Екатерины II и стала центральной в работе Уложенной комиссии, которая составила «Проект законов о правах среднего рода государственных жителей».¹⁴ Вместе с тем императрица-реформатор явно не спешила с осуществлением замысла о «третьем роде», она шла к этому постепенно. Так, в 1775 году она подписала манифест о привилегированном налогообложении купечества, а в 1785-м – «Жалованную грамоту городам».¹⁵ Важным шагом на этом пути также стала проведённая в 1775 году губернская реформа.

Социально-правовая политика Екатерины по развитию «среднего класса» не была продолжена её преемниками. Следствием этого стало то, что в 1796–1797 годах изменилась система городского управления: городские думы и

¹¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I... – С. 203.

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же. С. 263.

¹⁴ ПСЗ. Т. 18. № 12949.

¹⁵ ПСЗ. Т. 22. № 16188.

управы благочиния ликвидировались.

Содержание законов, изданных в 1782 году, и сопровождающие их размышления, на наш взгляд, представляют собой доказательство того, что Екатерина последовательно придерживалась либеральных принципов во всё время своего царствования, а не только в первые его годы. Впервые частная собственность на землю была введена в России как привилегия дворянства. Это было обусловлено правовым прошлым России, а именно: почти двухсотлетним существованием крепостного строя, паутина которого опутывала все сословия и определяла всю социальную и политическую структуру Российского государства. Чтобы сделать возможным переход к более либеральной системе, при которой за подданными признаётся и фактически им предоставляется право на гражданскую свободу, нужно было найти в России, в рамках существовавшего старого крепостного строя, те элементы, которые можно было использовать для создания нового гражданского строя. Это значит, что нужно было создать правовой статус для отдельных категорий подданных, для отдельных сословий, в который входило бы признание субъективных гражданских прав. Кроме того, несомненно, что Екатерина сначала думала о создании в России нового среднего сословия, ни с одним из существующих сословий прямо не связанного, с тем, чтобы предоставить ему этот статус. Вероятно, с этого и началась подготовка уже упомянутого нами проекта «О правах среднего рода людей».¹⁶ Было естественно, что мысли её шли именно в этом направлении, поскольку на Западе среднее сословие и города, в которых оно развилось, были носителями гражданского строя. Но, вероятно, вскоре она заметила, что

в России не доставало многих важных предпосылок для развития городов, а следовательно, и для создания такого среднего сословия.

Таким образом, для неё остался единственный выход: признать за дворянством гражданскую свободу и гражданские права, что она и сделала в «Жалованной грамоте городам». Дальнейшее развитие доказало, что Екатерина была совершенно права. Здесь оправдалось её удивительно точное восприятие действительности и верность её исторической интуиции.

Значение реформ Екатерины II в области городского самоуправления, с точки зрения истории права, состояло, прежде всего, в том, что определяющими правовыми документами признавалось «всесословное общество градское», которое должно было включать в себя всю совокупность постоянного населения города, принадлежность к которому обуславливалась не сословным положением, а определённым имущественным цензом. Это было новым в истории государственно-правового регулирования социальных отношений в городах России, так как все прежние органы городского самоуправления, ратуши и магистраты, имели отношение лишь к одному элементу городского населения, «людям посадским», т.е. к городским купцам и ремесленникам. Теперь «общество градское» должно было избирать из своего состава всесословную думу, которой вверялось «заведывание» городским хозяйством. По замыслу законодателя, дума должна быть объединить в общей работе на пользу города и дворян, и купцов, и духовенство, и крестьян, живших в черте городской оседлости.

Вместе с тем дореволюционные юристы были склонны подчёркивать отсутствие в екатерининских городских учреждениях начал действительного самоуправления

среднего класса. Как отмечал Н.М. Коркунов, характеризуя екатерининские реформы, «применение выборного начала не приводило к установлению местного самоуправления, так как лица, назначавшиеся на должности по выбору сословий, ставились в полную зависимость от правительственной власти, были призваны служить не представителями общественных интересов, а исполнителями правительственных предначертаний».¹⁷ Сближения сословий в ходе организации городского самоуправления практически не намечалось. Сословная организация городского самоуправления сохранялась вплоть до введения в действие Городового Положения 1870 года.¹⁸

Таким образом, стремление сформировать политико-правовые основы развития среднего класса в России получило значение лишь одной из общих тенденций екатерининского законодательства. Монолитный средний класс не мог сложиться в условиях нормативно-правового закрепления существовавших межсословных перегородок в рамках самого этого класса. Кроме того, неразрешимыми в условиях XVIII века оставались и противоречия интересов дворянства и купечества, крупного предпринимательства и кустарно-ремесленного производства. Государство, опорой которого были дворяне, не могло привести общество к социальному согласию. В рамках сложившейся системы государственно-правового регулирования можно было лишь «погасить» существующие противоречия. Но, как известно, с каждой новой исторической эпохой эти противоречия неизбежно воспроизводились, принимая всё более широкие слои населения.

Однако нельзя согласиться с нередким в историко-правовой литературе мнением, согласно

¹⁶ Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII вв. – СПб., 2002. – С. 425.

¹⁷ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Часть II. – СПб., 1892. – С. 239.

¹⁸ Там же. С. 593.

которому реформы Екатерины были направлены на консервацию «средневековой сословности».¹⁹ Речь, как нам кажется, идёт здесь как раз о «новых» сословиях, сословиях, характерных для эпохи Нового времени. Екатерина фактически разрабатывала механизмы государственно-правового регулирования процессов консолидации социальных структур посредством законодательного закрепления прав, обязанностей и свобод различных категорий подданных. Тем самым закладывались основы формирования гражданского общества.

Один из современных исследователей пишет: «Если на Западе типом свободного гражданина, по которому равнялись все остальные в общем процессе уравнивания и освобождения, был «горожанин», то у нас аналогичную роль играла фигура «дворянина»».²⁰ Следовательно, после издания Жалованной грамоты в 1785 году в России

сформировалось сословие, за которым признавалась гражданская свобода, члены которого располагали гражданскими правами. Дальнейшая историческая задача состояла в том, чтобы расширить эту гражданскую свободу на все новые группы населения. Проследить за тем, как развивался этот процесс, как шло расширение гражданской свободы и гражданских прав на другие слои населения – эта задача выходит за исторические рамки рассматриваемого в нашей работе периода.

Но совершенно очевидно, что Екатерина II не считала предоставление дворянству гражданской свободы дарованием ему особой привилегии. Она полагала, что «Жалованная грамота»²¹ 1785 года (которая касалась не только дворянства, но в несколько меньшей степени и городов) должна восприниматься как начало развития гражданского строя в России. Доказательством этому служит её

намерение издать в том же году закон, в силу которого все российские подданные, которые будут рождаться, начиная с этого года, с рождения будут свободными людьми, к какому бы сословию ни принадлежали их родители. Значит, она считала статус свободного гражданина уже существующим после её Жалованной грамоты и думала о расширении этого статуса путём постепенного естественного вымирания всех несвободных и замены их свободными подданными Российской империи.²²

Приведённые выше факты довольно убедительно свидетельствуют, что законы, касающиеся различных групп городского населения, не были изолированным, тем более случайным фактом в законодательной деятельности Екатерины II и составляли важное звено в организованной ею работе по изданию более совершенного, чем ранее, законодательства Российской империи.

¹⁹ Рогожин А.И., Ярмыш А.Н. Государство и право России в период становления и развития абсолютизма (вторая половина XVII – конец XVIII в.). – Киев, 1989. – С. 18.

²⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Часть II. – С. 428.

²¹ ПСЗ. Т. 22. № 16188.

²² Каменский А.Б. От Петра I до Павла I... – С. 368.

Г.В. ХАРЬКОВСКИЙ, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры
G. Kharkovskiy, the student of Saint-Petersburg juridical institute (branch) of the academy of general prokuratury

О критериях эффективности законодательства Problem of the effectiveness of the legislation

Аннотация: Отмечается, что в качестве критерия эффективности любой правовой нормы выступает степень действенности её практической реализации в деятельности правоприменительных органов. Законодатель должен предвосхищать реакцию населения на вводимые законы.

Abstract: It is noted that as a criterion of the effectiveness of any legal norm is the degree of efficiency of its practical implementation in the activity of law enforcement bodies. The legislator should anticipate the reaction of the population to enter the laws.

Ключевые слова: проблема эффективности законодательства, правовой нигилизм, критерий эффективности правовой нормы, справедливое государство

Key words: the problem of the effectiveness of legislation, lawful nihilism, the criterion of effectiveness of lawful standard, the valid state

В современной России существует много проблем. Одна из таких проблем – проблема эффективности законодательства. Законотворчество – это довольно сложный процесс, который требует специальных знаний, терпения и ответственности от законодателя. Закон – это не просто запись на листе, это некая гарантия, которая реально регулирует, отстаивает, защищает права и свободы человека и гражданина. Важнейшим показателем социальной полезности и необходимости закона является его эффективность. Согласно определению, приводимому В.В. Лапаевой: «Эффективность закона – это соотношение между целями содержащихся в законе правовых норм и результатом их реализации в социальной практике»¹. Иначе говоря, эффективность закона показывает, в какой степени его практическое применение приводит к реализации поставленных законодателем целей. Эффективность закона определяется взаимодействием трёх следующих факторов. Во-первых,

она зависит от содержания самого закона, от его соответствия реальной социально-политической и правовой ситуации в обществе. Надуманный по содержанию закон, не отражающий объективных обстоятельств, реальных социальных потребностей, обречён оставаться мёртворожденным, поскольку не сможет оказать никакого влияния на правовые отношения. Вторым важным фактором эффективности закона выступает общий уровень правовой культуры граждан и их правосознания. Любая правовая норма более эффективна в том обществе, где подавляющее большинство населения привыкло уважать закон и руководствоваться им в своей практической жизни, знает и правильно понимает свои собственные права в их соотношении с обязанностями. С этой точки зрения серьёзной помехой для эффективного действия законов является феномен правового нигилизма – неверия населения в действенность и справедливость права как такового. В кризисные периоды жизни любого общества,

когда законодательная практика не поспевает за стремительными социальными переменами, действенность права неизбежно понижается, а уровень правового нигилизма, соответственно, возрастает.

Такова современная ситуация в российском обществе, где традиционное сознание и правовая культура не являются «правовыми» в строгом смысле слова, нормативные отношения воспринимаются довольно вариативно, а правовое поведение населения зачастую нельзя назвать «законопослушным». Это обусловлено рядом причин: низкой правовой компетентностью граждан, их общей неинформированностью о своих правах и обязанностях; неукомплектованностью юридического корпуса, недостаточно высоким профессионализмом работающих юристов; противоречиями законодательного процесса в переходный период общественного развития; административным правовым нигилизмом, проявляющимся в «войне законов», правовом лоббировании, игнорировании «неу-

¹ Лапаева В.В. Социология права/ Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: НОРМА, 2000, с. 209

добных» конституционных норм; слабостью правоохранительной и судебной системы.

Две социальные характеристики нашего общества являются наиболее негативными в плане формирования демократической правовой культуры, высокого правосознания и нормативного правового поведения граждан. Это, в первую очередь, высокий коэффициент дифференциации граждан в политической и экономической сферах общества, который делает всякие формальные установления «временными» по своей сути и позволяет большинству социальных субъектов воспринимать их в довольно необязательном режиме. И, во вторую очередь, как неразрывное следствие дифференциации, – социальная напряжённость, которая представляет эмоционально возбуждённый фон развивающейся противоправности в поведении не только массовых, но и административных, и даже правоприменительных групп. Во многом на эффективности права сказывается традиционно присущий данному обществу тип правовой культуры. Так, например, для России в этом плане всегда было характерно признание приоритета совести, нравственности перед позитивным правом. Отсюда вытекает некоторая принципиальная недооценка права, закона как средства решения возникающих проблем. В-третьих, социальная эффективность права в очень значительной степени определяется качеством деятельности правоохранительных и правоприменительных органов. От компетентности работников этих органов, их неподкупности и честности, добросовестности и внимательного отношения к людям зависит, в частности, обратное отношение граждан к этим органам, уважение к ним, желание сотрудничать и помогать, или, наоборот, восприятие правоохранительных органов как потенциального врага и нарушителя их собственных

личных прав. Недостатки и злоупотребления в работе правоохранительных органов способствуют росту негативного отношения к ним, недоверия и враждебности, и, следовательно, стремлению искать помощи в случае необходимости где-то в другом месте, не опираясь на право. Очень интересный возникает вопрос...

Почему решение проблем с помощью «понятий братков» имело большую силу в 90-е годы, чем право и закон? Конечно, в это время «сыграло» множество факторов, но я бы хотел назвать те, от которых зависит эффективность законодательства. Во-первых, произошла ломка «старого» строя, а новый ещё не сформировался, в результате – отсутствие эффективной законодательной базы. Во-вторых, напряжённость во всех сферах общества породила кризис в органах государственной власти, вследствие этого образовались пробелы в деятельности правоохранительных органов, что привело к застою всей системы. В-третьих, немаловажную роль на фоне кризиса 90-х сыграло недоверие к правоохранительным органам. Все эти факторы привели к появлению представления у людей о недейственности закона, им казалось, что решение проблем будет более продуктивным, если обратиться за помощью в криминальный мир.

В качестве критерия эффективности той или иной правовой нормы выступает степень действенности её практической реализации в деятельности правоприменительных органов. Безусловно, создание новой нормы – это сложный процесс, который требует от законодателя не просто формальных знаний юриспруденции, а прежде всего, информацию об аудитории, на которую будет распространяться будущая норма права, (её ценности, представления о праве, культура, характер, мышление и так далее), только после этого её можно выносить на обсуждение и подписание в представительный орган. Также необходимы знания других наук,

таких как: психология, антропология, социология, логика, философия права, этика, культурология и так далее. Только благодаря комплексным знаниям законодатель может спроектировать эффективную норму.

Любой здравомыслящий человек желает жить в справедливом государстве, в правовом, где существуют формальное равенство, фактическая свобода, уважение и соблюдение прав человека. Однако чтобы такое общество существовало, нужно воспитывать и обучать человека ценностям, которых придерживаются все члены общества, независимо от пола, расы, религиозных убеждений, традиций, культуры. Новая задача законодателя должна состоять в познании человеческой психики, мышления, представлений, интересов. Законодатель должен предвосхищать реакцию населения на вводимые законы, а для этого надо изучать его психическое (эмоциональное) отношение к планируемым нововведениям. При проектировании правовой нормы, законодатель должен учитывать множество факторов:

1 – что будет выражать данная норма;

2 – какие общественные отношения она будет регулировать;

3 – на кого она будет распространяться (если это человек, то знать его эмоции, психику, культуру, обычаи, уровень правовой культуры, религиозные убеждения, менталитет);

4 – отношение населения к этой норме, т.е. определение ожидания легитимизации этой нормы, с помощью социально-правовых и психологических методов: анкетирование, социальный опрос, голосование, а также при создании благоприятных условий, проводить социологический эксперимент (внедрение нормы на определённую территорию, в рамках, к примеру одного субъекта, благодаря чему люди, находясь в рамках данной нормы, способны выразить эффективность введённого прави-

ла поведения – нормы в действии), а также с помощью школы правового воспитания.

После выполнения вышеперечисленных пунктов можно выдвигать данную норму права на обсуждение в представительный орган (законодательную власть).

Только тогда, когда законодатель будет проводить такую про-

цедуру проекта правовой нормы, большинство общества будет её соблюдать и «работать» с ней. «Будет очень эффективно, если законодатель попробует использовать метод силлогизма»². На сегодняшний день метод силлогистики воспринимается как системный подход и факторный целевой анализ вводимой нормы. При принятии

закона первой посылкой будет закон, второй – последствия после принятия закона. С помощью этого метода законодателю можно будет определить какие последствия произведёт проект, если его объявить, как закон. Если последствия соответствуют задаче права, то его совпадение доказывает разумность закона.

² Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга»», 2010. — 1104 (LXXII+1032) с.С.23.

Б.В. МАКОВ, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ

B.Makov, candidate of philosophical Science, docent, Saint - the Petersburg juridical institute (branch) of the academy of the General Procurator's office RF

E-mail: makovbv65@mail.ru

Моделирование в криминологии (к вопросу о криминометрике) Simulation in criminology (to the question about criminometric)

Аннотация: Термин «криминометрика» подчёркивает специфику, содержание научной области: количественное выражение тех связей и отношений, которые раскрыты и обоснованы криминологической теорией. Хорошая модель может дать разумный прогноз в своей области компетенции при условии сохранения сложившихся отношений между системой и средой, может обнаружить угрозы сложившемуся порядку.

Abstract: The term of «*kriminometrika*» emphasizes specific character, the content of the scientific region: the quantitative expression of those connections and relations, which are opened and substantiated by «*kriminologicheskoy*» theory. A good model can give reasonable forecast in its region of scope with the condition of retaining the prevailing relations between the system and the medium, it can reveal threats to the prevailing order.

Ключевые слова: криминометрика, математическое моделирование, эмпирический метод, нелинейные процессы, сложные самоорганизующиеся системы.

Key words: «*kriminometrika*», mathematical simulation, empirical method, nonlinear processes, the complex self-organizing systems.

Современная наука при анализе сложных, многофакторных процессов применяет метод моделирования. Криминология, безусловно, не остаётся в стороне от общенаучной тенденции, однако моделирование криминальных процессов сопряжено с целым рядом проблем. Основная трудность моделирования российской криминогенной среды заключается в скорости её эволюции, поэтому каждую следующую модель приходится создавать заново, начиная с системного анализа изменившихся правовых отношений. Сегодня активно развиваются не только разные модели, но и разные подходы к самому процессу моделирования. Эффективность математического моделирования

многократно доказана в экономике (математизация поведения экономических субъектов создало новую отрасль – эконометрику), биологии, генетике, физиологии высшей нервной деятельности, лингвистике, этике, конфликтологии, деонтологии и, особенно, экологии. Системная парадигма и аналитико-семантическая методология прочно заняли лидирующее место в современных западных исследованиях в том числе и гуманитарных проблем.

Рассмотрим некоторую перспективу открывающуюся перед криминологией: как отмечал Д.А. Шестаков: «Применение семантического метода позволяет заглянуть в суть свойства, описать его структуру. Тогда преступность

предстанет как единство системного множества преступлений и других социальных подсистем».¹

Сегодня можно говорить о развитии новой отрасли криминологической науки – криминометрики, использующей методы математической статистики, адаптированные к задачам криминологии, что позволяет строить полные и надёжные количественные модели сложных нелинейных процессов.

В области экономических исследований эти модели нашли своё широкое применение, позволив специалистам повысить качество анализа и надёжность прогноза, глубже проникнуть в суть исследуемых процессов, теснее интегрироваться с современными информационными технологиями

¹ Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Под ред. д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 7.

управления и активно использовать их достижения.

Сегодня лидирующие позиции в криминометрических исследованиях занимают американские учёные: один из основоположников данного направления Г. Беккер, нобелевские лауреаты Д. Стиглиц, Д. Бьюкенен, М. Фридман, Г. Марковиц а также Д. Хейнеке, И. Эрлич, А. Полонски, С. Шавел, С. Левит, норвежец Эйд, немец Энторф. В России идейно близкие криминологические подходы к криминометрике выражали В.Н. Кудрявцев, Я.И. Гилинский, В.В. Лунеев, В.Л. Тамбовцев, а также Ю.В. Латов в статьях, публикуемых в журнале «Экономическая теория преступлений и наказаний». Эмпирические исследования криминологической детерминации представлены Ю.В. Андриенко в диссертации «Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности».

Термин криминометрика подчёркивает специфику, содержание научной области: количественное выражение тех связей и отношений, которые раскрыты и обоснованы криминологической теорией. Придание законного статуса данному исследовательскому направлению является следствием реализации междисциплинарного подхода (характерного для современной научной парадигмы) к изучению криминологии.²

Криминометрика - это междисциплинарная наука, возникающая на стыке эконометрики, криминологии, математической статистики, теории моделей и информационных технологий, интегрирующая аналитический потенциал этих наук для нужд криминологии. Частичная апробация этих методов произошла в эконометрике, что привело к появлению статистических и динамических исследований в экономике, приведших к

переходу на качественно новый уровень научных исследований. Применение основных методов математической статистики, таких как корреляционно-регрессионный анализ, анализ временных рядов, метод множественной регрессии и т.д. продемонстрировали свою эффективность при изучении исторических, социальных и экологических процессов. Сегодня возможно применение теории нечётких множеств, немонотонных и пароконсистентных логик к исследованию сложных процессов социальной природы.

Достижения в области теории алгоритмов и конечных автоматов стимулировали исследования цикличности общественных процессов и выявлению повторяющихся циклов в истории, социологии, политологии и в криминологии. Изучение динамики временных рядов и экстраполяция обнаруженных закономерностей привело к построению т.н. «барометров» (гарвардский барометр в экономике). Благодаря чему существенно улучшилось качество прогнозов будущего состояния исследуемых систем. Концепция барометра использует следующую идею: в динамике различных компонентов любого многофакторного, в том числе криминального, явления имеются такие показатели, изменение которых опережает изменение других компонентов. Таким образом, показатели, изменение которых опережает в своём развитии изменение других показателей, являются предвестниками последних. В основу прогноза с использованием гарвардского барометра было положено свойство каждой отдельной кривой повторять движение остальных кривых в определённой последовательности и с определённым отставанием. Существует множество подобных примеров, когда модельное представление конкретного процесса даёт эффективные результаты в той, или

иной гуманитарной дисциплине, но не находит своей интерпретации в криминологии. В этой связи хотелось бы видеть криминометрику как научную область, занимающуюся построением и оценкой качества формализованных криминологических моделей. Здесь возможно позаимствовать богатый опыт у развитых экономико-статистических и экологических моделей, исследуя их с помощью регрессионного и последовательного анализа. Одновременно возможно построение моделей с помощью множественной регрессии, методов отделения существенных переменных от несущественных, выявления зависимости (интерколлинеарности) переменных. Контекстуальный анализ понятий приводит к включению в уравнение регрессии переменных разных линейностей, благодаря чему становится возможным анализ систем с существенно нелинейными связями.

Проникновение математических методов в юридическую науку способствует преодолению значительных трудностей, связанных с природой криминологических процессов. Большинству объектов, изучаемых криминологией, можно дать определение – сложная система. Наиболее распространено понимание системы как совокупности элементов, находящихся во взаимодействии между собой и средой, и образующих фиксируемую целостность, единство. Определяющим качеством сложной системы является эмерджентность – наличие таких свойств, которые не присущи ни одному из элементов системы, но свойственны системе в целом. Поэтому при изучении систем недостаточно пользоваться методом анализа (расчленения на элементы с последующим изучением этих элементов в отдельности). Одна из трудностей исследований – в том, что почти не существует криминологических объектов, которые

² О необходимости мультиплицирования новых отраслей научного знания - см.: Колесников В.В. Глава 5. Основы экономической криминологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Под ред. д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 186.

можно было бы рассматривать как отдельные (внесистемные) элементы. Сложность системы определяется количеством входящих в неё элементов, связями между этими элементами, а также взаимоотношениями между системой и средой. Криминогенная ситуация обладает всеми признаками такой системы. Она объединяет огромное число элементов, отличается многообразием внутренних связей и связей с другими системами (правовая среда, организованная преступность других стран и т.д.). Взаимодействие природных, технологических, социальных процессов, объективных и субъективных факторов создают симметричную им структуру криминалитета. При этом необходимо учитывать, что криминальные процессы не просто сложны, а способны к необратимому качественному развитию. Субъекты криминальной деятельности постоянно пытаются найти новые средства достижения своих интересов – новые технологии, новые торговые связи, новые финансовые инструменты и схемы, новые способы организации. Таким образом, постоянно меняется субъект криминальных отношений, соответственно механизмы отбора создают адаптированного к изменениям среды носителя криминальных отношений, да и вся среда деятельности криминалитета непрерывно качественно изменяется. Заметим, что такая картина эволюции соответствует представлению Гегеля о необходимости существования противоречий как источника развития и марксистской диалектике «производительных сил» и «производственных отношений». Производственные отношения – это система ролей, а производительные силы – это люди, исполняющие роли с присущими им индивидуальными особенностями и

творческим потенциалом, от взаимодействия которых, в конечном счёте, происходит качественный скачок – смена формации. Пока мы не умеем моделировать такие процессы качественной эволюции, поэтому вынуждены создавать новую модель при каждом существенном изменении правовых отношений и в соответствии с ними.

Сложность и многофакторность социальных процессов представляют наибольший интерес для моделирования; именно здесь математическое моделирование может дать результаты, которые невозможно получить другими способами исследования. Потенциальная возможность математического моделирования любых криминологических объектов и процессов требует строгого подхода к выбору базисной основы модели. Указать чёткие границы математической формализуемости социальных проблем практически невозможно, ведь всегда будут существовать слабоструктурированные или невыявленные проблемы и ситуации, где математическое моделирование неэффективно. Главным тормозом практического применения математического моделирования в криминологии является наполнение разработанных моделей конкретной и качественной информацией. Точность и полнота первичной информации, реальные возможности её сбора и обработки во многом определяют выбор типов прикладных моделей. Это повышает требования к статистическим данным, используемым в криминологии.

Например, в экономике по той же причине не удастся формализовать концептуальные теории выдающихся экономистов. Из-за интуитивности введённых понятий, их семантическое значение слегка изменяется, оставаясь тем же самым языковым словом. В резуль-

тате при формализации получается не одна модель, отвечающая теории, скажем В.В. Леонтьева, а тысячи отличающихся друг от друга леонтьевских моделей. Сходная картина наблюдается во всех областях, где исследователи сталкиваются со сложными саморазвивающимися системами, такими как психика человека, биосфера, человеческое общество и его подсистемы. Особенность таких систем не только в многокомпонентности, многофакторности влияний, а в способности к необратимому качественному развитию. В результате мы всегда наблюдаем единственную траекторию существования во времени сложной системы (странный аттрактор), которая сама себя не воспроизводит статистически достоверно. Поэтому модели сложных систем, не столько объясняют заведомо неполные наблюдения, сколько заменяют невозможный для сложных систем эксперимент. Здесь надо учитывать, что исследование сложных систем выводит за пределы применимости эмпирического метода. Хорошая модель даёт точный прогноз в своей области компетенции при условии сохранения формализованных отношений, может обнаружить экстремумы – кризисы в сложившемся порядке, но она не может предсказать, чем заменится этот порядок после кризиса.

Возможно, принципиальные трудности моделирования сложных систем, стали одной из причин падения престижа науки в российском обществе. Разуверившись в возможностях рационального целенаправленного управления социальными процессами, общество стало в основном полагаться на процессы стихийной самоорганизации, что выразилось в использовании, практически повсеместно, конвенционализма или рыночного механизма согласования действий людей.

Литература:

1. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Под ред. д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 7.
2. Колесников В.В. Глава 5. Основы экономической криминологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Под ред. д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 186.